Н. 156
Ю. Ш.

АКАДЕМИЯ НАУК

СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

ЗА ДЕСЯТЬ ЛЕТ

1917—1927

БИБЛИОТЕКА
М. Н. Шокальского

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР · ЛЕНИНГРАД · 1927

АКАДЕМИЯ НАУК

СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

ЗА ДЕСЯТЬ ЛЕТ

1917—1927

3140

Библиотека Геологического [illegible] Союза ССР

Н.156
Ю.Ш.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР · ЛЕНИНГРАД · 1927

Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР
Ноябрь 1927 г.
Непременный Секретарь академик *С. Ольденбург*

Редактор издания академик *А. Е. Ферсман*

Начато набором в сентябре 1927 г. — Окончено печатанием в ноябре 1927 г.

Тит. л. + 2 нен. + IV + 235 стр. + 1 табл. и 2 карты
Ленинградский Гублит № 48586. — 15¼ печ. л. — Тираж 2000
Государственная Академическая Типография. В. О., 9 линия 12

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
С. Ф. Ольденбург. Предисловие	I—III
Б. Н. Молас. Структура Академии Наук СССР (с 1 таблицей)	1
Т. П. Кравец. Математика	8
Т. П. Кравец и П. М. Никифоров. Физика и сейсмология	11
А. Г. Бергман. Химия	17
А. А. Борисяк. Геология и палеонтология	30
А. Е. Ферсман. Минералогия	39
А. И. Толмачев. Ботаника	46
С. П. Костычев. Физиология растений	51
Б. Б. Полынов. Почвоведение	57
А. А. Бялыницкий-Бируля. Зоологические исследования (систематика, экология и зоогеография)	62
П. Г. Светлов. Экспериментальная зоология	70
Н. А. Подкопаев. Физиология	75
В. Н. Никитин. Гидробиологические исследования Черного моря (с 1 картой)	80
С. Ф. Платонов. История	83
Е. Ф. Карский. Работы по палеографии	96
Д. К. Зеленин. Этнография	101
Б. Н. Вишневский. Антропология	111
Е. Ф. Карский. Работы по русскому языку	116
В. Н. Перетц. Работы по русской и украинской литературе	123
С. Ф. Ольденбург. Востоковедение	140
В. И. Вернадский. Работы по истории знаний	155
А. Е. Ферсман. Экспедиционная деятельность (с 1 картой)	164
А. Е. Ферсман. Музейное, выставочное и лекционное дело	178
С. Ф. Платонов. Библиотечное дело	188
Б. Н. Молас. Международные сношения Академии	201
Н. Б. Андреев. Издательская деятельность	216
П. П. Сушкин. Подготовка новых работников Академии	226

БИБЛИО
М. И. Школьника

ПРЕДИСЛОВИЕ

Академия Наук СССР, прежде Российская Академия Наук, основана в 1724/1725 г. Страна в то время переживала полную перемену всего старозаветного строя и старалась приблизиться к Западу и его культуре. Одним из крупных культурных достижений было основание Академии, от которой ожидали не только чисто научной, теоретической работы, но и всемерного приложения научных изысканий к жизни, особенно к зарождавшейся тогда промышленности. Красною нитью проходит через всю работу Академии в течение двухсот слишком лет объединение науки теоретической и прикладной.

С самого начала 1918 г., вскоре после Октябрьской Революции, Народный Комиссариат по Просвещению вырабатывал проект мобилизации науки для нужд государственного строительства. На соответствующий запрос Народного Комиссара по Просвещению А. В. Луначарского Академия Наук ответила: „Академия полагает, что значительная часть задач ставится самою жизнью, и Академия всегда готова, по требованию жизни и Государства, приняться за посильную научную и теоретическую разработку отдельных задач, выдвигаемых нуждами государственного строительства, являясь при этом организующим и привлекающим ученые силы страны центром".

Это заявление явилось своего рода программою всей дальнейшей работы Академии. До 1925 г. Академия находилась в ведомстве Народного Комиссариата по Просвещению, по Главнауке, а с 1925 г. она состоит при Совете Народных Комиссаров СССР, в Управлении Делами которого имеется специальный Отдел Научных Учреждений.

Мы видим, что, особенно в течение первых лет, Академия продвигает работы по изучению естественных производительных

сил, сосредоточиваемые, главным образом, в соответствующей Комиссии (Комиссии по Изучению Естественных Производительных Сил СССР), но находящие себе отклик в большинстве академических научных учреждений, по разным научным дисциплинам. Точно так же изучение человека, особенно применительно к национальному вопросу, ведется специальной Комиссией по Изучению Племенного Состава Населения СССР. Обе эти Комиссии являются, вместе с тем, базою для экспедиций по изучению естественных производительных сил и человека.

Имея в виду подведение итогов своей работы за десять лет, Академия сочла наиболее правильным вести изложение хода этой работы не по учреждениям, а по научным дисциплинам, дав общее представление о структуре Академии и затем остановившись на экспедиционной, музейной, библиотечной и издательской стороне работы, указав и на связанные со всеми дисциплинами работы по истории знания и закончив все очерком подготовки молодой научной смены как перехода к будущему. Из обозрения всего этого обширного материала выпукло и ярко выступает картина того, как за это десятилетие выросла и сорганизовалась Академия.

Прежде всего, благодаря Ленинградскому Исполкому с его чрезвычайно сочувственным к работе Академии отношением, необыкновенно расширилось число, площадь и кубатура академических зданий, настолько, что почти все учреждения Академии пока почти полностью удовлетворены в этом отношении.

Затем, в связи с двухсотлетним юбилеем Академии в ее распоряжение на капитальное оборудование Правительством были предоставлены средства, позволившие ей поставить большинство академических учреждений в положение, отвечающее их научной работе. Далее, и на самую работу, и на экспедиции, на приобретение книг, приборов и материалов, и, наконец, на издательство, были тоже значительно увеличены средства. Благодаря всему этому явилась возможность значительно расширить круг работ.

Возрождение Академии, после ряда годов снижения ее работ из-за неблагоприятных для работы условий, поставило ее вновь в ряды наиболее рабочих академий мира и позволило ей широко возобновить научные сношения с иностранными научными учреждениями.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 1927 г. был утвержден новый устав Академии, который во многом вызовет изменение хода и направления ее работ; введение, в связи с этим уставом, технических и социально-экономических кафедр является совершенно новым для Академии и вызовет, несомненно, быстрый рост работ в этих областях знания. Новое, социалистическое строительство Союза требует твердой и широкой научной базы.

Десятилетние работы Академии, сущность которых изложена в настоящем сборнике, дают ей право смотреть светло на свое будущее и быть уверенной, что всем ответственным работникам Академии уже готовится надежная и научно-творческая смена. Академия считает, что ее работа за это десятилетие оправдала данное Академии название высшего ученого учреждения Союза.

Как сложится и какие формы примет работа Академии в предстоящем втором десятилетии, предсказать пока трудно, но ясно одно — она пойдет в русле нового строительства, в тесном союзе науки и жизни, к яркому выявлению „ее традиции чистой, независимой научности", как выражался в письме в Академию Наук Народный Комиссар по Просвещению А. В. Луначарский еще в 1918 г.

Итоги первого десятилетия, как может убедиться всякий, кто прочтет эту книгу, показывают, что Академией, зачастую в очень трудной обстановке, проделана большая научная работа на пользу науки и государства в его новом строительстве.

Непременный Секретарь
академик *Сергей Ольденбург*.

СТРУКТУРА АКАДЕМИИ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ Наук, отпраздновавшая в 1925 г. свой двухсотлетний юбилей, за время своего долгого существования мало меняла основы своей структуры. И устав 1836 г., по которому Академия Наук жила до последнего времени, и предыдущий ее устав 1803 г. сравнительно мало разнятся один от другого, и ими лишь узаконялось то положение вещей, которое фактически существовало с самого основания Академии Петром I в 1724/1725 г.

Даже после Революции 1917 г. Академия Наук, ввиду сложности ее конструкции, не сразу получила новый устав. Он был утвержден лишь 18 июня 1927 г. и тотчас же после этого введен в действие. Таким образом, во второе десятилетие нового строя нашей страны, Академия Наук СССР вступает с новым уставом. Этот устав, сохраняя основные положения о научной работе Академии и ее учреждений, ввел, однако, и ряд существенных изменений в организацию Академии, из которых главными являются: учреждение двух должностей вице-президента, вместо одной, возможность доведения числа академиков с 45, имеющихся в настоящее время, до 70 и разделение Академии, вместо бывших трех Отделений, на два. Выборы академиков производятся, на прежних основаниях, Общим Собранием Академии и им теперь окончательно утверждаются, но новый устав предусматривает право ученых учреждений, общественных организаций и отдельных ученых сообщать Академии имена своих кандидатов на академические кафедры. Кроме того, уставом 1927 г. образован, в качестве особого академического органа, Президиум Академии, в составе президента, двух вице-президентов, непременного секретаря и академиков-секретарей обоих

Отделений. Научная часть возглавляется Общим Собранием Академии и ее Отделениями и ведется непосредственно Секретариатом Академии, состоящим, под председательством непременного секретаря, из академиков-секретарей обоих Отделений. Планы работ Академии, до их утверждения, будут сообщаться на заключение Союзных Республик.

Ввиду приведенных положений нового устава, структура Академии Наук в настоящее время представляется в следующем виде.

Академия Наук СССР, являясь высшим ученым учреждением Союза ССР, состоящим при Совете Народных Комиссаров СССР, возглавляется Общим Собранием ее действительных членов, число которых ко дню десятилетия Октябрьской Революции фактически составляет 45. Академия разделяется на два Отделения, сообразно с существующими научными дисциплинами — Отделение Физико-Математических Наук и Отделение Гуманитарных Наук.

Работа всех академических учреждений ведется соответственно с поставленными перед Академией задачами: развивать и совершенствовать научные дисциплины, входящие в круг ее ведения, изучать естественные производительные силы страны и содействовать их использованию и приспособлять научные теории и результаты научных опытов и наблюдений к практическому применению в промышленности и культурном строительстве нашего Союза.

Председателем Общего Собрания Академии Наук, также как и обоих ее Отделений, является президент.

Все наиболее важные дела и вопросы из жизни Академии и ее учреждений рассматриваются в ее Общем Собрании, собирающемся каждую первую субботу каждого месяца, или в одном из двух ее Отделений по принадлежности. Ежегодно, 2 февраля, бывает торжественное заседание Академии Наук, на котором читается непременным секретарем, как ведающим всей научной частью Академии, отчет о научных достижениях Академии за истекший год, а одним из академиков произносится речь научного содержания.

Образованный новым уставом Президиум Академии ведает текущими научными и административными делами Академии, не подлежащими непосредственному ведению Общего Собрания

и Отделений, а также является распорядителем кредитов Академии.

Кроме действительных членов, составляющих Общее Собрание Академии, в составе Академии имеются еще почетные члены (к 1 октября 1927 г. их было: 4 союзных и 25 иностранных) и члены-корреспонденты (к 1 октября 1927 г. их было: союзных 106 и иностранных 153).

Будучи старейшим и высшим ученым учреждением страны, Академия Наук является большим и сложным организмом, состоя из многих учреждений, подразделяемых на ученые и административно-хозяйственные. Ученые учреждения в свою очередь делятся на несколько групп: библиотеки, архивы, музеи, научные институты, лаборатории и постоянные научные комиссии. Некоторые из названных учреждений, как это будет объяснено в дальнейшем, имеют более сложный характер и должны быть отнесены, по своему составу и задачам, одновременно к двум или даже нескольким из вышеуказанных групп.

Из прилагаемой краткой графической схемы академических учреждений видны как главные их группировки по отдельным дисциплинам, так и их взаимоотношения. По самым своим заданиям и работе, некоторые из академических учреждений являются обще-академическими, другие же обслуживают лишь специальные научные дисциплины; по этому признаку, все академические учреждения разделяются, в порядке научного заведывания, между Общим Собранием Академии и ее двумя Отделениями.

К ведению Общего Собрания относятся:

1) Библиотека, 2) Архив Академии, 3) Комиссия по Изучению Естественных Производительных сил СССР, 4) Комиссия по Изучению Племенного Состава Населения СССР, 5) Особый Комитет по Исследованию Союзных и Автономных Республик, 6) Комиссия по Научным Экспедициям, 7) Комиссия по Изучению Якутской АССР, 8) Комиссия по Научному Исследованию Монгольской и Танну-Тувинской Народных Республик и Бурят-Монгольской АССР, 9) Постоянный Тихоокеанский Комитет, 10) Комиссия по Истории Знаний, 11) Библиотечная Комиссия, 12) Комиссия по Составлению Справочника „Наука и Научные Работники СССР“, 13) Секретариат Академии, 14) Издательство, 15) Книгохранилище Академических Изданий с Бюро по

Международному Книгообмену, 16) Управление Делами Академии, 17) Строительная Комиссия и 18) Академическая Типография.

К ведению Отделения Физико-Математических Наук относятся:

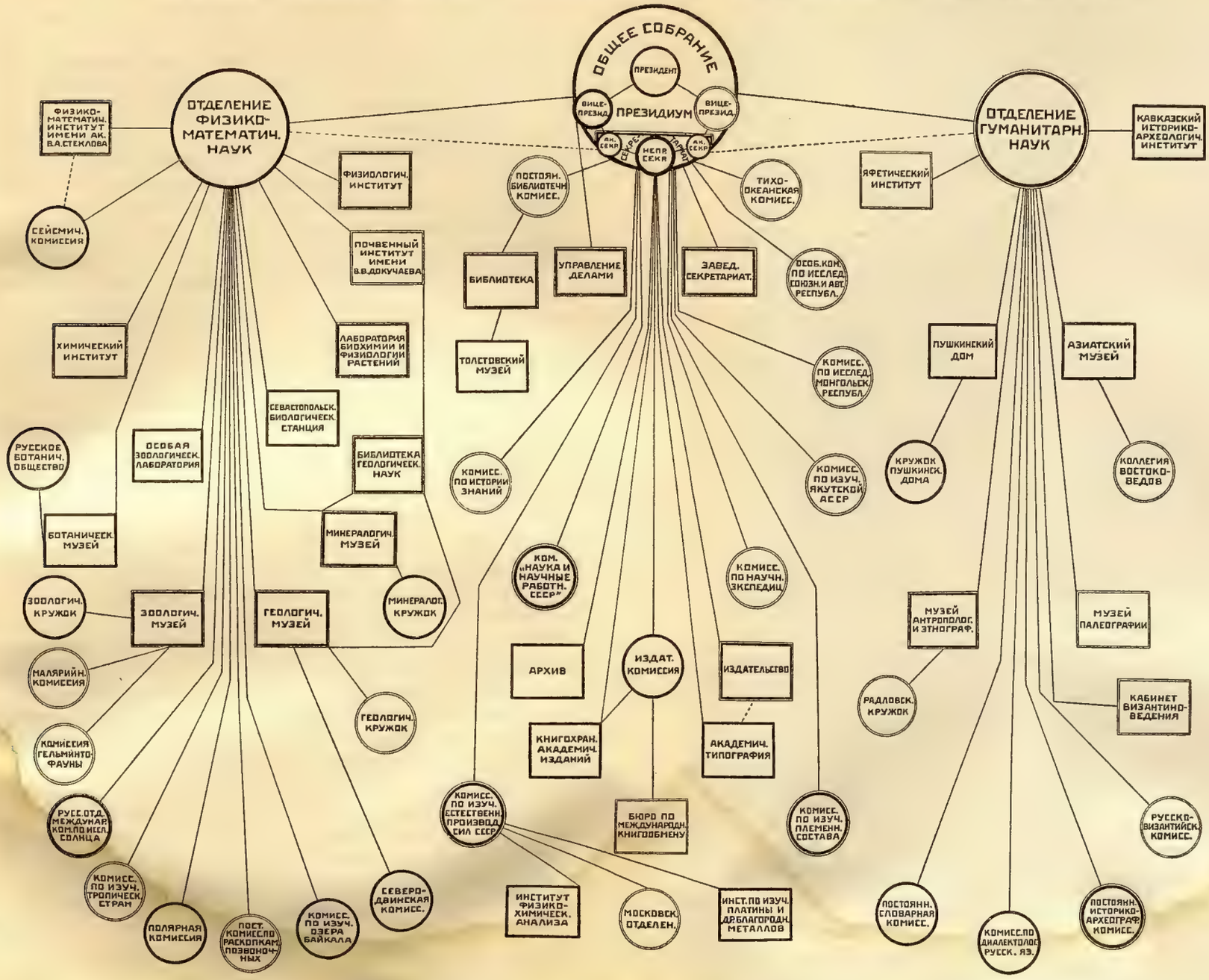
1) Физико-Математический Институт имени В. А. Стеклова, 2) Химический Институт, 3) Физиологический Институт, 4) Почвенный Институт имени В. В. Докучаева, 5) Лаборатория Биохимии и Физиологии Растений, 6) Особая Зоологическая Лаборатория, 7) Севастопольская Биологическая Станция, 8) Геологический Музей, 9) Минералогический Музей, 10) Ботанический Музей, 11) Зоологический Музей, 12) Сейсмическая Комиссия, 13) Постоянная Полярная Комиссия, 14) Комиссия по Изучению Озера Байкала, 15) Русское Отделение Международной Комиссии для Исследования Солнца, 16) Комиссия по Изучению Тропических Стран.

К ведению Отделения Гуманитарных Наук относятся:

1) Яфетический Институт, 2) Кавказский Историко-Археологический Институт, 3) Пушкинский Дом, 4) Музей Антропологии и Этнографии, 5) Азиатский Музей, 6) Музей Палеографии, 7) Словарная Комиссия, 8) Комиссия по Собиранию Словарных Материалов по Древне-Русскому Языку, 9) Комиссия по Диалектологии Русского Языка, 10) Комиссия по Составлению Толковой Библиографии по Древне-Русской Литературе, 11) Комиссия по Изданию Сочинений Пушкина, 12) Славянская Комиссия, 13) Постоянная Историко-Археографическая Комиссия, 14) Русско-Византийская Комиссия, 15) Коллегия Востоковедов при Азиатском Музее.

Как уже упомянуто выше, административно-хозяйственной и финансовой частью Академии ведает Президиум Академии. При весьма значительном годовом бюджете Академии и большом числе служащих, достигшем к октябрю 1927 г. 1.018 человек штатных служащих (683 чел. научного персонала, считая в этом числе и 30 практикантов, 133 чел. административно-технического персонала и 202 младших служащих), административно-финансовая работа Президиума представляется весьма сложной. Исполнительным органом Президиума является, в отношении административных, хозяйственных и финансовых дел, Управление Делами, действующее под руководством одного из вице-президентов.

СТРУКТУРА АКАДЕМИИ НАУК СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК



Учреждения, оставшиеся без изменений после 1917 г.

Учреждения, реорганизованные после 1917 г.

Учреждения, возникшие после 1917 г.

Заботы Президиума об академических учреждениях осложняются еще тем обстоятельством, что ряд учреждений находится вне Ленинграда, а именно: Севастопольская Биологическая Станция, Московское Отделение Комиссии по Изучению Естественных Производительных Сил СССР, Комиссия по Диалектологии Русского Языка в Москве, Кавказский Историко-Археологический Институт в Тифлисе и десять Сейсмических Станций, расположенных на всей обширной территории Союза—на Кавказе, в Сибири, в Туркестане и т. д.

Если в общей структуре Академии Наук за последнее десятилетие и не произошло радикальных изменений, то в смысле расширения ее работы, как путем образования новых учреждений, так и путем развития уже существующих, достигнуто было чрезвычайно много.

Так, начиная с 1917 г. в составе Академии Наук были созданы: 1) Комиссия по Составлению Справочника „Наука и Научные работники СССР", 2) Комиссия по Научным Экспедициям, 3) Яфетический Институт, 4) Кавказский Историко-Археологический Институт, учрежденный в июне 1917 г., 5) Почвенный Институт имени В. В. Докучаева, 6) Музей Палеографии, 7) Русско-Византийская Комиссия, 8) Комиссия по Изучению Якутской АССР, 9) Бюро по Международному Книгообмену, 10) Особый Комитет по Исследованию Союзных и Автономных Республик, 11) Постоянный Тихоокеанский Комитет, 12) Комиссия по Научному Исследованию Монгольской и Танну-Тувинской Народных Республик и Бурят-Монгольской АССР, 13) Комиссия по Истории Знаний, 14) Малярийная Комиссия при Зоологическом Музее, 15) Комиссия по Гельминтофауне при Зоологическом Музее, 16) Радловский Кружок при Музее Антропологии и Этнографии, 17) Центральное Бюро Краеведения, образованное в 1922 г., но в 1924 г. перешедшее в ведение Народного Комиссариата по Просвещению (по Главнауке) и 18) Комиссия Северо-Двинских Раскопок при Геологическом Музее.

Нельзя, далее, не отметить, что вследствие ряда благоприятных условий некоторые академические учреждения были преобразованы в учреждения с более широкими задачами, а именно: Физиологическая Лаборатория и Химическая Лаборатория были преобразованы в одноименные Институты, с рядом

новых Отделов; Лаборатория по Анатомии и Физиологии Растений была преобразована в Лабораторию Биохимии и Физиологии Растений и Физическая Лаборатория — в Физико-Математический Институт, носящий теперь имя скончавшегося в 1926 г. Вице-Президента Академии академика В. А. Стеклова.

Кроме названных 18 новых учреждений, работа в которых идет уже полным ходом, Академией Наук подготовлены к открытию еще 4 учреждения, образование которых пока окончательно не оформлено, но открытие которых ожидается в текущем году. Эти учреждения — Туркологический Институт, Институт Буддийской Культуры, Комиссия по Изучению Четвертичного Периода и Биохимическая Лаборатория.

Очень важным для Академии оказалось произведенное за последние десять лет расширение помещений многих старых академических учреждений, вследствие чего эти учреждения смогли широко развить свою деятельность, приступить к ряду новых научных исследований и использовать свои богатые собрания как в смысле их изучения, так и экспозиции, а некоторые учреждения — произвести и серьезную реорганизацию своей структуры, вызванную их новыми более широкими задачами. За указанное время Академией было получено несколько обширных новых помещений, а некоторые старые были дооборудованы или заново приспособлены для нужд Академии. Особенно важным было получение Академией, благодаря решению Ленинградского Губисполкома, двух обширных домов по Тучковой наб. (№№ 2 и 2а), в которых удалось разместить Пушкинский Дом, Комиссию по Изучению Естественных Производительных Сил СССР, Физиологический Институт и ряд других научных комиссий. Зоологическому Музею был передан дом № 1 по Университетской наб., ранее занятый общежитием Горного Института, что дало Музею возможность развернуть полностью его Ихтиологический Отдел. Дооборудование восьмиэтажного здания центральной Библиотеки Академии и перевод ее с Университетской наб. (дом № 3) в это новое здание дало возможность передать освободившийся дом (бывш. Кунсткамеру) Музею Антропологии и Этнографии, площадь которого, благодаря этому, расширилась более чем в три раза. Весьма обширные помещения получили также Геологический и Минералогический Музеи, которые, вследствие этого, смогли хорошо выставить

свои богатейшие коллекции. Наконец, в новые помещения были переведены Азиатский Музей, Книгохранилище и Архив Академии Наук.

В заключение необходимо указать, что при Академии, с ее тысячным составом сотрудников, действует и профессиональный орган — Местный Комитет Работников Академии Наук и при нем особая Культурно-Просветительная Комиссия. В ближайшем сотрудничестве с последней Академия выполняет задачи по осуществлению культшефства над подшефными Академии военными учреждениями, в числе которых состояли: 1) Военно-Политическая Школа имени Энгельса, 2) Зенитный Артиллерийский Дивизион, 3) Военная Интернациональная Школа, 4) Военно-Политическая Академия имени Толмачева и 5) Дом Красной Армии и Флота.

Устроенный Культурно-Просветительной Комиссией Месткома Красный Уголок является центром работ этой Комиссии. В нем удалось устроить солидную библиотеку новейшей литературы, организовать школу грамоты, курс политграмоты, а также проводить научно-популярные лекции и литературно-музыкальные вечера.

Б. Молас.

МАТЕМАТИКА

НАЧАЛО десятилетия 1917—1927 гг. застает еще в живых академика А. М. Ляпунова, знаменитого автора классических исследований о формах равновесия вращающейся жидкости. Значение этих работ еще делеко не вполне оценено, в особенности заграничными учеными, но достаточно будет указать, что результаты исследований А. Пуанкарэ, в свое время возбудившие сенсацию и признанные „делающими эпоху", далеко оставлены позади трудами А. М. Ляпунова как в смысле общности достигнутых результатов, так и в смысле строгости и точности метода. В 1918 г., за несколько дней до своей безвременной кончины, он довел до конца последний из своих мемуаров этой серии. Труд этот еще ждет своего появления в свет.

Другая потеря, понесенная кафедрой математики за этот период — академик А. А. Марков. В Известиях Академии за 1918, 1920 и 1922 гг. еще помещен ряд его статей по отдельным вопросам теории вероятности. Известно, что никому, ни до, ни после А. А. Маркова, не удавалось достичь в изложении и трактовке задач теории вероятности той степени строгости и точности, которая отличает его работы в этой области. Главная же заслуга А. А. Маркова заключается в том, что он осуществил идею своего славного предшественника П. Л. Чебышева о методе моментов (этому вопросу посвящена одна из вышеупомянутых статей) — этом высочайшем создании русской науки.[1] Ныне, при всеобщем оживлении методов статистики в разнообразнейших отделах науки, заслуги А. А. Маркова особенно ясны, а его утрата особенно тягостна для науки.

---

[1] См. А. Безикович. Работы А. А. Маркова по теории вероятности. Известия Российской Академии Наук, 1923, № 1—18.

До 1926 г. жил и работал академик В. А. Стеклов. Им опубликован за рассматриваемый период времени целый ряд ученых трудов. Сюда относятся две статьи: „Sur les quadratures", помещенные в Известиях Академии; три работы: „Sur le développement des fonctions continues en séries de polynomes de Tchébychef" и еще статья: „Sur le problème d'approximation des fonctions arbitraires à l'aide des polynomes de Tchébychef". Участие В. А. Стеклова в Комиссии по Исследованию Курской Магнитной Аномалии, направив его изыскания по новому руслу, привело его к работе: „Определение размеров и глубины залегания магнитного слоя по 4 и 6 наблюдениям". Интерес к гравиметрическим работам в области Курской Аномалии вылился в ценное исследование: „К общей теории гравитационного вариометра Этвёша", где вопрос трактуется с полной общностью. Наконец, сюда же относится его работа о влиянии изменяющегося наклона земной оси к эклиптике на вековое изменение климатов земного шара. Здесь, повидимому, впервые получило свое точное объяснение последовательное чередование потеплений и оледенений за позднейшие геологические периоды.

За это же время вышли его „Основные задачи математической физики", в двух томах. Многие страницы их носят на себе черты собственной работы автора: во многих случаях излагаемые вопросы или впервые поставлены, или по новому разрешены В. А. Стекловым.

Конечно, никто в Акедемии не мог еще забыть того колоссального труда по организации как Академии, так и науки вообще, который принял на свои плечи В. А. Стеклов. Нельзя не остановиться с особым чувством перед тем совершенно невероятным напряжением, которое ему было необходимо, чтобы, несмотря на это, остаться верным главному своему делу—науке... Следом его организационной деятельности внутри Академии остался основанный им Физико-Математический Институт, ныне носящий его имя. Здесь объединены для общей работы представители математики, физики и геофизики (сейсмологии и гравиметрии). Его же трудом следует признать восстановление нашей Сейсмической Сети, пришедшей в упадок и отчасти даже разрушенной в период гражданской войны.

Труды академика Я. В. Успенского были посвящены области теории чисел. В Известиях Академии за истекшее десятиле-

тие им помещен целый ряд мемуаров; среди них пять статей: „Sur les relations entre les nombres des classes des formes quadratiques binaires et positives"; далее — „Об одной задаче Ивана Бернулли" и „Асимптотические выражения числовых функций, встречающихся в задачах о разбиении чисел на слагаемые".

Подобным же темам посвящены работы учеников Я. В. Успенского: научной сотрудницы Физико-Математического Института Е. А. Нарышкиной (две статьи „О числах, аналогичных числам Бернулли"), Б. А. Венкова и др.

Особо следует упомянуть работу И. М. Виноградова, напечатанную в Известиях Академии: „О границе наименьшего невычета n-ой степени".

Из членов-корреспондентов Академии Наук наибольшее количество своих трудов напечатал в Известиях Академии Н. М. Гюнтер. Здесь им помещен ряд мемуаров: „О движении жидкости, заключенной в данном перемещающемся сосуде", „О решениях уравнений гидродинамики", „О действиях над функциями, неимеющими производных", „Об одном приложении теории замкнутости", „Sur une application des fonctions de W. Stekloff" и др. Член-корреспондент С. Н. Бернштейн поместил в Известиях Академии одну из своих работ по теории вероятности; член-корреспондент Д. А. Граве — одну работу на тему: „Об уравнениях Эйлера и их приложениях в теории упругостей".

Наконец, следует отметить работу: „Об одной теореме об абсолютно непрерывных функциях", принадлежащую перу молодого сотрудника Физико-Математического Института М. А. Зарецкого, погибшего летом 1927 г. от несчастной случайности.

Т. Кравец.

ФИЗИКА И СЕЙСМОЛОГИЯ

КАК раз накануне 1917 г. скончался академик Б. Б. Голицын, с трудами которого связана целая эпоха в работе Академии Наук по физике. В последние годы и он сам, и руководимая им Физическая Лаборатория посвящали почти весь свой труд сейсмометрии. Известно, какими вкладами в эту область обязана ему наука. В Известиях Постоянной Сейсмической Комиссии за 1919 г. помещены две посмертные статьи академика Б. Б. Голицына. Одна из них трактует вопрос о микросейсмических колебаниях почвы на основании богатого материала, собранного русскими сейсмическими станциями; другая касается вопроса об угле выхода сейсмической радиации. Автор показывает, какую огромную роль играет знание этой величины, в частности, для всякого рода суждений о внутреннем строении земной коры. Сейсмические приборы Б. Б. Голицына, которыми снабжена русская Сейсмическая Сеть, позволяют без труда получать значение этого угла. Академик Б. Б. Голицын обрабатывает в своей статье материал, накопившийся к тому времени, и обнаруживает, отчасти в согласии с Вихертом, отчасти расходясь с ним, существование особых поверхностей резкого изменения свойств земной коры. Этим намечаются пути для дальнейших изысканий в этом направлении.

Академик А. Н. Крылов за истекшее десятилетие опубликовал ряд работ. В работе „О вибрациях корабля, производимых работою его машины“ ставится и до конца решается вопрос о тех колебаниях, которые возникают в корпусе корабля при неполном уравновешивании отдельных частей двигателя—вопрос, существенный в кораблестроении; здесь же даются вспомогательные таблицы для вычислений, возникающих на практике, причем задача решается с любым приближением. В другой

работе: „О методе Ритца для приближенного решения задач математической физики“ (совместно с профессором Я. Д. Тамаркиным) способ, предложенный швейцарским ученым, получает широкое распространение, причем законность его подтверждается строгими доказательствами. Работа эта является началом обширных исследований академика А. Н. Крылова в том же направлении. В сборнике: „Ньютон“, изданном Академией в 1927 г., помещена статья академика А. Н. Крылова: „‚Начала‘ Ньютона“; в Известиях Академии за 1922 г. напечатана другая его статья под заглавием: „О некоторых современных научно-технических вопросах“.

Работы академика П. П. Лазарева протекали в нескольких направлениях. С одной стороны, им опубликована серия работ, связанных с его более ранними исследованиями в области фотохимии. Сюда относятся, например, статьи: „О кинетике фотохимических реакций“, „О влиянии охлаждения красок на поглощение света в них“. К области молекулярной физики относится ряд статей о связи между твердостью и другими свойствами элементов (удельным объемом, предельной упругостью), исследования по теории растворов, исследования по молекулярной физике и по теории безэлектродного разряда в газах. Сюда же нужно отнести и работы на те же темы учеников П. П. Лазарева, исполненные под его руководством.

Другой, весьма обширный, цикл работ того же периода предпринят академиком П. П. Лазаревым в связи с ионной теорией возбуждения, ранее развитой автором. В академических изданиях, а также в других специальных периодических изданиях, как русских, так и иностранных, им напечатаны исследования об ионной теории цветного зрения, о последовательных изображениях в глазу, о цветной слепоте с точки зрения ионного возбуждения, о связи органов слуха и зрения, о законе Тальбота, о кинетике коллоидных процессов при возбуждении, об ионной теории слуховой адаптации, о законе Вебера-Фехнера и его обобщении, о теории периферического зрения и многие другие, к которым надо прибавить также большое количество исследований на родственные и близкие темы учеников и сотрудников академика П. П. Лазарева.

В 1918 г. академик П. П. Лазарев взял на себя организацию работ весьма крупного масштаба по исследованию Курской

Магнитной Аномалии. Работа вначале была предпринята, чтобы восстановить карты Аномалии, составленные покойным профессором Э. Е. Лейстом и утерянные во время его заграничной поездки. Впоследствии же работа была расширена введением в ее программу гравиметрических исследований, а также заложением буровых скважин в наиболее интересных точках изученной Аномалии. К делу были привлечены крупные специалисты по математике, геологии и другим дисциплинам. Значительное количество трудов академика П. П. Лазарева, выполненных за рассматриваемый период времени, относится к этой последней теме.

Из других геофизических работ академика П. П. Лазарева можно указать выполненное по методу моделей исследование по вопросу о причинах изменения климата в различные геологические периоды, а также несколько статей по вопросам практической сейсмометрии.

В самое последнее время академиком П. П. Лазаревым и его сотрудниками опубликован еще ряд работ по свойствам стекла.

Академик А. Ф. Иоффе опубликовал ряд работ, преимущественно по вопросам рентгенографического изучения кристаллов, в особенности их упругих свойств. Сюда относятся его работы, исполненные совместно с М. В. Кирпичевой и, затем, М. А. Левитцкой, о деформациях и прочности кристаллов. Авторы применили здесь рентгеновский анализ для объяснения пластичности и прочности, причем пластичность получила свое полное объяснение во взаимных скольжениях отдельных частей кристаллов; пластическая деформация влечет за собой интересное явление упрочнения кристаллов. Разъяснено также наблюдавшееся расхождение теоретической и опытной величины предельной упругости. Особо исследовано влияние адсорбированной кристаллом воды.

Другая тема, занимавшая академика А. Ф. Иоффе (совместно с Н. И. Добронравовым) — вопрос о пространственных размерах световых (точнее рентгеновских) импульсов; вопрос этот имеет фундаментальное значение в споре между волновой и корпускулярной теориями света. В результате опытов авторы приходят к выводу об „игольчатом“ строении импульса.

Наконец, вместе со своими сотрудниками И. В. Курчатовым и К. Д. Синельниковым, академик А. Ф. Иоффе исследует ди-

электрическую прочность диэлектриков. Исходя из определенных представлений о механизме тока в диэлектрике, авторы объясняют и наблюдают в действительности огромные поверхностные эффекты в диэлектриках (в частности в кристаллах). Открытые ими явления повели к высшей степени важным техническим выводам, обещая поставить на новое основание всю технику электротехнической изоляции.

Большое количество работ исполнено учениками и сотрудниками академика А. Ф. Иоффе в руководимых им Государственном Физико-Техническом Институте и Ленинградской Физико-Технической Лаборатории.

Старший физик Физико-Математического Института Академии Наук (ФМИ) Т. П. Кравец опубликовал работы: „О световом давлении", „Об инертности энергии", „О геологических последствиях колебания земной оси" (две статьи), „О приливах Байкала" (совместно с А. П. Екимовым) и руководил рядом работ учеников по сейшам и приливам озер и некоторым сейсмическим вопросам.

Старший физик ФМИ Ю. А. Крутков напечатал работы: „Об основной формуле статистической механики", „Об основных дифференциальных уравнениях статистической механики", „Об адиабатных инвариантах и их применениях", „Об определении квантовых состояний", „О квантовании условно-периодических систем", „К теории отклонений от среднего" и, совместно с В. А. Фоком, „О маятнике Рэлея".

Старший физик ФМИ П. М. Никифоров состоял заведывающим Сейсмическим Отделом ФМИ и, в качестве такового, принимал деятельное участие в трудах покойного академика В. А. Стеклова по восстановлению Сейсмической Сети. В настоящее время, кроме Центральной Станции в Пулкове, работают Сейсмические Станции: I разряда — в Ленинграде, Москве (Кучино), Свердловске, Иркутске, Ташкенте, Макеевке, Баку и Тифлисе; II разряда — в Кабанске, Пятигорске, Самарканде, Фрунзе (б. Пишпек), Алма-Ате (б. Верный) и в Курдае. Разработан детальный план дальнейшего расширения Сети в подверженных землетрясениям областях СССР (Туркестан, Кавказ, Крым, Прибайкалье, Дальний Восток), что проводится особенно настоятельно после недавних землетрясений в Ленинакане, Намангане и Крыму. Для станций II разряда П. М. Никифоровым построен

новый сейсмограф, небольших размеров, с оптической регистрацией, обладающий высокой чувствительностью. Сейсмографами нового типа уже снабжены открываемая Центральной Станцией Гидро-Метеорологической Службы Черного и Азовского Морей Сейсмическая Станция в Феодосии и три Станции в области южного участка Туркестано-Сибирской железной дороги.

П. М. Никифоров организовал и руководил работами Гравитационной экспедиции в Нижне-Тагильском округе для исследования залеганий месторождения платины, а также гравиметрическими работами по исследованию Курской Магнитной Аномалии (метод крутильных весов). Им построены новые модели вариометра Этвёша, применявшиеся, помимо указанных экспедиций, также во время организованных им экспедиций в Илецкую Защиту и Кривой Рог, для гравиметрического обследования геологического строения этих местностей. П. М. Никифоров занимался также вопросами сейсмической разведки и опубликовал ряд статей по приборам и методам сейсмической и гравиметрической разведки, по разработке данных о выдающихся землетрясениях, по гравиметрическому исследованию Курской Магнитной Аномалии и других районов. В 1927 г. он организовал экспедицию для изучения южного участка Туркестано-Сибирской железной дороги в сейсмическом отношении. Кроме того, П. М. Никифоров был командирован Академией Наук на Международный Геологический Конгресс в Мадриде (1926 г.), на Международный Всетихоокеанский Конгресс в Токио (1926 г.) и на Международный Геодезический и Геофизический Конгресс в Праге (1927 г.), на которых выступал с докладами о своих исследованиях и демонстрировал построенные им инструменты. В июне 1927 г. он участвовал, по приглашению германского правительства, в „Неделе Ученых" в Берлине, где прочел два доклада о работах по геофизике в СССР. Состоял членом Постоянной Международной Сейсмической Комиссии, Deutsche Geophysikalische Gesellschaft и American Seismological Society.

Заведывающий Иркутской Сейсмической Станцией А. А. Тресков опубликовал статью: „О связи между температурой зимы и максимальной толщиной льда в Байкале".

Научный сотрудник ФМИ Н. В. Райко опубликовал две статьи о кавказских землетрясениях и сдал в печать третью статью на ту же тему; состоял членом American Seismological

Society, заведывал в течение двух лет Сейсмической Станцией в Пятигорске и участвовал в Сейсмической экспедиции ФМИ.

Заведывающий Сейсмической Станцией в Ташкенте Г. В. Попов интенсивно работал по вопросам теоретической и инструментальной сейсмометрии и приготовил к печати ряд статей.

Научный сотрудник ФМИ Н. В. Вешняков опубликовал, совместно с П. М. Никифоровым и другими авторами, статью о гравиметрической разведке железно-рудных кварцитов Кривого Рога и участвовал в многочисленных гравиметрических экспедициях ФМИ.

А. Я. Левицкая, Н. А. Линден и другие научные сотрудники ФМИ усиленно работали по вопросам теоретической и практической сейсмометрии и подготовили к печати соответствующие статьи.

Издательская деятельность ФМИ выразилась в опубликовании двух выпусков заключительного тома Известий Сейсмической Комиссии, двух томов Известий ФМИ и серии ежемесячных бюллетеней Сейсмических Станций I разряда за 1923—1926 гг.

Т. Кравец.

П. Никифоров.

ХИМИЯ

За последнее десятилетие научно-исследовательская работа в области химии возросла в Академии Наук во много раз. Если она занимала последнее время перед революцией сравнительно скромное положение, то теперь ей принадлежит выдающееся место среди научных работ по химии в нашем Союзе. Интенсивность этой работы и успех ее быстро возрастают.

До революции химия была представлена небольшой лабораторией, в которой при трех академиках состояло только два штатных и два сверхштатных химика. В настоящее время мы имеем Химический Институт, подразделяющийся на два Отделения: 1) Общей Химии (директор академик Н. С. Курнаков) и 2) Высоких Давлений и Температур и Органическое (основано в 1923 г., директор академик В. Н. Ипатьев), с числом сотрудников в 13 человек, со значительно пополнившимся инвентарем, но, к сожалению, со все еще очень тесным и неудобным помещением.

Химический Институт с каждым годом привлекает все большее число химиков из разных центров Союза для ознакомления с научной деятельностью Института и для работы в нем. В нынешнем году работало уже 10 специалистов, но теснота помещения ставит предел развитию этого дела.

В начале революции возникают при Комиссии по Изучению Естественных Производительных Сил России Институты Физико-Химического Анализа и Платиновый, ныне тесно связанные с Химическим Институтом Академии и руководимые академиком Н. С. Курнаковым. В состав их входит около 22 штатных сотрудников, причем не меньшее количество научных работников Ленинграда и других городов тесно связало свою научную деятельность с работою обоих названных Институтов.

3140

Общее число напечатанных за это десятилетие научных работ трех указанных Институтов превышает 200 и быстро растет; понятно, что в настоящем кратком очерке далеко не все они могут быть даже кратко упомянуты.

При Академии Наук возник в 1920 г. Государственный Радиевый Институт, основанный его директором академиком В. И. Вернадским и являющийся ныне самостоятельным учреждением, находящимся только в административно-научной связи с Академией Наук. Химический Отдел Радиевого Института, руководимый В. Г. Хлопиным, кроме получения из заводских концентратов чистых препаратов радия и полония, разработки ряда научно-технических вопросов, добычи и переработки радиевой руды и приготовления препаратов эманации для научных и лечебных учреждений, производит обширную работу в области химии радия. Геохимический Отдел начал, под руководством академика В. И. Вернадского, систематические работы по выделению и определению изотопов из живого вещества.

Интересный и ценный вклад в химию вносят геохимические и петрографо-геологические исследования двух Музеев Академии Наук: Минералогического (директор академик А. Е. Ферсман) и Геологического (директор академик Ф. Ю. Левинсон-Лессинг), равно как и ряда Отделов Комиссии по Изучению Естественных Производительных Сил СССР, изучающих и освещающих вопросы распространения, добычи и использования химического сырья.

Прежде чем перейти к описанию деятельности трех главных химических Институтов Академии Наук, остановимся на работе в области химии действительных членов Академии. Бывший Директор нынешнего Химического Института, академик П. И. Вальден (избранный в 1910 г.) расширял и углублял свои классические работы по электропроводности неводных растворов, молекулярному состоянию и диэлектрическим константам жидкостей и растворов как органических, так и неорганических соединений. Академик Д. П. Коновалов (избранный в 1923 г.) посвятил свои работы систематическому исследованию теплотворной способности углеродистых веществ, подробно останавливаясь на вопросе о влиянии строения на теплоту сгорания некоторых рядов циклических углеводородов. Как президент Главной Палаты Мер и Весов СССР, он большую часть своего труда отдает

научному руководству этим большим ученым учреждением, его многочисленными Комиссиями и Отделами. Деятельность академиков Н. С. Курнакова (избранного в 1913 г.) и В. Н. Ипатьева (избранного в 1916 г.) лучше всего может быть обрисована при обзоре работы руководимых ими Отделений Химического Института. Надо указать, что академик Н. С. Курнаков объединяет работу как Отделения Общей Химии, так и Институтов: Платинового и Физико-Химического Анализа. Большая часть персонала этих учреждений, также как и научных работников, идейно связанных с этими учреждениями, являются учениками и сотрудниками академика Н. С. Курнакова, создателя крупнейшей в СССР школы химиков. Вследствие этого научная работа всех названных учреждений так тесно связана и так переплетена, что отнести достижения к тому или иному учреждению часто представляется почти невозможным.

Химический Институт вырос из первой русской химической лаборатории, основанной в 1748 г. первым русским химиком М. В. Ломоносовым. В нынешнем помещении, являющемся четвертым по счету, Химический Институт находится с 1866 г. При Институте имеется хорошая библиотека, заключающая в себе более 4.000 томов специальных изданий.

Отделение Общей Химии. В ряде классических работ— „Сингулярные точки химических диаграмм", „Соединение и пространство" и др. — академик Н. С. Курнаков проводит мысль о непрерывности превращения вещества, объединяя казалось бы ранее несовместимые представления Бертолле о непрерывности превращений с разрывами в непрерывности, характеризующими определенные соединения, подчиняющиеся закону кратных пропорции и постоянству состава. В последней из названных работ он говорит: „Соединение есть сингулярная складка в пространстве". Прилагая методы топологии, он разрабатывает вопрос о химическом пространстве и о сингулярных комплексах в сложных системах. Совершенствуя методы измерения, расширяя границы наших понятий о многомерном пространстве и, далее, представляя результаты опытных исследований в виде равновесных химических диаграмм, в которых происходит слияние вещества и пространства в одно нераздельное целое, мы „объединяем отвлеченные вопросы теории познания с практическими

задачами действительности". В сериях экспериментальных работ академика Н. С. Курнакова и его учеников мы видим широкое подтверждение этих взглядов.

Экспериментальные работы Отделения Общей Химии ведутся, главным образом, в следующих направлениях: 1) исследуются водные равновесия двойных, тройных и четверных систем методами растворимости, удельного веса, вязкости и др.; 2) изучается взаимодействие в сплавах солей в отсутствии растворителя в, так называемых, взаимных системах; 3) широко применяются методы тензиметрического анализа к исследованию кристаллических и аморфных гидратных соединений, и 4) начались работы по металлографии и электропроводности металлических сплавов.

Надо указать, что наиболее ценным прибором, широко используемым и незаменимым для решения ряда вопросов, является регистрирующий пирометр академика Н. С. Курнакова.

Выдающееся значение имеет исследование академиком Н. С. Курнаковым и С. Ф. Жемчужным водного равновесия при 0° и 25° взаимной системы: $2\,NaCl + MgSO_4 \rightleftarrows Na_2SO_4 + MgCl_2$, являющегося основой для изучения взаимодействия солей морской воды и соляных озер Черноморского и Арало-Каспийского бассейна. Результаты этого исследования широко применяются и развиваются на крымских соляных промыслах (Саки), где начала работать специальная научно-исследовательская станция и лаборатория.

Большая серия работ академика Н. С. Курнакова и его сотрудников посвящена исследованию сингулярных складок при образовании солей в водных растворах, в системах: Na_2O-H_2Cl-H_2O (Т. А. Генке), Na_2O-N_2O_5-H_2O (В. И. Николаев), K_2O-H_2Cl_2-H_2O (Б. А. Муромцев), Na_2O-SO_3-H_2O (В. А. Мазель) и др. В. И. Николаев распространил это исследование на четверные системы и на диаграммы нескольких четверных систем (Na_2O-N_2O_5-H_2Cl_2-H_2O, Na_2O-K_2O-N_2O_5-H_2O, Na_2O-N_2O_5-H_2O-C_2H_5OH) и обнаружил новые сингулярные элементы в четверных системах. Покойная Т. А. Генке проследила образование комплексных солей в водных растворах на примере системы: Na_2Cl_2-$PtCl_4$-H_2O. Она же, в связи с вопросом об обезвоживании глауберовой соли, исследовала растворимость ее в водно-спиртовых растворах при различных

температурах. Вопросы рациональной постановки добычи радия вызвали исследования А. Г. Елисеева по выделению чистой соли радия из изоморфной смеси с барием и П. А. Волкова над равновесием $BaCl_2$-$PbCl_2$-HCl-H_2O. Систематическое определение растворимости солей платиновых металлов в различных условиях производит С. Ф. Жемчужный. С. З. Макаров изучал равновесие Na_2CO_3-Na_2SO_4-H_2O, причем проследил твердую фазу переменного состава, отвечающую природному минералу ганкситу, показав его псевдо-гексагональность и выяснив условия его существования в присутствии ряда веществ.

Новое представление о взаимодействии веществ в отсутствии растворителя внесли систематические работы в почти неисследованном вопросе о взаимодействии в расплавах солей А. Г. Бергмана, частью совместно с Т. А. Генке, а также гостей Института А. П. Ростовского, С. И. Соколова, А. П. Палкина (Ташкент). Исследовано методом термического анализа свыше 120 солевых пар, из которых для 12 взаимных систем: $Ag_2Cl_2 + HgJ_2 \leftarrow Ag_2J_2 + HgCl_2$, $Ag_2Cl_2 + HgBr_2 \rightleftarrows Ag_2Br_2 + HgCl_2$, $NaNO_3 + KCl \rightleftarrows KNO_3 + NaCl$, $TlNO_3 + KCl$ (KBr, KJ) $\rightarrow$ $\rightarrow KNO_3 + TlCl$ (TlBr, TlJ), $AgNO_3 + TlCl$ (KCl) $\rightarrow AgCl +$ $+ TlNO_3$ (KNO_3), $Pb(NO_3)_2 + 2\ KCl$(TlCl, AgCl) $\rightleftarrows Pb\ Cl_2 +$ $+ 2\ KNO_3$ ($TlNO_3$, $AgNO_3$) и др. получены полные пространственные диаграммы состояния, представляющие первые образцы ряда новых типов взаимных систем; из них в некоторых обнаружены сингулярные плоскости и интересные явления расслаивания. А. П. Палкин получил комплексные соединения азотнокислого серебра с нитратами рубидия и цезия методом термического анализа.

В старый, но мало разработанный вопрос о гидратной воде кристаллических и отчасти аморфных соединений исследования Института внесли много материала, подтвердившего взгляд академика Н. С. Курнакова на широкое распространение твердых растворов воды в гидратных соединениях. Академик Н. С. Курнаков и И. А. Андреевский исследовали методом ван Беммелена некоторые аммиачные и оксалатовые комплексные соединения платины и палладия, отличающиеся цеолитным характером гидратной воды. А. Г. Бергман систематически исследовал большое количество гидратных солей различных типов и получил различные типы диаграмм состояния: ангидрид - вода.

И. Н. Плаксин (Владивосток) и А. П. Палкин дополнили своими наблюдениями эту серию. А. Г. Бергман сделал любопытное наблюдение, что неповрежденные кристаллогидраты обладают ничтожной упругостью пара.

Организованные с 1925 г. металлографические работы уже дали результаты: Т. А. Генке исследовала, термическим и металлографическим методом, систему: свинец-висмут; ею же совместно с А. Г. Бергманом исследована система: платина-висмут. И. Н. Плаксин с большим усердием преодолел трудности в изучении амальгам золота в системе: золото-ртуть.

Отделение Высоких Давлений и Температур и Органическое было основано в 1923 г. и приступило к работам с 1924 г. под руководством академика В. Н. Ипатьева. Оно продолжает в настоящее время разрабатывать, с одной стороны, контактные каталитические процессы в области органических соединений, а с другой—действие водорода под давлением и при высокой температуре на ряд неорганических соединений и солей. Эти замечательные работы производятся с помощью специальных приборов (бомб Ипатьева), выдерживающих большое давление при высоких температурах и незаменимых при исследованиях этого рода.

В текущем году химический мир торжественно отпраздновал двадцатипятилетие выдающейся деятельности академика В. Н. Ипатьева в области каталитической химии, деятельности создавшей эпоху в этой области и широко используемой в лабораториях и в промышленности.

Реакции гидрирования под давлением в присутствии катализатора, окиси никкеля, при совместном действии глинозема и некоторых других окислов, показали отличную применимость этого метода к гидрированию нежных ароматических и непредельных соединений ряда трифенилметана (Б. Н. Долгов) и к ароматическим кислотам и их солям (Г. А. Разуваев), как в растворе, так и без него; оксикислоты отчасти подвергаются разложению, переходя в углеводороды. С успехом прогидрирован и дибензальацентон Н. А. Орловым; было показано, что кислородная связь в простых эфирах обладает незначительною прочностью и легко гидрируется: так, фениловый эфир дал циклогексан и циклогексанол; ксантон легко дает ксантен, переходящий в оксидициклогексилметан и дальше в дициклогексилметан.

Отличное конденсирующее действие показал классический катализатор — глинозем, введенный в науку и технику академиком В. Н. Ипатьевым. При конденсации спиртов с фенолом (Г. А. Орлов, Г. А. Разуваев, А. Д. Петров) получаются с хорошим выходом орто-алкилфенолы и алкилфениловые эфиры, а с метиловым спиртом — даже ксантен. Дегидратационная конденсация ацетона (А. Д. Петров) показала совершенно иное направление реакции в этих условиях: были получены в большом количестве циклические соединения — мезитилен, изофорон, ксилитон и др. Своеобразно и разнообразно проходит конденсация оксикислот (Г. А. Разуваев): молочная кислота дает метилянтарную кислоту, гликолевая — преимущественно янтарную.

Особый интерес приобретают работы по пирогенетической диссоциации под давлением, из которых в первую очередь следует отметить разложение ацетона (А. Д. Петров), давшее исключительно углеводороды: мезитилен и его изомеры, а также до 20% ксиленала, образовавшегося из промежуточного продукта — изофорона. Вводя под давлением водород, удается зафиксировать осколки от диссоциации молекул (Н. А. Орлов). Так, например, анилин дал бензол и аммиак, дифенилбензол — бензол, крезол — бензол и толуол и т. п. Фенантрен дает нафталин и продукты его диссоциации — одно- и двузамещенные бензолы. В техническом отношении особенно важно получение с хорошими выходами простейших ароматических углеводородов: бензола, толуола, ксилолов, нафталина из сольвент-нафты и тяжелого каменноугольного масла (Н. А. Орлов).

К ряду работ, заслуживающих большого внимания, относится исследование действия водорода под давлением на неорганические соединения. В многолетние исследования реакции вытеснения металлов из солей водородом внесли много ценного материала А. К. Старынкевич, Н. А. Клюквин, Н. В. Кондырев, В. И. Николаев, И. А. Андреевский и особенно В. В. Ипатьев, подробно исследовавший условия выделения меди из различных солей в зависимости от влияния концентрации, температуры, давления и среды.

И. А. Андреевский исследовал выделение платины и иридия из маточных растворов от аффинажа платины. В. И. Николаев произвел исследование вытеснения водородом фосфора, мышьяка, сурьмы и олова. Любопытно действие давления и воды на

желтый фосфор: он нацело превращается в смесь фосфорной кислоты и фосфористого водорода. Красный же фосфор в этих условиях дает модификации: фосфор пурпуровый, рубиновый, переходя частично, повидимому, и в черный. Кристаллические окислы металлов железного ряда (железо, марганец, хром), а также алюминия получали А. И. Киселев и Б. А. Муромцев при действии водорода под давлением на соли этих металлов. Точно так же при нагревании под давлением получены в кристаллическом виде кварц и различные силикаты из аморфных продуктов. Для физиологов представляет выдающееся значение исследование академика В. Н. Ипатьева, совместно с А. К. Андрюшенко, над поглощением углекислоты соляными растворами.

Институт Физико-Химического Анализа, основанный в 1917 г. и начавший работать с 1918 г. под руководством его основателя, академика Н. С. Курнакова, ставит себе задачею приложение разнообразных методов физико-химического анализа к ряду химических проблем, к научно-техническому использованию металлических и солевых сплавов, к рациональной эксплоатации соляных озер юга СССР, к исследованию и изучению природных ископаемых, руд, глин, бокситов и других горных пород и минералов. Кроме штатных сотрудников, в работе Института принимают участие почти все многочисленные ученики академика Н. С. Курнакова, а также ряд химиков других научных учреждений Ленинграда и иных городов СССР. По характеру работ Институт разделяется на три Отдела: Общий, Солевой и Металлографический. При Институте состоит особый Карабугазский Комитет по исследованию и использованию единственного в мире неисчерпаемого источника глауберовой соли Карабугазского залива Каспийского моря.

Работы Общего Отдела разрешают общие проблемы физико-химического анализа и изучения строения вещества. О выдающихся обобщающих работах академика Н. С. Курнакова было сказано выше. Н. В. Липиным найдено общее уравнение различных кривых плавкости бинарных систем при непрерывном переходе от недиссоциированного соединения к диссоциированным. Общая зависимость соотношения между температурою и скоростью превращений метастабильных систем обнаружена Н. И. Степановым, получившим также и общее

уравнение изотермы растворимости бинарного соединения в тройной системе и изучившим их формы для различной степени диссоциации. Его выводы реализованы им совместно с С. В. Липиным на тройной системе: анилин - аллиловое горчичное масло - нафталин. В. Н. Лодочников предложил удачный способ изображения многокомпонентных систем, что дает возможность начать планомерное их изучение. В этом же направлении работал В. П. Шишокин, развивший аналитические и графические методы исследования сложных равновесных систем и обобщивший метод остатков Шрейнемакерса.

Из экспериментальных работ необходимо выделить применение, под общим руководством академика Н. С. Курнакова, метода кривых нагревания, в сочетании с тензиметрическим анализом и изучением кривых высушивания, для изучения как химических индивидуумов (солей, окислов и т. д.), так, в особенности, и для исследования природных алюмосиликатов, бокситов, огнеупорных глин (Г. Г. Уразов), различных минералов: брусита, змеевиков и т. п. (В. В. Черных), природных окислов железа и окислов свинца (Е. Я. Роде), хлормагнезиальных цементов (В. А. Агеева), комплексных солей родия (О. Е. Звягинцев) и т. п. Этот метод дает возможность быстро подойти к природе соединений и к обнаружению твердых растворов. Приложение вискозиметрического метода к изучению химизма в растворах показало отличную возможность проследить взаимодействие компонентов и в жидком состоянии, как убедительно доказала серия работ академика Н. С. Курнакова, выполненная совместно с рядом сотрудников, а также работы Н. Н. Ефремова. Химическое взаимодействие в сплавах различных углеводородов и их производных с пикриновой и стифниновой кислотами, пикрилхлоридом и других соединений, на примере более 100 систем, изучал Н. Н. Ефремов, частью совместно с А. М. Тихомировой. Б. Н. Меншуткин посвятил ряд работ изучению последовательности химических реакций с помощью термического анализа, в частности (совместно с Н. Бутковым) на примере образования нафтиламинов из нафтолов и т. п. Н. Н. Нагорнов исследовал теплоту образования изоморфных смесей органических веществ, поверхностное состояние циклогексана и упругость пара смесей последнего с бензолом и толуолом.

Весьма тщательно и с большим экспериментальным искусством Г. Г. Уразов доказал униполярную проводимость сернистого серебра и полусернистой меди. Физико-химические свойства торфяного кокса разносторонне изучил Н. Н. Курнаков.

Новый метод магнитной восприимчивости и магнитного вращения плоскости поляризации применил к исследованию химизма двойных жидких систем Н. А. Трифонов (Саратов); рефрактометрическое исследование этих систем произвел В. Я. Аносов (Саратов).

Работы Солевого Отдела были направлены, главным образом, на приложение изученного академиком Н. С. Курнаковым и С. Ф. Жумчужным равновесия $2NaCl + MgSO_4 \rightleftarrows Na_2SO_4 + MgCl_2$ к рациональному ведению бассейнового хозяйства соляных промыслов (В. П. Ильинский), а также к вопросу об обезвоживании карабугазской глауберовой соли в бассейнах маточным раствором после садки поваренной соли (В. П. Ильинский и В. П. Шишокин). На Научно-Исследовательской Станции в Саках академик Н. С. Курнаков и некоторые его сотрудники производили на местах ряд исследований. В 1921—1923 гг. Н. И. Подкопаев руководил длительной экспедицией по детальному обследованию Карабугаза. Академику Н. С. Курнакову и его сотрудникам К. Ф. Белоглазову и М. К. Шматько принадлежит заслуга открытия солей калия в Соликамском районе Урала.

Затруднительное положение с солями калия в тяжелые годы и большая потребность в бертолетовой соли вызвало интересное в научном и техническом отношении исследование В. П. Ильинского над водным равновесием $2Na_2ClO_3 + K_2CO_3 \rightleftarrows 2KClO_3 + Na_2CO_3$, причем обстоятельно было прослежено влияние образования гидратов и двойных солей на реакции взаимного обмена солей. Из работ в области термического анализа выделяются работы академика Н. С. Курнакова и Ф. А. Котомина-Бударина по изучению боратов железа несколькими методами, а также систематические работы А. Г. Бергмана по вопросу об обменном разложении в сплавах солей.

Весьма обширные работы Металлографического Отдела принадлежат к лучшим исследованиям этого рода, так как результаты термического анализа параллельно проверялись и

дополнялись другими методами: микрографическим, электропроводности, твердости и др. П. Я. Сольдау выработал прекрасный метод электропроводности при высоких температурах и плодотворно применил его для исследования железоуглеродистых сплавов. В сплавах алюминия с железом академиком Н. С. Курнаковым, Г. Г. Уразовым и А. Т. Григорьевым обнаружена интересная фаза переменного состава, относящаяся к высшей степени любопытному классу соединений переменного состава, открытого академиком Н. С. Курнаковым. Черным металлам посвящены обстоятельные работы ныне покойного Н. С. Константинова по тройной системе: железо-фосфор-углерод; П. Я. Сольдау — по хромоникелевым сталям; С. А. Погодина — по железоникелевым сплавам; С. А. Погодина и Н. В. Агеева — по метеоритам; С. Ф. Жемчужного с рядом сотрудников—по сплавам высокого электросопротивления и т. д.

Большая часть работ посвящена цветным металлам и, в особенности, сплавам платины и платиновых металлов. За недостатком места, я позволю себе их только перечислить: Al-Sb, Al-Mg (Г. Г. Уразов), Pt-Ag, Pt-Fe, Pt-Ir (В. А. Немилов), Au-Sb, Pd-Sb, Pt-Au (А. Т. Григорьев), Rh-Bi (Е. Я. Роде), Pt-Zn (С. З. Макаров); сложные системы: Fe-Cu-S, Fe-Pb-S, Cu-Pb-S (Г. Г. Уразов и др.).

Институт по Изучению Платины и Других Благородных Металлов основан в конце 1917 г. и с 1918 г. начал развертывать свою деятельность, благодаря энергии основателя его, профессора Л. А. Чугаева, скончавшегося в 1922 г. После его смерти руководство Институтом взял на себя академик Н. С. Курнаков.

Кипучая энергия Л. А. Чугаева и его многочисленных сотрудников и учеников была направлена в область химии платиновых металлов. Открыто было много новых типов и рядов комплексных соединений, найдено свыше сотни новых соединений, изучены их физико-химические свойства и превращения, а также молекулярные перегруппировки. Из этих работ следует выделить замечательные по экспериментальному искусству работы Л. А. Чугаева по получению пентаминовых соединений — этого недоставшего и давно разыскиваемого многими химиками звена полного ряда аммиачных соединений платины;

эти новые соединения, по постановлению IV Менделеевского Съезда 1925 г., названы „солями Чугаева". Отметим далее работы Л. А. Чугаева по получению нового ряда комплексов платины и иридия с гидразином и изонитрилами, выполненные частью совместно с М. С. Сканави-Григорьевой и А. Поздняком, и аналогичные работы с гидроксиламином, исполненные им совместно с И. И. Черняевым. Для учения о строении комплексных соединений выдающееся значение имеют обширные и систематические работы Л. А. Чугаева совместно с рядом сотрудников (Э. Х. Фрицман, В. Г. Хлопин и др.) над комплексными соединениями платины и палладия с органическими сульфидами, на примере которых получаем подтверждение и дальнейшую разработку теории комплексных соединений Вернера. Э. Х. Фрицман дополнил эти исследования, изучая аналогичные соединения с селенистыми и теллуристыми эфирами. Исследование нитритных соединений платины было начато Л. А. Чугаевым сначала совместно с покойным С. С. Кильтыновичем, а далее с И. И. Черняевым, который и продолжает работы в этой области с большим успехом. Им же получен ряд оптически деятельных комплексных нитритов платины.

Молекулярные перегруппировки в ряду комплексов исследовались Л. А. Чугаевым с Н. К. Пшеницыным и А. А. Гринбергом, ныне плодотворно продолжающими эти работы. Л. А. Чугаевым были открыты интересные соединения платины, обладающие выдающимися индикаторными свойствами, подробнее изученными А. А. Гринбергом. Новый ряд этилендиаминовых соединений родия получил В. В. Лебединский, комплексные сульфокислоты—Л. А. Чугаев и С. Е. Красиков. Тройные соли родия детально исследовал О. Е. Звягинцев. Большое количество в высшей степени чувствительных реакций и методов отделения было предложено Л. А. Чугаевым, В. Г. Хлопиным, В. В. Лебединским, В. П. Ивановым, Б. Г. Карповым и другими исследователями.

С не меньшим успехом работает часть сотрудников над сплавами платиновых металлов, о чем уже кратко сказано выше. Крайне интересно отметить, что наиболее чувствительным реагентом на чистоту металлов оказалось испытание на твердость, электропроводность и термоток металла, значительно более чувствительное, чем химический анализ. Электропровод-

ностью солей платиновых металлов с успехом занимается С. И. Хорунженков.

Революция освободила от оков Запада русскую платиновую промышленность. Монополист по добыче платиновой руды — Россия всю руду вывозила для переработки заграницу. В настоящее время вся руда перерабатывается в СССР на нашем аффинажном заводе в Свердловске, который выпускает в чистом виде платиновые металлы. Исключительная заслуга в этом отношении принадлежит Платиновому Институту, работающему в тесном контакте с трестом Уралплатина и его аффинажным заводом, руководимым Н. Н. Барабошкиным. Вопросы аффинажа и приготовления чистых металлов разрабатываются Аффинажной Комиссией (председатель академик Н. С. Курнаков), а Аналитической Комиссией (председатель Б. Г. Карпов) вырабатываются методы анализа руды, полупродуктов и препаратов. Громадная и успешная работа этих Комиссий, по понятным причинам, лишь в небольшой степени, стала и может стать достоянием научной печати.

Такова в общих чертах химическая работа в Академии Наук СССР, развернувшаяся широким фронтом за последнее десятилетие.

А. Бергман.

ГЕОЛОГИЯ И ПАЛЕОНТОЛОГИЯ

ГЕОЛОГИЧЕСКИЕ работы Академии Наук, кроме личных исследований ее действительных членов, ведутся, под руководством последних, ее Геологическим Музеем, а также некоторыми ее специальными комиссиями. Собранные геологические и палеонтологические материалы поступают в указанный Музей. Результаты исследований публикуются в общих изданиях Академии — Записках, Известиях и Докладах, в специальных ее изданиях — Трудах Геологического Музея (до 1925 г. совместно с Минералогическим) и Северо-Двинских Раскопках, а также в изданиях отдельных комиссий Академии: по исследованию Монгольской и Танну-Тувинской Народных Республик и Бурят-Монгольской АССР, по изучению Якутской АССР и пр.

Ни в одной отрасли естествознания не отражаются так на работах материальные условия жизни страны, как на геологических исследованиях, требующих для сбора материала организации дорого стоющих экспедиций. Естественно, годы пережитой разрухи значительно сократили геологическую работу в нашей стране, в том числе и геологическую работу Академии; тем не менее, с удовлетворением можно констатировать, что ни экспедиционная деятельность ее сотрудников, ни тем более кабинетные исследования, несмотря на тяжелые условия неотапливавшихся Музея и лабораторий, вполне не прекращались. С 1921 г. начинают оживать деятельность Геологического Музея и его полевые геологические работы, далее, с каждым годом, энергично развивающиеся.

Что касается работ действительных членов Академии, то Президент Академии, академик А. П. Карпинский, восьмидесятилетие которого в 1924 г. праздновалось всем ученым миром

Союза, за истекшее десятилетие опубликовал ряд статей, посвященных вопросам геологии, палеонтологии и петрографии. Более сорока лет назад им заложены были основы палеогеографии и тектоники русской платформы. Картина строения ее, намеченная в то время, сохраняет свое значение и посейчас, и настолько, что относящиеся к этому вопросу статьи А. П. Карпинского могли быть перепечатаны в 1919 г. без каких-либо изменений основных положений, лишь с дополнениями нового фактического материала. Не поколеблены эти положения и новыми работами других исследователей, давшими им лишь дальнейшее развитие. Той же теме, тектонике европейской части Союза, посвящена и отдельная специальная статья А. П. Карпинского (1919). Палеонтологические работы А. П. Карпинского касаются трех главнейших интересующих его вопросов: строения едестид, новые находки которых он описывает; строения древнейших аммоней и трохилисков. Петрографическая работа А. П. Карпинского посвящена вопросу о происхождении платины на Урале. — Работы академика А. П. Павлова касались преимущественно геологии и палеонтологии четвертичных отложений. Сюда относится его речь на годовом торжественном заседании Академии Наук в 1921 г.; в ней излагалась выработанная автором стратиграфия ледниковых отложений русской равнины, и делалось сопоставление их с Западной Европой. Другой крупной работой А. П. Павлова явилось исследование неогеновых и послетретичных отложений Южной и Восточной Европы; в этом труде рассматриваются, главным образом, пресноводные отложения, но также континентальные и морские, дается общая схема подразделения этих осадков, и тем самым разрешается ряд труднейших вопросов третичной и четвертичной стратиграфии. Должны быть отмечены также работы А. П. Павлова в области палеонтологии человека, его исследование остатков четвертичного человека средней Волги и пр.—Крупным вкладом в русскую палеонтологическую литературу являются работы академика П. П. Сушкина; эти работы касаются различных групп пермских позвоночных, морфологии их черепа и остального скелета, а также биологии этих вымерших групп. Наиболее крупным трудом академика П. П. Сушкина в области палеонтологии является его исследование о видоизменении челюстной и подъязычной дуг и их

отношении к черепной коробке у древнейших *Tetrapoda*. Это исследование, дающее ряд важных морфологических и филогенетических заключений, было исполнено не только на русском материале, но также на материале европейских и американских музеев. Нельзя не упомянуть деятельности П. П. Сушкина по организации Северо-Двинской Галлереи Геологического Музея, во главе которой он состоит с 1921 г.—Геологические темы затрагивались также в петрографических и минералогических работах других действительных членов Академии.

Геологическим Музеем, наряду с музейными задачами, ведутся исследования, которыми собственно и обусловливается значение его, как крупного научного института. Естественно, темы этих работ в течение долгой истории Музея неоднократно менялись. В настоящее время доминирующее значение в области геологии имеют две темы, разрабатываемые Музеем: изучение геологии полярных стран и изучение геологии Центральной Азии. В области палеонтологии главнейшей работой Музея является изучение и разработка местонахождений ископаемых позвоночных.

На изучение полярных стран интересы Музея были направлены более четверти века назад, когда директором Музея был академик Ф. Н. Чернышев, которого занимали вопросы геологии Севера; Ф. Н. Чернышеву мы обязаны построением тектоники северной окраины русской платформы. После Ф. Н. Чернышева его сотрудниками за последние десять лет здесь собрано немало нового материала, между прочим, единственный материал по древнему палеозою северной оконечности Урала и Вайгача; кроме того, ряд экспедиций посетил Новую Землю (установлено широкое распространение силурийских отложений, найдена верхне-кембрийская фауна в Маточкином Шаре), Кольский полуостров, остров Кильдин (редкая находка *Gymnosolen* в палеозойских известняках), Большеземельскую тундру. Собранные материалы находятся в обработке, результаты которой пока лишь частью опубликованы. Таковы, например, новые данные по геологии четвертичных отложений Печорского края, четвертичной морской фауне и пр.

В области Центральной Азии геологические работы, начатые Академией Наук, в последние годы получили значительное развитие в связи с организацией при Совнаркоме СССР (ныне

при Академии Наук) особой Комиссии по Научному Исследованию Монгольской и Танну-Тувинской Народных Республик и Бурят-Монгольской АССР. Названная Комиссия преследует всестороннее изучение указанных стран, но среди собранных ею материалов геологический едва ли не является наиболее интересным. Ряд партий, работавших в западной Монголии и ведших частью маршрутные, частью более детальные исследования, доставил значительный материал по стратиграфии, палеонтологии и петрографии, а также тектонике этой страны. Этот материал еще мало освещен в печати. Может быть отмечена серия морского палеозоя, начиная с древнейшего (слои с археоциатидами), с богатой фауной; затем — континентальные, более юные слои; среди осадочных пород—отдельные изверженные массивы, являющиеся направляющими в тектонических перемещениях. Наибольший интерес представляет разграничение двух областей складчатости, из которых древнейшая обнаруживает прекращение горообразовательных движений в силурийский период, а новейшая, прислоненная к ней с юго-запада, захватывает и юный палеозой (герцинская складчатость). Изменение физико-географических условий, обусловленное этими горообразовательными движениями, получает выражение в различии фаций девонского моря в пределах той и другой складчатости: эпиконтинентальный полуморской бассейн на северо-востоке и бассейн открытого моря на юго-западе.

Эти факты можно рассматривать, как иллюстрацию жизни северо-азиатской геосинклинали, которая опоясывала с юга сибирский щит. Они приобретают тем больший интерес, что совпадают с новейшими данными, полученными исследованиями соседней к западу области Русского Алтая: здесь наметились те же две зоны складчатости, лежащие непосредственно на продолжении монгольских, и, соответственно, то же фациальное различие осадков. Из сказанного видно, какое большое значение имеют эти работы Геологического Музея в стране, представляющей ключ к пониманию геологического строения южной части Сибири.

По мере продвижения этих исследований далее на восток, они приближаются к области преимущественного развития молодых (меловых и третичных) континентальных отложений, с которыми связаны знаменитые находки фаун позвоночных,

сделанные американской Центрально-Азиатской экспедицией. Есть основания ожидать аналогичных находок и от монгольских работ Академии, и некоторые материалы, доставленные в прошедшем году, служат тому подтверждением.

Указанным двум основным областям работ Геологического Музея отвечают два его Отдела, основанные в самые последние годы: Отдел Геологии Центральной Азии и Отдел Геологии Полярных Стран. Последний, вместе со старым Отделом Музея Геологии Сибири, заключает ценнейшие материалы, на которых строилась в свое время геология Северной Азии. В Отделе Центральной Азии не только собраны материалы академических экспедиций последних лет, но сюда же поступили геологические коллекции большинства прежних исследователей Центральной Азии (в том числе члена-корреспондента Академии В. А. Обручева); таким образом, это собрание является единственным, совершенно исключительным по своей ценности.

Переходим теперь к третьей серии работ Геологического Музея — раскопкам и изучению фаун ископаемых позвоночных. Первые открытия крупных местонахождений позвоночных на территории Союза были сделаны лишь в начале XX века; до того, наша страна считалась бедной этими остатками. Теперь по количеству и обширности местонахождений она является богатейшею в Европе, а в Азии обладает, вероятно, не меньшими богатствами, чем соседняя Монголия. Местонахождения эти при том принадлежат всем системам, начиная с каменноугольной.

Уже до войны Академия Наук предпринимала ряд крупных раскопок. В последние годы эти работы возобновлены в более обширных размерах.

Характеристика наших местонахождений и научное значение их неоднократно излагались в научной и популярной литературе. После революции раскопки сосредоточивались, главным образом, на пермских отложениях Северной Двины и на третичных отложениях Тургайской области; в последний год они распространились также на триасовые местонахождения в европейской части Союза и на меловые в Туркестане. Нельзя не упомянуть, что в течение последних лет, кроме новых раскопок, было предпринято также собирание материалов северо-двинской коллекции, которые при спешной эвакуации Варшавы (где

они хранились) во время войны были отвезены частью в Нижний-Новгород, частью в Москву. Большая работа была исполнена по устройству выставки коллекций позвоночных в новом здании Музея, монтировке крупных скелетов (гигантского индрикотерия) и пр. Научная работа касалась тех же фаун; она выразилась в ряде статей, частью монографического характера; по пермским позвоночным имеются как описательные, систематические работы, так и морфологические, освещающие вопросы строения черепа, а также остального скелета (грудного пояса), и биологию вымерших групп. Крупное научное значение знаменитой северо-двинской коллекции в этих работах впервые конкретно выявлено.

Работы по млекопитающим Тургайской области осветили две новые фауны: верхне-олигоценовую (индрикотериевую), состоящую из совершенно новых, оригинальных форм, не распространявшихся далее на запад, в Европу, и следующую за ней нижне-миоценовую (джиланчикскую), имевшую более широкое распространение. Описанные формы, большею частью сохранившиеся в виде цельных скелетов, доставили важные материалы для морфологии и филогении некоторых групп (носорогов, мастодонтов).

Большое количество известных местонахождений и постоянно открывающиеся новые (число крупных местонахождений позвоночных достигает полутора десятка) ставят пред нашей палеонтологией ответственную задачу изучения их и разработки, при том нередко с р о ч н о й разработки, так как промедление в сборе материала часто грозит безвозвратной гибелью последнего. Уже в 1919 г. I Музейная Конференция в Ленинграде, по инициативе Геологического Музея Академии Наук и других крупных геологических музеев, приняла проект декрета о защите местонахождений позвоночных от расхищения, а в минувшем году Академией Наук возбуждено ходатайство о создании при ней постоянной комиссии по раскопкам этих местонахождений. Состоя из представителей различных заинтересованных учреждений и ведомств, такая комиссия приняла бы на себя все заботы по охране и раскопкам остатков позвоночных. Подобно тому, как в каждой культурной стране охраняются и поддерживаются памятники искусства и старины, так не могут быть оставлены без охраны не менее драгоценные научные материалы.

Переходим к работам отдельных комиссий Академии Наук.

Одной из основных задач Академии Наук, получившей свое выражение и в новом ее уставе, является изучение производительных сил Союзных Республик. В соответствии с этим при Академии образуются комиссии, которые и предпринимают исследования, большею частью комплексного характера, куда входят и геологические работы.

Эта сторона деятельности Академии, однако, еще только начинает развиваться, и потому и в области геологии не дала особенно крупных результатов. Так, при изучении Казакской АССР геологические работы выразились в составлении сводки имеющихся геологических материалов; для других Республик работа находится в стадии выработки планов.

Ранее других были начаты и в более благоприятных условиях находятся работы по исследованию Якутской АССР. В плане этих работ геологическим исследованиям отведено было крупное место. Это было необходимо уже и потому, что названная Республика в восточной своей части обнимает обширные площади, до сих пор на геологических картах остающиеся белым местом. Однако, поставить здесь геологические работы в необходимом размере пока не удалось, и геологический материал, доставленный экспедицией, сводится к сборам небольших геологических партий комплексных экспедиций и к случайным сборам при исследованиях с другими целями. Из результатов таких работ должны быть отмечены новые данные о распространении юрских (морских и пресноводных) отложений по реке Вилюю, а также некоторые геоморфологические наблюдения в той же области (три речные террасы в бассейне Вилюя). Значительный интерес представляют геологические наблюдения вдоль правого берега реки Лены, от Вилюя до устья. Некоторые геологические данные доставлены также из бассейна реки Алдана (между прочим, среди четвертичных отложений, слагающих Алданское плато, найдены мощные глыбы ископаемого льда); кроме того, собраны некоторые сведения о тектонике Верхоянского хребта в области Верхоянского тракта и об его оледенении.

Другие экспедиции, как Гыданская, Северо-Уральская и др., также доставили не малый геологический материал, о значении

которого, однако, можно будет судить только после его обработки и опубликования.

Но уже сейчас можно сказать, что совершенно исключительный интерес представляют результаты многолетних работ Крымской экспедиции Зоологического Музея Академии Наук, доставившей материал по палеонтологии человека и по истории четвертичной фауны Крыма.

Изучению четвертичных отложений посвящены работы особой Комиссии, возникшей при Академии Наук в минувшем году, по инициативе II Всесоюзного Съезда Геологов. Вопрос этот — долгое время не привлекавший к себе внимания русских геологов, почти не затрагивавшийся и работами Геологического Комитета — в последние годы, как неожиданно оказалось на упомянутом Съезде, независимо разрабатывался в различных областях отдельными исследователями; полученные результаты, доложенные на Съезде, привлекли к себе общее внимание; в то же время они настоятельно указывали на необходимость планомерной организации этих работ. Надо надеяться, что Комиссия по Изучению Четвертичного Периода не ограничится сводкой имеющихся материалов, а получит возможность организовать полевые исследования и преобразуется в самостоятельный институт по всестороннему исследованию четвертичных осадков.

Собранный материал реализуется и делается общим достоянием в напечатанной научной работе. Количество вышедших в свет печатных работ не всегда отвечает числу исполненных исследований. Однако, за последние годы, условия печатания настолько улучшились, что в Издательстве Академии Наук лишь немногие работы по геологии ожидают очереди для напечатания. Таким образом, цифра отпечатанных статей до известной степени может говорить об интенсивности работы в данной области.

В течение последних десяти лет в Записках Академии Наук напечатано по геологии и палеонтологии две крупных монографии; из них одна принадлежит работнику Музея из Отдела Позвоночных и одна, по группе беспозвоночных—постороннему ученому.

В Известиях и Докладах напечатано по геологии 24 статьи (13 + 11),[1] по палеофитологии 4 (0 + 4), по беспозвоночным 16 (1 + 15), по позвоночным 20 (17 + 3).

[1] В скобках первая цифра относится к статьям работников Геологического Музея, вторая — посторонних ученых.

В специальных изданиях напечатано: в Трудах Геологического Музея — по геологии 3 (3 + 0), по палеофитологии 1 (0 + 1), по беспозвоночным 9 (2 + 7) и по позвоночным 6 (2 + 4); в Северо-Двинских Раскопках — 4 (2 + 2); в изданиях комиссий напечатано по геологии 4 (1 + 3) работы; отдельным изданием по геологии вышла 1 книга.

Таким образом, всего напечатано в изданиях Академии за десять лет по геологии и палеонтологии 95 оригинальных научных статей; в том числе работниками Геологического Музея написано статьей: по геологии 18, по беспозвоночным 3 и по позвоночным 22.

А. Борисяк.

МИНЕРАЛОГИЯ

За последние десять лет минералогия и связанные с нею научные дисциплины, кристаллография и геохимия, получили в Академии Наук значительное развитие, причем объединяющим центром научной работы в этом направлении были, главным образом, Минералогический Музей и отчасти Комиссия по Изучению Естественных Производительных Сил СССР в некоторых своих отделах (Институт Физико-Химического Анализа, Отдел Нерудных Ископаемых, Отдел Строительных Материалов).

Конечно, научная минералогическая деятельность Академии шла значительно шире рамок этих двух учреждений. С одной стороны, с ней самой была связана громадная творческая работа последних лет жизни академика Е. С. Федорова (скончался в 1919 г.), печатавшего и свои мемуары, и свой монументальный труд по кристаллографии в изданиях Академии; с другой, вне Музея протекала работа по изучению тех минералогических комплексов соляных озер, которые составляют предмет специальных экспедиций и обследований школы академика Н. С. Курнакова. Наконец, очень велико было минералогическое значение тех минеральных синтезов, которые получаются в Химическом Институте Академии Наук благодаря работам школы академика В. Н. Ипатьева. В Отделении Физико-Математических Наук самой Академии сходились нити этих разнообразных минералогических работ, находивших себе выявление преимущественно в общих периодических изданиях Академии.

Для полноты изложения я сначала вкратце остановлюсь на научной деятельности Минералогического Музея и соответственных отделов Комиссии по Изучению Естественных Производительных Сил СССР, а затем перейду к общей характеристике тех основных линий минералогической работы в Академии, которые характеризовали ее за последние десять лет и которые наметили основные пути ее развития и в будущем.

Минералогический Музей. Несмотря на то, что Музей насчитывает в своей истории больше двухсот лет, развившись в крупное научное учреждение из Кунсткамеры Петра Великого, основное его развитие приходится отнести к последним двадцати годам, в течение которых его собрания учетверились, и, в частности, к последним десяти годам: именно в эти годы его площадь увеличилась в десять раз по сравнению с дореволюционным периодом; его выставка, впервые открытая для осмотра экскурсий и отдельных посетителей, обняла около 9.000 экспонатов вместо 2.000; его зарегистрированные собрания достигли цифры 70.000 образцов, удвоив число записей 1917 г., и, наконец, в тесной связи с ним оказался целый ряд новых научно-исследовательских учреждений и подсобных предприятий.

Пополнение собраний Музея шло необычайно неравномерно, причем ему удалось сконцентрировать большое количество научных коллекций, по существу превращаясь в тот национальный Минералогический Музей, который был задуман с широким государственным размахом академиком В. И. Вернадским. В его основе лежат старые собрания XVIII века с теми „раритетами", которые хранились в Кунсткамере Петра Великого; затем сборы больших путешествий русских академиков, в конце XVIII столетия изучавших территорию России. В следующем веке рост собрания был связан с покупкой нескольких весьма ценных коллекций, собранных любителями камня, сыгравшими в истории русской науки огромную роль; но главное пополнение началось с 1904 г., когда был приобретен целый ряд коллекций. Таковы: собрание известного мецената-минералога графа Перовского, приобретенное от Кочубея в 1913 г. за 160.000 рублей; исторические собрания Строгановых и Балашевых; собрания любителей и горных инженеров И. И. Редикорцева, М. Ф. Норпе, К. А. Шишковского, В. А. Иосса, И. Н. Крыжановского, А. Н. Карножицкого, Е. О. Романовского, В. И. Толстопятова и многих других. Сюда же в последние годы поступила редчайшая коллекция безвременно погибшего Л. И. Крыжановского, в которой сосредоточены самые редкие вещи последних лет из Урала и Монголии. В Музее собрано лучшее, что дало за последние пятьдесят лет русское горное дело, и прекрасно гармонирует это собрание с Музеем Горного Института, созданным классическими работами первой половины и середины XIX века.

Однако, пополнение Музея шло не только путем широкого объединения разнородных коллекций. Этим путем можно положить лишь основу собрания, но нельзя создать в нем живой творческой работы. Пополнение музея должно быть активным; оно должно быть связано с экспедициями и экскурсиями, с полевой научной работой персонала. Начиная с 1904 г. и, особенно, с 1917 г., Музей в этом направлении выработал совершенно особый тип экспедиций, связанных с глубоким минералогическим и геохимическим подходом к месторождениям, и самые главные научные ценности последних лет оказались связанными с этими работами, широко поставленными по всей территории Союза и пограничных стран. Урал, Саяны, Байкал и Забайкалье, полярная Сибирь, Кольский полуостров, Киргизские степи и Туркестан принесли огромный материал новых подходов и новые данные по минералогии Союза.

Многочисленные радиевые экспедиции, начиная с 1909 г., дали единственный в мире материал по уранованадиевым соединениям и впервые открыли новые минеральные виды: алаит, туранит, тюямунит, узбекит, тангеит и др. В последние годы были весьма многочисленны многолетние экспедиции в хребтах и на озерах Забайкалья, а работы в Монголии в 1924 и 1925 гг. позволили впервые выявить южную часть целой зоны минералообразовательных процессов, богатой драгоценными камнями и металлами — зоны, начинающейся у Урги на юге и доходящей вплоть до Охотского побережья на севере. Начиная с 1920 и по 1925 г., Музей вел экспедиции в Хибинском щелочном массиве Кольского полуострова, а с 1916 г. специальные поисковые партии собрали значительный материал метеоритов. Эти многочисленные экспедиции положили начало совершенно новым отделам Музея, представляемым в отдельных залах.

В непосредственной связи с выставочными залами Музея был оборудован ряд небольших помещений, где ведется научно-исследовательская работа персонала, а также работа по систематизированию и каталогизации собраний. Здесь в последние годы образована специальная геохимическая лаборатория, приспособленная к тонким минеральным анализам и, в частности, к работам над редкими металлами (редкими землями, ураном, ванадием, ниобием, танталом и пр.); далее следует оптическая

и гониометрическая лаборатории для работ над микроскопическим изучением и кристаллографическими измерениями на теодолитных гониометрах системы В. Гольдшмидта, с чертежной и фотографической комнатами. Затем, оборудована спектроскопическая с кварцевыми и простыми спектрографами и большим спектрографом Тёпфера, при помощи которых производится в последнее время детальное спектрографическое изучение распространения некоторых химических элементов (стронция, ванадия и урана). Центральный зал с Библиотекою Геологических Наук, общей для Геологического и Минералогического Музеев и Почвенного Института, соединяет эти помещения с рядом рабочих комнат научного персонала Музея и его канцелярией.

Научная деятельность Музея в настоящем своем виде заключается в систематическом изучении геохимии и минералогии Союза, причем ставятся чисто научно-отвлеченные проблемы, из которых, однако, нередко вытекает ряд задач большого научно-практического значения, например, по изучению месторождений циркониевых и радиевых руд, драгоценных камней и пр.

Комиссия по Изучению Естественных Производительных Сил СССР (КЕПС). Вторым академическим учреждением, в котором шла работа по минералогии, является КЕПС, которая подходит к полезному ископаемому и, в особенности, к нерудным ископаемым, к строительным материалам и соляным скоплениям с точки зрения прикладной минералогии и законов физической химии. Многочисленные исследования талька, графита, корунда, полевого шпата, драгоценных камней и соляных озер привели КЕПС не только к изданию отдельных монографий по указанным выше ископаемым, но и позволили весной 1926 г. приступить к большому многотомному сборнику, посвященному описанию нерудных ископаемых. Эти исследования, в противоположность отвлеченно-научным работам Минералогического Музея, имели чисто прикладное значение, связываясь с вопросами экономического характера, и, таким образом, как бы дополняли деятельность Музея с его Исследовательским Институтом, устанавливая связь научной минералогии с практическими запросами хозяйственного строительства страны. Такую же роль играли и некоторые его практические организации, как-то: дублетное собрание, служащее для составления учебных и показательных

коллекций, шлифовальная мастерская для обработки камня в точных приборах и т. д.

Издание минералогических работ. Прекрасным отражением развития минералогических исследований в Академии Наук является опубликование минералогических работ, связанных с деятельностью научного персонала Музея и общих академических учреждений и напечатанных в изданиях Академии или иностранных журналах:

1918	1919	1920	1921	1922	1923	1924	1925	1926	1927 по 1 IX
8	5	7	13	27	26	30	49	96	85

После выделения Трудов Минералогического Музея в самостоятельное научное издание, в нем ежегодно начали печататься сводки по всей минералогической работе, ведущейся в Академии Наук. Эти сводки нам говорят, что в среднем с деятельностью Академии и ее издательским аппаратом связано около двух третей всей минералогической работы, ведущейся в Союзе и выражающейся для всего Союза, за последние годы, приблизительно ежегодной цифрой в 150 научных работ по минералогии, кристаллографии и геохимии. Эта роль Академии в обще-союзной минералогической работе сделается еще более очевидной, если мы отметим, что в эти же годы Академией Наук издавались монументальные труды-монографии, как-то: знаменитый том академика Е. С. Федорова: „Das Krystallreich“; отдельные выпуски „Опыта описательной минералогии“ академика В. И. Вернадского и двутомная монография о „Драгоценных и цветных камнях СССР“ академика А. Е. Ферсмана.

Связь с широкими минералогическими кругами. Отмеченное развитие издательской деятельности являлось одним из связующих звеньев между минералогами всего Союза, ибо на страницах академических периодических изданий очень широко помещались научные статьи многочисленных минералогов СССР. Конечно, в этом отношении, по невозможности достаточно широко развернуть в Академии издательское дело, нельзя было полностью удовлетворить желание иногородних ученых, но

несомненно, что уже сейчас Академией в этом направлении взят совершенно определенный курс возможного содействия печатанию минералогических работ научных работников с мест.

Второе объединяющее начало создалось в Академии Наук вокруг Минералогического Кружка, который собирался регулярно, начиная с 1921 г., в среднем до 10 раз в зимние месяцы, и заслушал в 56 заседаниях 219 докладов. Живой обмен мнений, тесная связь заседаний с текущей работой, а также обширные демонстрации при помощи специального эпидиаскопа и микропроекции объединяли в стенах Минералогического Музея большое количество специалистов и научной молодежи. Такую же роль объединения минералогических интересов играли и ежегодные выставки, устраиваемые в Музее и привлекавшие по несколько сот посетителей. Наконец, совершенно особое значение в этом же направлении сыграл Минералогический Всесоюзный Съезд, который был собран при Академии Наук зимой 1926/1927 г. и объединил свыше 30 городов и около 100 участников. Этот первый Минералогический Съезд в Союзе показал, насколько необходимо широкое научное общение, как трудна сейчас творческая научная работа на местах и как велика обязанность центральных учреждений оказывать всемерную поддержку в научной работе всей страны.

Перспективы научно-исследовательской работы. И в самой деятельности академических учреждений, и на только что упомянутом Съезде с полной отчетливостью выявились основные линии, по которым шла минералогическая мысль в Союзе, и те пути, которые в этом направлении были взяты в самой Академии Наук.

Минералогический Музей Академии является пока единственным центром отвлеченной научной минералогической мысли и, не будучи связан с задачами ни педагогического, ни практического характера, должен развивать идеи минералогии и тесно связанных с ней дисциплин, кристаллографии и геохимии, в тех новых течениях, которые за последние годы внесли в них и новое содержание, и новые подходы. Музей, поэтому, должен быть научно-исследовательским институтом, в котором гармонически должны быть связаны музейное дело, исследовательская работа и подсобные мастерские. В первую очередь наме-

чается в нем развитие в самостоятельный отдел отделения кристаллографии, которое, получая рентгеновскую установку и пополнившись многочисленными новейшими оптическими приборами, уже сейчас может занять видное место среди других кристаллографических Институтов Европы. Вторая задача, стоящая пред Академией в области минералогии, это — развитие того геохимического течения, которое, благодаря работам академика В. И. Вернадского и американских исследователей, стало выявляться в форме самостоятельной научной дисциплины. В этом направлении сыграют особую роль устраиваемая осенью 1927 г. специальная рентгеновская установка, а также приспособление для выполнения тех же задач единственной в Союзе спектроскопической лаборатории Музея. Наконец, третье течение, чисто минералогическое, выдвинутое на I Всесоюзном Съезде Минералогов, заключается в необходимости подготовлять и прорабатывать минералогическое описание Союза и первую минералогическую карту Евразии, не в рамках прикладной минералогии, как это делалось до сих пор, а в общей постановке современной минералогии, как химии земной коры.

Выполнение этих задач не может быть достигнуто в скорый срок; оно требует еще длительной подготовительной работы не только в области оборудования и расширения Минералогического Музея и Института, но и в создании живой силы молодых ученых. Постепенное образование специальной школы минералогов поставлено одной из задач деятельности Академии Наук; задача эта достигается не только путем работ практикантов (3 лица), но и втягиванием молодых сил в многочисленные минералогические экспедиции, чтением специальных курсов в Музее и путем объединения и возбуждения научного интереса учащейся молодежи в собраниях Минералогического Кружка. Задача подготовки новых минералогических сил делается особенно важной в настоящее время, так как, в связи с новыми течениями, минералогия расширяет рамки своих исследований, приобретая особое значение и для правильного понимания ряда широких геологических проблем, и, особенно, как основа для изучения полезных ископаемых и для разрешения многих вопросов, связанных с жизнью почвы и растительного покрова.

А. Ферсман.

БОТАНИКА

В РЯДУ научных дисциплин, вошедших в круг занятий Академии Наук с первых лет ее деятельности, была и ботаника. Общее направление научных работ в XVIII столетии, стремившихся, особенно в России, охватить громадные неисследованные пространства, выдвигало исследование растительности на одно из первых мест, что и нашло отражение в трудах тогдашних академиков — П. С. Палласа, И. И. Лепехина и др. Правда, материал, накоплявшийся в результате работ академических экспедиций, частично уходил из Академии, да и обработка его находилась в мало благоприятных условиях, так как старинная Кунсткамера не отвечала даже основным требованиям, предъявляемым к простому хранилищу коллекций. Поэтому можно считать, что только со времен академика К. А. Триниуса, положившего в тридцатых годах прошлого столетия начало Ботаническому Музею Академии, ботаническая работа в ее стенах стала на твердую почву. И с этого времени в стенах Музея проходит работа ряда крупнейших ботаников, труды которых отмечают основные этапы в истории исследования отдельных частей России и, вместе с тем, свидетельствуют о неослабевающей деятельности Академии в области ботаники. Из виднейших ее представителей помянем академиков К. А. Мейера (1796—1855), Ф. И. Рупрехта (1814—1870), К. И. Максимовича (1827—1891), С. И. Коржинского (1861—1900). В более позднее время, наряду с быстро двигавшейся работой систематического характера, более отчетливо выявляются и изыскания экспериментального направления, сосредоточивающиеся в стенах Лаборатории по Анатомии и Физиологии Растений. Нельзя, однако, не признать, что при всем огромном значении ботанических работ, выполненных в Академии в прошлом столетии, общее направление их

определялось, в сущности, чисто персональными причинами. Только на рубеже XIX и XX веков начинает выясняться необходимость более определенной организации ботанических работ, опирающейся на заранее разработанный план. Начинается планомерное издание Ботаническим Музеем известного „Списка растений гербария русской флоры", продолжаемое и поныне при ближайшем участии старшего ботаника Д. И. Литвинова; предпринимается систематическая обработка флоры Сибири, нашедшая идейного руководителя в лице академика И. П. Бородина. Необходимость получения возможно полного материала по флоре страны приводит к усиленной работе по сбору его; привлекаются новые живые силы, и ботаническая работа Академии неуклонно расширяется, постепенно приобретая все более и более планомерный характер.

Война, а затем революция не могли не отразиться на темпе ботанической работы в стенах Академии, сперва приведя, в силу хозяйственной разрухи, к частичному свертыванию ведшихся работ, затем поставив новые, расширенные требования, особенно в области организации полевых исследований. Немалое влияние оказали и изменения в персональном составе Академии. Кончина академика А. С. Фаминцына (1918 г.), посвятившего свои последние труды структуре низших растений, и академика В. И. Палладина (1922 г.), продолжавшего свои разнообразные изыскания в области физиологии растений, поставили в особенно трудное положение Лабораторию по Анатомии и Физиологии Растений, долгое время остававшуюся без фактического руководителя. Без перерыва вел свою работу академик И. П. Бородин, продолжавший, даже несмотря на временную потерю зрения, заведывать Ботаническим Музеем, главнейшим ботаническим учреждением Академии. Являясь одновременно президентом Русского Ботанического Общества, И. П. Бородин стал во главе движения, объединявшего русских ботаников и приведшего, после периода почти полной разобщенности научных сил страны, к созыву I Всероссийского Съезда Ботаников, состоявшегося осенью 1921 г. в Петрограде. Тогда и, может быть, еще более на II Всесоюзном Ботаническом Съезде в Москве, в январе 1926 г., ярко выявилась тесная связь, установившаяся в последнее время между Академией и всеми ботаническими силами Союза, связь, выражаемая и внешне состоянием Государ-

ственного Русского Ботанического Общества при Академии Наук СССР.

Обновление состава Академии сильно коснулось и ботанической ее части. С избранием в академики С. Г. Навашина (1918 г.) вошел в Академию виднейший представитель цитологии растений, ведущий свои исследования в стенах Тимирязевского Научно-Исследовательского Института в Москве. Вошедший в состав Академии в 1920 г., В. Л. Комаров продолжал свои флористические и систематические исследования, посвященные, главным образом, флоре Дальнего Востока. Только что выпущенная его „Флора Камчатки" — один из капитальнейших флористических трудов новейшего времени — призвана сыграть большую роль в деле познания растительного мира наших дальне-восточных окраин. Тесно связанный в своих работах с Главным Ботаническим Садом СССР, В. Л. Комаров идейно сближает этот центр ботанической работы с Академией, закрепляя и развивая те связи, которые издавна их соединяют. Громадное значение для русской науки вообще имела поездка В. Л. Комарова в Японию, осенью 1926 г., во главе делегации СССР, на III Международный Всетихоокеанский Конгресс. Вступивший в Академию в 1923 г., С. П. Костычев сосредоточил свое внимание на реорганизации Лаборатории по Анатомии и Физиологии Растений (ныне Лаборатории по Биохимии и Физиологии Растений), превратившейся под его руководством в значительное научное учреждение. Продолжая свои исследования в области биохимии растений, С. П. Костычев объединил в стенах реорганизованной Лаборатории значительный кадр работников, занятых также, по преимуществу, разработкой биохимических вопросов.

Деятельность Ботанического Музея, замедленная в годы хозяйственной разрухи, начала заметно расширяться с восстановлением возможности производства полевых исследований. Как и в далеком прошлом, Музей уделял особенное внимание изучению флоры отдельных частей СССР, сообразуясь как с прошлыми работами своих ботаников, так и с направлением деятельности других ботанических учреждений страны, и избегая легко могущего возникнуть при недостаточной планомерности работ параллелизма с ними. Ботаническое исследование Ленинградской губ., начатое в далеком прошлом силами Музея

(Ф. И. Рупрехт, К. Ф. Мейнсгаузен), продолжалось под руководством ботаников Музея Н. А. Буш и С. С. Ганешина. В работах Н. А. и Е. А. Буш нашли продолжение издавна интересовавшие Музей исследования флоры Кавказа. Исследование Сибири и крайнего Севера СССР оказалось в последние годы в особо благоприятных условиях, в силу участия в нем ряда академических учреждений. Во главе организованной Академией, совместно с Государственным Русским Географическим Обществом, Западно-Сибирской экспедиции 1923 г. стоял ботаник Музея Б. Н. Городков. Он же явился руководителем и Северо-Уральской экспедиции Академии Наук и Уралплана, работавшей начиная с 1924 г. Организованные Постоянной Полярной Комиссией работы на крайнем Севере также сильно способствовали изучению флоры его. Кроме интересных материалов, собранных Новоземельской экспедицией Академии Наук (1925 и 1926 гг.), следует упомянуть осуществление в 1923—1924 гг. первых стационарных ботанических исследований на Новой Земле, при Полярной Геофизической Обсерватории—Маточкин Шар (А. И. Толмачев). Остававшаяся непосещенной со времен академика Ф. Б. Шмидта (1866 г.), Гыданская Тундра была частично исследована в 1926 г. А. И. Толмачевым, а в настоящее время представляет поле деятельности большой академической экспедиции под руководством Б. Н. Городкова. Дальше к востоку, работы, руководимые Комиссией по Изучению Якутской АССР, также способствовали исследованию растительности страны. Кроме ряда коллекций, собранных не специалистами, надлежит назвать организацию в 1925 г. специального Алданского Ботанического отряда под руководством В. П. Дробова; микологические исследования К. А. Бенуа в Якутском округе; геоботаническую рекогносцировку С. Н. Недригайлова в Верхоянском хребте. У самых восточных окраин Союза, в Уссурийском крае, ведет свои исследования старший ботаник Ботанического Музея, В. Г. Траншель. Кроме того, в азиатской части Союза с 1926 г. развернулись работы Казакстанской экспедиции, также приносящие, благодаря участию в них ряда ботаников (И. М. Крашенинников, Р. Ю. Рожевиц, М. М. Ильин и др.), крупные результаты в деле познания растительного мира страны. Наконец, следует упомянуть, что ботанические исследования, организованные Академией, вышли и за пределы Союза — в Монголию.

Таким образом, сократившиеся временно полевые ботанические исследования развернулись теперь силами Академии с почти небывалой широтой. Кабинетная исследовательская работа не замедлила отразить благотворное влияние притока нового материала, и постепенное расширение Трудов Ботанического Музея, вместе со значительным количеством работ, появляющихся в других академических и не академических изданиях, служит лучшей иллюстрацией наступившего периода ее оживления.

Нельзя, конечно, обойти молчанием, что коренные изменения в жизни почти всех академических учреждений, совпавшие со временем празднования двухсотлетия Академии и признания ее высшим в СССР ученым учреждением — главным образом, приращение помещений и, особенно, расширение личного состава, если и не покрывшее еще всех нужд ботанических учреждений, то, во всяком случае, сильно облегчившее их положение — не замедлили отразиться на темпе научно-исследовательской работы.

Подводя итоги ботаническим достижениям Академии за последние десять лет, можно отметить, как основные моменты: оживление полевой исследовательской деятельности, главным образом, в Сибири и на крайнем Севере Союза; преобразование Лаборатории по Анатомии и Физиологии Растений в более обширное учреждение и развертывание ее работ; расширение Ботанического Музея в связи с расширением его помещения, давшее возможность приведения в надлежащий порядок коллекций по флоре европейской части СССР и несколько разгрузившее до-нельзя тесное прежнее помещение. Как отражение этих условий, повысилась и интенсивность кабинетной исследовательской работы, продолжающей еще несколько страдать в Ботаническом Музее от недостатка места. Неизбежное дальнейшее расширение Ботанического Музея, надлежащее завершение ботанического исследования Якутии и сопредельных с ней областей, повышение интенсивности обработки флоры Сибири и возможно энергичное продолжение издания „Списка растений гербария русской флоры“ можно выдвинуть, как наиболее актуальные задачи, подлежащие проведению в жизнь в ближайшие годы.

А. Толмачев.

ФИЗИОЛОГИЯ РАСТЕНИЙ

Академик В. И. Палладин производил в 1917—1918 гг. свои выдающиеся исследования над значением восстановительных процессов в явлении дыхания и над образованием ферментов в тканях растений. В это время В. И. Палладин окончательно оформил свою теорию водородных акцепторов, впоследствии экспериментально укрепленную школой Баха и получившую широкое распространение. Согласно этой теории, кислород воздуха при дыхании окисляет только водородные ионы диссоциированной воды, самое же сжигание дыхательного материала производится кислородом воды. Значит, окисление и восстановление в процессе дыхания совершаются одновременно. Эти положения подтверждаются В. И. Палладиным в ряде его работ.

Большое впечатление произвели последние работы В. И. Палладина, выполненные в 1920—1921 гг. и впервые устанавливавшие образование ферментов вне живой клетки, в тканях, подвергающихся самопереварианию. С одной стороны, здесь можно усмотреть явное указание на то, что в живых тканях имеются какие-то вещества, сами по себе не обладающие каталитическими свойствами, но способные легко превращаться в типичные ферменты; с другой же стороны, обнаружилась возможность искусственно накоплять ферменты, повышая их концентрацию посредством самопереваривания. К сожалению, В. И. Палладин уже не мог продолжить этих работ, и до настоящего времени они остаются неиспользованными для дальнейших успехов ферментологии.

За 1920—1921 гг. В. И. Палладин написал прекрасную книгу: „Микробиология в сельском хозяйстве“ и подготовил новые

издания своих знаменитых руководств для высшей школы: „Анатомия растений“ и „Физиология растений“, вышедших в свет уже после смерти автора.

Покойный старший ботаник Лаборатории Биохимии и Физиологии Растений Д. Н. Нелюбов за период 1917—1926 гг. произвел новые исследования над трансверзальным геотропизмом, дающие полный анализ этого явления, а также выполнил интересную работу, в которой предложил новый и практически важный прием распознавания процента всхожести семян без пробных высевов. Смерть автора, наступившая вскоре после сообщения полученных им результатов, прервала дальнейшие исследования по этому вопросу, но новые приемы, несомненно, будут использованы при контроле семян и подвергнутся дальнейшей разработке.

Академик С. П. Костычев в 1923—1924 гг. напечатал в Германии книгу „Pflanzenatmung“, в которой сведены все работы автора и его школы, дающие представление о химической стороне превращений веществ при дыхании растений. Кроме того, С. П. Костычев напечатал I том своего курса „Физиологии растений“ на русском языке, а вскоре эта книга вышла из печати в Германии с изменениями и добавлениями. В своей „Физиологии растений“ С. П. Костычев излагает современное состояние этой науки с точки зрения химизма важнейших превращений веществ в растениях; вследствие этого, и распределение материала, и весь метод изложения резко отличают данную книгу от прочих руководств по физиологии растений. В отношении использования литературы это руководство является наиболее подробным из всех существующих в настоящее время.

Происшедшее в 1925 г. значительное расширение Лаборатории по Анатомии и Физиологии Растений вызвало сразу же весьма заметный подъем ее деятельности. До 1925 г. Лаборатория занимала небольшое помещение, была крайне недостаточно оборудована научным инвентарем, и штат ее состоял только из академика-директора и одного научного сотрудника. После преобразования Лаборатория заняла прекрасное помещение, и в штате ее состоит директор, 4 научных и 2 технических сотрудника. Название Лаборатории изменено в Лабораторию Биохимии и Физиологии Растений. Такое преобразование сделало Лабораторию соответствующей тому крупному значению,

которое физиология растений приобрела за последние годы, и той руководящей роли ее в вопросах научного земледелия, которая является в настоящее время неоспоримой.

Академик С. П. Костычев и его сотрудники выполнили за последние годы следующие экспериментальные научные исследования.

По биохимии бродильных процессов. 1) Путем связывания кислот, образующихся при брожении сахара, в присутствии дрожжей, установлена природа кислот спиртового брожения. Оказалось, что при брожении не образуется ни молочной, ни муравьиной кислоты, а накопляется в заметных количествах только янтарная, уксусная и яблочная кислота. Последняя обнаружена при брожении впервые (работа академика С.П. Костычева и Л. Д. Фрей).

2) Выработав совершенно новый прием связывания продуктов брожения, обладающих карбонильной группой, при помощи семикарбазида, академик С. П. Костычев и С. В. Солдатенков выделили при брожении пивных дрожжей метилглиоксаль, в качестве промежуточного продукта переработки сахара в спирт и углекислый газ. Они же выделили при чистом молочнокислом брожении, в качестве промежуточных продуктов, не только метилглиоксаль, но также пировиноградную кислоту. Эти новые находки разъясняют главнейшие загадки обоих брожений, так что с химической точки зрения остается лишь установить несколько фактов побочного значения, чтобы закончить химическое расследование природы обоих замечательных процессов. Как это уже было раньше высказано академиком С. П. Костычевым, восстановительные реакции оказались основой типичных брожений.

3) Академик С. П. Костычев и Ю. В. Медведев установили любопытное, совершенно специфичное воздействие ионов цинка и кадмия на некоторые ферменты дрожжей. Оказалось, что посредством ионов названных металлов удается извращать действие некоторых ферментов, а также останавливать каталитическое действие одних ферментов, почти не нарушая нормальной функции других. Это обстоятельство может служить основой для разработки новых методов разделения функций некоторых ферментов. По вопросам, касающимся ферментов

дрожжей, достигнуто еще несколько результатов, имеющих крупное общее значение. В ряде статей академик С. П. Костычев доказывает, что общепринятые приемы обнаружения новых ферментов совершенно недостоверны, а потому в современном списке ферментов имеется, безусловно, не мало веществ, в действительности не существующих; это должно капитальным образом изменить наши представления о целом ряде важнейших физиологических процессов. В подтверждение только что изложенного, академик С. П. Костычев, Ю. В. Медведев и Е. К. Кардо-Сысоева показали новыми приемами, что фермент зимаза, якобы вызывающий спиртовое брожение дрожжей, на самом деле не существует, и все факты, накопленные за двадцать пять лет изучения зимазы различными авторами, получают теперь совершенно новое связное объяснение. Кроме того, имеются еще неопубликованные доказательства несуществования и некоторых других ферментов, считавшихся весьма важными. Таким образом, можно думать, что вообще физиологическая роль ферментов не столь капитальна, как это предполагалось до последнего времени, и что в распоряжении организма имеются еще какие-то другие мощные факторы химического воздействия. Выяснение природы этих факторов, быть может, не заставит себя долго ждать.

4) Академик С. П. Костычев, Е. Н. Базырина, Е. Н. Егорова и В. П. Фейерман выполнили ряд работ, доказывающих способность дрожжей делать подвижным водород вторичных гидроксильных групп, что, вероятно, имеет важное значение в процессе брожения. Эти работы еще не опубликованы.

По биохимии кислотообразования. Академик С. П. Костычев и В. А. Чесноков выяснили, что лимонная кислота, в изобилии образующаяся из сахара при культуре некоторых плесневых грибов, связана не с углеводным, а с белковым обменом клетки. Эта новая точка зрения позволила определенно установить условия образования и исчезновения лимонной кислоты, что может служить основой для нового дешевого заводского производства названного химического продукта.

По фотосинтезу. Академик С. П. Костычев и его сотрудники С. В. Солдатенков, В. А. Чесноков, Е. Н. Базырина,

М. А. Кудрявцева, Г. М. Васильев, В. П. Моисеева и М. И. Смирнова произвели ряд исследований над интенсивностью процесса построения органического вещества в природных условиях. Они разработали совершенно новые методы учета фотосинтеза, так как все приемы, применявшиеся прежними авторами, после критической их проверки, были признаны неудовлетворительными, в том числе и получивший широкое распространение в наших сельско-хозяйственных опытных учреждениях метод Лундегарда.

Произведенные при помощи нового метода учеты показали, что энергия фотосинтеза в природных условиях в несколько раз больше, чем обычно принималось, так что значительная часть построенного на свету органического вещества должна расходоваться каким-то пока невыясненным способом.

Учеты суточного хода фотосинтеза выяснили, что главным фактором, ограничивающим сухой вес урожая различных растений, является не недостаток углекислого газа в окружающем воздухе, как ошибочно принималось раньше, а недостаточная скорость оттока ассимиляторов из листа по сравнению со скоростью синтеза этих продуктов, другими словами — внутренний фактор, зависящий от самой структуры растения. Кривая фотосинтеза обладает максимумом, который приходится на предполуденные часы. Это явление обнаружено и у водных растений; оно имеет большое значение для суждения о выгоде применения воздушных удобрений и о предельных размерах урожая того или иного определенного растения.

По усвоению микробами атмосферного азота и по почвенной микробиологии. Целый ряд работ академика С. П. Костычева и его сотрудников касается качественной и количественной стороны процесса фиксации атмосферного азота. Установлено, что первым продуктом фиксации является аммиак, а не азотистая кислота, как предполагалось прежде. Таким образом, это — процесс экзотермический, связанный с выделением энергии. Ряд исследований, выполненных на местах, в различных условиях климата, почвы и рода культур, показал, что в некоторых случаях усвоение атмосферного азота свободно живущими в почве микроорганизмами вполне достаточно для покрытия потребностей питания высших растений. Разработана методика

для характеристики почвенных типов и оценки их плодородия на основании их биодинамики, т.-е. химизма деятельности почвенных микробов. Выясняется вопрос о сущности азотного фонда почв и возможности его мобилизации в различных случаях.

По минеральному питанию растений. Разработан вопрос о формах соединений кальция в растениях. Работа не вполне закончена. Кальций, абсолютно необходимый для зеленых растений, но совершенно ненужный для не зеленых, повидимому, содержится в протоплазме исключительно в форме ионов.

С. Костычев.

ПОЧВОВЕДЕНИЕ

ПОЧВОВЕДЕНИЕ в форме самостоятельной отрасли естествознания возникло в восьмидесятых годах минувшего столетия. Первые работы, положившие начало учению о почве, принадлежат покойному профессору минералогии Петербургского Университета В. В. Докучаеву и американскому ученому, профессору геологии Калифорнийского Университета E. Hilgardt. В. В. Докучаев, являясь одновременно крупным ученым и выдающимся учителем, имел многочисленных учеников, из которых впоследствии вышел целый ряд видных исследователей как в области почвоведения, так и других наук, посвященных изучению земной коры (академик В. И. Вернадский, академик Ф. Ю. Левинсон-Лессинг, академик К. Д. Глинка, профессор П. А. Земятченский и покойные профессора Н. М. Сибирцев и В. П. Амалицкий). Первым учреждением, обслуживающим интересы почвоведения в России, явилась основанная В. В. Докучаевым в 1888 г. Почвенная Комиссия при Вольном Экономическом Обществе. В 1891 г. была основана первая кафедра почвоведения в Ново-Александрийском Институте Сельского Хозяйства и Лесоводства, которую занял Н. М. Сибирцев, и которая впоследствии дала ряд известных исследователей. Несколько позже кефедра почвоведения была учреждена также в Петербургском Лесном Институте, где первым занявшим ее профессором был П. А. Костычев, известный своими трудами по изучению черноземных почв. Достаточно широкое место с начала девятисотых годов заняло также преподавание почвоведения при кафедрах агрономии Петербургского Университета (профессор А. П. Советов) и Московского Университета (профессор А. Н. Сабанин).

В 1911 г. возникает новый научный исследовательский центр почвоведения в Петербурге — Докучаевский Почвенный Комитет, во главе которого становится профессор К. Д. Глинка, и в состав которого автоматически входят все члены Почвенной Комиссии Вольного Экономического Общества. К этому же времени аналогичный центр возникает и в Москве в форме Почвенного Комитета при Московском Обществе Сельского Хозяйства. Это время является эпохой наиболее интенсивного развития географического почвоведения и его методов. Почвенные обследования охватывают широкую территорию в пределах как Европейской, так и Азиатской России.

В это же время обозначается новое физико-химическое направление в развитии русского почвоведения, обязанное своим возникновением работам заведывающего Почвенной Лабораторией Докучаевского Почвенного Комитета К. К. Гедройца. Работы К. К. Гедройца, а позже многих его русских и иностранных последователей, посвящены преимущественно изучению природы почвенных коллоидов и связанных с ними явлений.

Связь Академии Наук с научными почвенными учреждениями развивается, главным образом, с момента учреждения Докучаевского Почвенного Комитета, в работах которого, с самого начала его возникновения, принимают участие как некоторые академики (А. П. Карпинский, В. И. Вернадский, И. П. Бородин, Н. И. Андрусов), так и научные сотрудники Академии (А. Е. Ферсман, ныне академик, профессор В. Н. Сукачев, профессор Н. А. Буш и др.). Эта связь, однако, особенно укрепляется уже после революции, когда в Академии Наук, при ее Комиссии по Изучению Естественных Производительных Сил СССР, учреждается Почвенный Отдел, принявший как все имущество Докучаевского Почвенного Комитета, фактически прекратившего свое существование, так и научные работы по исследованию почв. В короткий срок этот Почвенный Отдел, руководимый академиком Ф. Ю. Левинсон-Лессингом, сумел собрать и привлечь к работам старых членов Докучаевского Почвенного Комитета (К. К. Гедройца, Н. И. Прохорова, Л. И. Прасолова, З. Ю. Шокальскую, а позже К. Д. Глинку, Б. Б. Полынова и В. А. Бальц) и явился одним из первых научных почвенных учреждений СССР, восстановивших нормальную научную работу после революции.

В период времени с 1918 по 1924 гг. Почвенный Отдел ведет работу, главным образом, по восстановлению лаборатории и сводке и обработке ранее накопленных материалов. С 1924 г. его работы значительно расширяются с привлечением его сотрудников к целому ряду новых исследований (исследования Монголии, Казакстана, Якутии, Крыма и пр.).

Расширение работ Отдела и возобновление деятельности лаборатории бывшего Докучаевского Почвенного Комитета привели к необходимости создать соответствующую обстановку, и в 1925 г. Академия Наук преобразовала Почвенный Отдел в Институт, присвоив ему имя В. В. Докучаева и предоставив ему большое собственное помещение, в котором разместились обширный Музей Института и рабочие кабинеты его сотрудников, а ныне производится работа по приспособлению верхнего этажа для Почвенной Лаборатории Института. Дальнейшее развитие Института и особенно его выдающиеся работы по картографии почв, выполняемые сотрудниками, под общим руководством К. Д. Глинки и Л. И. Прасолова, в конце концов, выходят за пределы задач Комиссии по Изучению Естественных Производительных Сил СССР, и Академия Наук в 1927 г. преобразует Институт в самостоятельное, независимое от названной Комиссии, академическое учреждение. Одновременно, учитывая выдающиеся труды в области почвоведения научных сотрудников Института К. Д. Глинки и К. К. Гедройца, Академия избирает первого из них в действительные члены Академии, а второго—в члены-корреспонденты. Таким образом, почвоведение впервые входит в число дисциплин, представленных в Академии Наук особыми кафедрами.

До мая 1927 г. работы Почвенного Отдела и Института протекали под руководством академика Ф. Ю. Левинсон-Лессинга, который совмещал это руководство с обязанностями директора Геологического Музея Академии Наук. С избранием К. Д. Глинки в академики, академик Ф. Ю. Левинсон-Лессинг счел возможным отказаться от занятий по Почвенному Институту, и директором Института был избран академик К. Д. Глинка. В 1927 г. Академия Наук командировала академика К. Д. Глинку и сотрудника Института Б. Б. Полынова на I Международный Конгресс Почвоведов в Вашингтоне и оказала свое содействие командированию на этот Конгресс целого ряда других почвоведов Союза

и, в том числе, сотрудников Института С. С. Неуструева и Л. И. Прасолова. При этом Почвенный Институт выполнил большую работу по подготовке коллекций и экспонатов для выставки на упомянутом Конгрессе и по составлению ряда очерков, характеризующих состояние различных отраслей почвоведения в СССР. Выдающиеся заслуги нашего почвоведения перед мировой наукой были отмечены на Конгрессе решением созвать II Международный Конгресс Почвоведов в СССР, с поручением подготовки его созыва академику К. Д. Глинке, который, вместе с тем, избран президентом Международного Общества Почвоведов на период 1927—1930 гг.

За время своего существования Почвенный Отдел и Почвенный Институт Академии Наук выполнили следующие работы:

1) Организован центральный Почвенный Музей, составленный из Музея бывш. Докучаевского Почвенного Комитета и материалов, доставленных последующими экспедициями. Эта большая работа была выполнена, главным образом, сотрудниками Института Б. Б. Полыновым и В. А. Бальц.

2) Составлена почвенная карта азиатской части СССР, под редакцией академика К. Д. Глинки и Л. И. Прасолова.

3) Составлена почвенная карта европейской части СССР, под редакцией Л. И. Прасолова.

4) Проведены почвенные работы в составе Хибинской экспедиции академика А. Е. Ферсмана, под руководством сотрудника Института Н. И. Прохорова и с участием сотрудника Института З. Ю. Шокальской.

5) Проведены три экспедиции по исследованию почв и растительности в пределах Монголии, под руководством Б. Б. Полынова и при участии сотрудников Института Н. Н. Лебедева и О. Н. Михайловской.

6) Проведены две экспедиции по исследованию почв и растительности в пределах Казакстана, под руководством С. С. Неуструева и при участии сотрудника Института Е. Н. Ивановой.

7) Проведены в течение трех летних периодов работы по исследованию почв в пределах горного Крыма Л. И. Прасоловым, при участии сотрудника Института О. Н. Михайловской.

8) Составлена, под руководством К. К. Гедройца, сводка материалов по анализу почв.

Кроме того, по приглашению других учреждений, сотрудники Института провели целый ряд почвенных исследований в пределах как европейской, так и азиатской части СССР. Особо значительными из этих работ являются исследования почв в районе реки Волхова и озера Ильменя, проведенные по поручению Волховстроя, под руководством сотрудника Института Л. И. Прасолова.

За время своего существования Почвенный Отдел и Почвенный Институт выпустили три тома своих Трудов, со статьями по различным вопросам почвоведения, а также сборник: „Russian Pedological Investigations", выход которого был приурочен к упомянутому уже выше I Международному Конгрессу Почвоведов, и который впервые дал возможность иностранному читателю в подробности ознакомиться с учением нашей школы почвоведения. Из печатных работ, выпущенных сотрудниками Института, наиболее значительными являются — К. Д. Глинка: „Курс почвоведения" (3-ье издание) и „Почвы России и прилегающих стран" (1922); К. К. Гедройц: „Учение о поглотительной способности почв" (1922) и „Осолодение почв" (1926); Б. Б. Полынов: „Донские пески, их почвы и ландшафты" (1926); С. С. Неуструев: „Опыт классификации почвообразовательных процессов в связи с генезисом почв" (1926) и Л. И. Прасолов: „Почвы Туркестана" (1926) и „Южное Забайкалье" (1927).

Б. Полынов.

ЗООЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

СИСТЕМАТИКА, ЭКОЛОГИЯ, ЗООГЕОГРАФИЯ

ЗООЛОГИЧЕСКИЕ дисциплины в пределах Академии Наук разрабатываются преимущественно двумя ее учреждениями — Зоологическим Музеем (ЗМ) и Особой Зоологической Лабораторией (ОЗЛ) совместно с Севастопольской Биологической Станцией (СБС), но широкое участие в зоологических исследованиях, в тесном контакте с названными учреждениями, принимают также многие постоянные и временные комиссии, организованные Академией для тех или других специальных целей. Таковы Комиссия по Изучению Озера Байкала (КИБ), Постоянная Полярная Комиссия (ППК), Комиссия по Изучению Якутской АССР (КЯР), Особый Комитет по Исследованию Союзных и Автономных Республик (ОКИСАР) в лице своих Подкомиссий — Казакстанской, Закавказской и др. Вследствие этого зоологические исследования ведутся Академией в весьма разнообразных направлениях. Цель настоящего очерка, однако, дать представление о достижениях Академии за истекшее десятилетие лишь в области систематики, экологии и географии животных.

Естественно, что главным объектом исследований в указанном отношении являлся для Академии богатый и разнообразный мир животных обширной территории СССР, интенсивность изучения которой со стороны Академии за последние годы особенно увеличилась вследствие запросов, предъявленных к ней отдельными Республиками Союза относительно всестороннего их изучения. Впрочем, и некоторые сопредельные государства Азии, как, например, Монголия, вошли в сферу естественно-исторических и, в частности, зоологических исследований

Академии. О размерах зоологической работы Академии за последнее десятилетие можно, до известной степени, судить по числу зоологических трудов, исполненных в ее лабораториях и опубликованных в ее изданиях: за это время число их достигло 260 (при этом следует учесть затруднения с печатанием в течение первого пятилетия). Эта цифра, однако, не дает еще надлежащего представления о полной работе Академии Наук в области указанных дисциплин зоологии, так как большое число трудов, вышедших из музеев и лабораторий Академии Наук, опубликовано также в разных других союзных и, особенно, заграничных изданиях. Так, за последние три-четыре года только ученым персоналом Зоологического Музея в заграничных журналах публикуется ежегодно до 60—65 статей. Следует еще упомянуть об изданиях Русского Энтомологического Общества, работающего в тесном контакте с Зоологическим Музеем, в которых ежегодно публикуется значительная часть трудов по энтомологии ученого персонала Музея или трудов, основанных на материалах Музея. Большое значение для изучения зоологии в СССР имеет Академия Наук еще в том отношении, что многочисленные зоологи всего Союза, работающие как по теоретической, так и по прикладной зоологии, пользуются для разработки своих материалов, собранных во всех концах Союза, и для завершения своих трудов, публикуемых обычно в различных местных изданиях, лабораториями, коллекциями и библиотекой Зоологического Музея. Таких сторонних работников за истекшие годы перебывало в Музее ежегодно не менее 50 — 60 человек, а в последние два года число их достигло 100 человек и более. Существенное значение для зоологического исследования Союза имеют обширные и разнообразные полевые исследования, из году в год производящиеся учреждениями и комиссиями Академии Наук, зоологическая работа которых большею частью регулируется Зоологическим Музеем. Зоологические исследования Академии Наук производились или в виде самостоятельных зоологических экспедиций, каковы, например, экспедиции Зоологического Музея и Особой Зоологической Лаборатории, или в составе комплексных экспедиций академических комиссий и охватили почти все пространство СССР. В европейской части Союза было обращено внимание, главным образом, на Север, где исследования производились в Карелии (экспедиция ЗМ,

Г. Ю. Верещагин), на Новой Земле (экспедиция ППК, М. Н. Вакуленко), на Кольском полуострове (экспедиция ЗМ, В. Ю. Фридолин, В. Н. Кузнецов, Б. С. Виноградов). Некоторые сотрудники ЗМ работали также и на юге — в Крыму (А. М. Дьяконов, Э. Ф. Мирам, В. Н. Кузнецов); там же производятся обширные работы по обследованию четвертичной фауны (экспедиция ЗМ, Г. А. Бонч-Осмоловский, В. И. Громова). На Северном Урале, впервые после Гофмана, в составе комплексной экспедиции Б. Н. Городкова работали также и зоологи (В. Ю. Фридолин в 1925, К. К. Флеров в 1926 и 1927 гг.). В Западной Сибири той же экспедицией захвачена Гыданская тундра (А. И. Толмачев, 1926 и Н. Н. Наумов, 1927); на юге Сибири, в Алтайской губернии, зоологические работы производились Зоологическим Музеем, главным образом, в Минусинском округе (Н. Н. Филипьев, М. К. Серебренников, 1925; в других его частях Б. С. Виноградов, С. И. Оболенский и Б. К. Штегман, 1924). Особенно обширные зоологические работы велись Зоологическим Музеем в Восточной Сибири — в 1925 г. в Южном Забайкалье (Б. С. Виноградов, С. И. Оболенский и Б. К. Штегман), в 1926 г. в Уссурийском крае (А. М. Дьяконов, А. К. Мордвилко, Н. Н. Филипьев и Л. М. Шульпин) и в 1927 г. там же (А. В. Мартынов, А. А. Штакельберг, П. Д. Резвой, Д. Н. Соколов, Л. М. Шульпин). Кроме того, КИБ продолжала свои систематические работы по исследованию озера Байкала (Г. Ю. Верещагин, 1926—1927), а КЯР производила обширные исследования в Якутии: в 1925—1926 гг. в южных ее частях, на Алданском плато и в Намском улусе (Л. В. Бианки и А. И. Иванов), в верховьях реки Вилюя (М. М. Ткаченко) и на реке Лене (П. Г. Борисов), а в 1927 г. в Верхоянском хребте (М. М. Ткаченко) и в тундре между Анабаром и Индигиркой (А. В. Николаев и Г. И. Оросин). Кавказу и Средней Азии было уделено меньше внимания, однако, и там ЗМ производились работы в Дагестане и Осетии (А. Н. Кириченко, 1926—1927). В Казакстане велись исследования ОКИСАР (Ф. Г. Добржанский, 1926). Таким образом, исследования производились, главным образом, над наземной фауной и только отчасти над пресноводной (Байкальская экспедиция и Амурская Гидробиологическая экспедиция ЗМ); морские исследования производились только КЯР в Северном Полярном море (А. М. Попов, 1927) и

СБС в Черном море (В. Н. Никитин). В 1927 г. были произведены обширные зоологические работы в Центральной Монголии (А. Н. Кириченко, А. Я. Тугаринов и А. Н. Формозов).

Большие зоологические материалы, собранные перечисленными экспедициями, сосредоточены, главным образом, в Зоологическом Музее Академии, где и ведется их разработка.

Чтобы выявить долю участия Академии Наук в зоологическом исследовании СССР, я позволю себе дать краткий обзор зоологических работ, вышедших из лабораторий Академии и опубликованных преимущественно в ее изданиях.

По классу млекопитающих на основании материалов ЗМ Б. С. Виноградовым разрабатываются монографически подсемейство *Microtinae* (разработаны роды *Lemmus, Myopus, Prometheomys, Evotomys, Aschizomys*) и семейство *Dipodidae* (характеристика родов, описание замечательного монгольского тушканчика *Salpingotus*). Кроме того, разработана систематика и география: С. И. Огневым — части *Carnivora* (роды *Ursus, Vulpes, Canis*, также *Mustela zibellina;* описан новый род и вид кошки из Туркмении — *Eremailurus*); Н. А. Бобринским — *Chiroptera* центрально-азиатской фауны; С. И. Оболенским — сусликов (роды *Citellus* и *Spermophilopsis*) русской фауны. По зоогеографии и фаунистике опубликованы статьи: Б. С. Виноградова о роли озера Байкала, как зоогеографической границы между фаунами Центральной и Восточной Сибири; С. С. Турова о фауне Северного Забайкалья; К. К. Флерова о фауне долины Чороха и Северного Урала; М. К. Серебренникова о фауне Самарской губернии. По экологии имеются статьи К. К. Флерова о жизни норки и А. М. Формозова о перелетах летучих мышей и жизни сонь. Следует также упомянуть о трудах по четвертичной фауне СССР: В. И. Громовой о фауне трипольской культуры, С. И. Оболенского о фауне культурных слоев Сибири. Статьи Ф. Г. Добржанского трактуют о породах домашних животных Казакстана.

По классу птиц прежде всего следует назвать труды зоогеографического характера, каковы статьи: Л. В. Бианки о распространении птиц в северо-западной части СССР, академика П. П. Сушкина об истории происхождения фауны Сибири и Центральной Азии, А. Я. Тугаринова о фауне Западной Сибири и Якутии. Кроме того, имеется много статей по фаунистике: Л. В. Бианки о фауне Тобольской губернии, Земли Франца-

Иосифа, академика П. П. Сушкина о фауне Алтая, Б. К. Штегмана о птицах приалтайских степей, А. И. Толмачева о фауне острова Колгуева; также по систематике: Л. В. Бианки о синонимии сибирских дроздов, Ф. Хростовского о птицах Южной Америки, А. В. Федюшина о формах дербника, Б. К. Штегмана о русских глухарях, о формах береговой ласточки *(Cotyle riparia)*, о палеарктических сороках, о новых видах и формах птиц из Монголии, П. В. Серебровского о формах белых куропаток (рода *Lagopus*), Л. М. Шульпина о новых формах птиц из Уссурийского края. Имеются также статьи по биологии птиц: Л. В. Бианки о гнездовании некоторых птиц в Северо-Западном крае, В. М. Артоболевского о гнездовании *Phylloscopus nitidus*, П. В. Серебровского о влиянии климата на эволюцию птиц и И. Б. Волчанецкого о закономерности в окраске птиц.

По классам пресмыкающихся и амбифий опубликованы фаунистические и систематические работы: С. Ф. Царевского о фауне Средней Азии, о новых видах амфибий из Центральной Азии, о классификации и распространении рода *Phrynocephalus*, А. М. Никольского о новых формах амфибий и пресмыкающихся из Восточной Сибири, об естественной истории *Coluber sachalinensis*, Г. Ф. Сухова о северной границе распространения *Lacerta viridis* на Украине.

Более обильна литература по классу рыб. За истекшее десятилетие ихтиологами Зоологического Музея разрабатывалась преимущественно ихтиофауна морей, омывающих СССР. По фауне Тихого океана, по материалам ЗМ, опубликованы многочисленные статьи В. К. Солдатова и П. Ю. Шмидта о новых видах; о рыбах Черноморья мы имеем статьи В. К. Попова и Б. С. Ильина. По пресноводной ихтиофауне СССР опубликованы статьи Л. С. Берга о рыбах реки Хатанги, П. Г. Борисова о рыбах реки Лены, Г. Д. Дулькейта о рыбах рек Уссурийского края; кроме того—статья Л. С. Берга о новом виде *Alburnus* из озера Урмии.

Классу насекомых, как обычно, посвящено большое количество трудов, заключающих разработку богатейших коллекций ЗМ по всем отрядам этого класса. По жесткокрылым имеются многочисленные статьи: Г. Г. Якобсона по систематике и географическому распространению особенно центрально-азиатских *Chrysomelidae*, А. Н. Рейхардта по семейству *Histeridae* русской

фауны, В. В. Баровского по семейству *Coccinellidae* и группе *Malacodermata*, Ф. Г. Добржанского по семейству *Coccinellidae*, Т. Н. Щеголевой по семейству *Mordellidae*, Д. А. Оглоблина по семейству *Chrysomelidae*, Д. В. Знойко по семейству *Carabidae*; кроме того, имеются статьи Ф. Г. Добржанского по сравнительной анатомии *Coccinellidae* и статьи М. М. Левита и Г. И. Шпета по сравнительной анатомии *Chrysomelidae*. По чешуекрылым имеются статьи: зоогеографического характера — Н. Я. Кузнецова о восточном и американском элементах в фауне полярной Европы; фаунистические и систематические — О. И. Иона и А. М. Дьяконова о новых видах, Н. Н. Филипьева о фаунах Минусинского и Уссурийского края, С. Матсумуры о фауне Японии и К. К. Мёберга о бабочках Ленинградской губернии. Отряду полужесткокрылых посвящены статьи: В. Ф. Ошанина о новых видах семейства *Pentatomidae*, А. Н. Кириченко о фауне Камчатки, Восточной Сибири, Крыма, Туркестана и Северного Кавказа, В. Д. Функгаузера о семействе *Membracidae*, а также многочисленные статьи А. К. Мордвилко по биологии *Aphidodea*. По отряду перепончатокрылых имеются статьи: А. В. Шестакова о роде *Cerceris* и новых видах из семейства *Ichneumonidae* и *Chalcididae*, Е. Энслина о камчатских *Tenthredinidae*, В. В. Гуссаковского о роде *Astatus* и о новых видах семейства *Pompilidae*, А. С. Скорикова о новых формах шмелей и о новых видах семейства *Myrmosidae*, А. А. Бирули о фауне Витебской и Киевской губерний и о географическом распространении и систематике ос (*Vespa, Hoplomerus*), А. П. Семенова-Тян-Шанского о новых видах семейства *Siricidae*. По отряду прямокрылых опубликованы многочисленные статьи: Э. Ф. Мирам о фауне Камчатки, Ленинградской губернии, Украины, Крыма, Предкавказья и о роде *Glyphonotus*, В. А. Караваева о редких видах фауны Киевской губернии. По отряду двукрылых имеются многочисленные статьи Ф. Д. Плеске о семействе *Stratiomyiidae* и о семействе *Oestridae* русской фауны; не менее многочисленны статьи А. А. Штакельберга по другим семействам этого отряда и особенно по семейству *Dolichopodidae*, *Culicidae* и *Syrphidae*. Отряд ручейников разрабатывался О. М. Александровой по фауне Тверской губернии, А. В. Мартыновым по фауне Камчатки, Средней Азии, Восточного Закавказья, Карелии и озера Байкала; ему же принадлежит работа о

географическом распространении этого отряда. По отряду сетчатокрылых имеются статьи: А. М. Дьяконова об *Odonata* Карелии и Сибири, О. М. Александровой об *Ascalophidae* из коллекции ЗМ. Низшие насекомые разрабатывались О. И. Ионом по отряду *Thysanoptera* (фауна восточной Африки).

Особый интерес представляет статья В. Ю. Фридолина, восстанавливающего, на основании находок остатков насекомых и раковин моллюсков в торфяниках Ленинградской губернии, некоторые черты из истории фауны этой губернии.

По остальным наземным беспозвоночным имеются многочисленные статьи В. А. Линдгольма по систематике и географическому распространению наземных моллюсков, а также О. В. Розена о фауне моллюсков Предкавказья и Камчатки.

О паукообразных опубликован ряд статей: В. В. Редикорцева о ложноскорпионах, А. А. Бирули о скорпионах и сольпугах, Н. О. Оленева о паразитических клещах, Д. Е. Харитонова о фауне пауков Пермской губернии, В. Н. Ермолаева о новом виде паука из Западной Сибири, Сиг Тора, Вл. Кульчиньского о пауках и клещах Камчатки и Е. Н. Павловского по анатомии скорпионов.

По пресноводным беспозвоночным должны быть отмечены многочисленные статьи: В. М. Рылова о свободноживущих веслоногих ракообразных Севера, Восточной Европы, Восточной Сибири, Маньчжурии и Мадагаскара, В. Ч. Дорогостайского об *Amphipoda* озера Байкала, А. В. Мартынова о реликтовой фауне ракообразных нижнего течения Дона, В. А. Линдгольма и О. В. Розена о пресноводных моллюсках озера Байкала и Камчатки, А. Р. Прендля о пиявках реки Днестра, академика Н. В. Насонова по систематике, географическому распространению и экологии турбеллярий Крыма, Кольского полуострова и других частей Союза, Г. М. Фридман о новом роде и виде турбеллярий из озера Байкала, П. Д. Резвого о пресноводных губках Туркестана и Монголии.

О паразитических животных, кроме упомянутой статьи Н. О. Оленева об *Ixodoidea* русской фауны, опубликованы работы Н. П. Анненковой о ленточных глистах, Н. Н. Костылева о скребнях из Черного моря, О. А. Куровой о трематодах, и несколько работ К. И. Скрябина, а также В. П. Баскакова о круглых глистах, преимущественно по материалам ЗМ.

По морским беспозвоночным имеются статьи: П. Д. Резвого и академика Н. В. Насонова о губках Северного Полярного и Черного морей, В. В. Редикорцева о люцернариях Северного Полярного моря, В. М. Рылова о других кишечно-полостных *(Hydrozoa* и *Alcyonaria)* Мурманского моря и о географическом распространении и экологии *Cordylophora lacustris*, А. М. Дьяконова (кроме обширного его труда в серии Фауна России о морских ежах) об иглокожих Тихого океана, Н. П. Анненковой ряд статей по фауне *Polychaeta* Северного Полярного моря, Тихого океана и Черного и Каспийского морей, В. В. Редикорцева об асцидиях Тихого океана. По общей биологии и зоогеографии морей Союза опубликован ряд статей Н. М. Книповича об Азовском и Черном морях, В. Н. Никитина о Черном море и И. И. Месяцева и И. П. Танасийчука о Мурманском море.

Как видно из этого сжатого очерка зоологических работ, произведенных в учреждениях Академии Наук, исследования охватили почти все типы и классы животного царства, существенно углубив наши познания о фауне СССР. Следует добавить, что в таком широком масштабе изучение нашей фауны велось только Академией Наук. При этом, помимо разработки чисто теоретических вопросов зоологии, учреждения Академии Наук принимали широкое участие и в зоологических исследованиях прикладного характера. Такого рода работы производились КЯР в Якутии — по скотоводству, рыболовству, пушному промыслу и сельско-хозяйственным вредителям, и ОКИСАР — по скотоводству Казакстана. Наконец обширные работы по изучению экологии и географического распространения паразитических червей и переносчиков малярии и других заразных болезней человека и животных производятся уже в течение нескольких лет состоящими при ЗМ постоянными Комиссиями по Изучению Гельминтофауны СССР и Малярийной. В изданиях Академии Наук последняя опубликовала ряд статей относительно биологических методов борьбы с малярией — В. И. Магнитского и М. И. Москвина, а также по биологии и систематике малярийных комаров и других переносчиков заразных болезней—А. А. Месс, А. А. Штакельберга, Е. Н. Павловского и И. Г. Иоффа.

А. Бялыницкий-Бируля.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ЗООЛОГИЯ

Для целого ряда зоологических проблем, связанных с труднейшими вопросами общей биологии, эксперимент в настоящее время имеет значение если не единственного, то, во всяком случае, преобладающего метода. Область применения экспериментального метода непрерывно расширяется, захватывая самые разнообразные отрасли зоологии. Поэтому вполне понятно, что интерес к экспериментальной зоологии год от году увеличивается, и все большее и большее количество научных сил среди зоологов обращается к эксперименту.

Рост экспериментального направления в зоологии находит отражение в работах, производившихся в Академии Наук СССР. Здесь работы по экспериментальной зоологии сосредоточиваются в двух учреждениях: Особой Зоологической Лаборатории (ОЗЛ) и Севастопольской Биологической Станции (СБС).

Особая Зоологическая Лаборатория. До революции работы ОЗЛ были, по преимуществу, морфологическими, и ее оборудование приспособлено, главным образом, для этой цели. Со вступлением в должность директора ОЗЛ академика Н. В. Насонова (в 1921 г.) деятельность Лаборатории постепенно приобретает экспериментальный характер. Академик Н. В. Насонов в 1921—1922 гг. работал по регенерации у *Bothrioplana semperi* (работа напечатана в Трудах I Съезда Зоологов, 1923). Эта работа выяснила значительно большую регенеративную способность по сравнению с прочими *Rhabdocoelida.* В 1923 г. академик Н. В. Насонов занимался изучением регенерации у описанного им вида мшанки *Arthropodaria kovalevskii* Nass.

Это исследование обнаружило, что даже отдельные членики стебелька этой формы способны регенерировать целый организм (Труды ОЗЛ и СБС, 1926). В 1924 г. академиком Н. В. Насоновым начаты обширные исследования по выращиванию конечностей у аксолотля путем наложения лигатур. Кроме академика Н. В. Насонова, экспериментальные работы велись в это время Ю. А. Филипченко над скрещиванием канареек и В. М. Смирновой над дедифференцировкой мышечной ткани (Труды ОЗЛ и СБС, 1923). Однако, развитие экспериментальных работ в ОЗЛ затруднялось ввиду отсутствия средств, недостатка оборудования и тесноты помещения.

Только летом 1925 г. для ОЗЛ было отведено новое более обширное помещение, предоставлены денежные средства на оборудование, и штат научных работников увеличен до 7 человек. В Лаборатории учреждены два Отделения, Морфологии и Экспериментальной Зоологии, причем, конечно, такая конструкция имеет в виду тесную связь деятельности обоих Отделений. Экспериментальная зоология не представляет собой обособленной науки и, в отношении проблем наибольшего актуального интереса, как механика развития, учение о регенерации и пр., настолько тесно сплетается с вопросами классической морфологии, что в конечном счете и та, и другая представляют собою одно неразрывное целое.

В период 1925—1927 гг. ОЗЛ была занята устройством нового помещения. Происходило пополнение лабораторного инвентаря приборами и инструментами. В настоящее время в ОЗЛ оборудованы специальные комнаты для занятий по регенерации и трансплантации, для культуры тканей вне организма, для изучения влияния температуры среды на организмы, для биохимических исследований, для микроскопических работ и операционная; кроме того, имеется специально оборудованная комната для микрофотографии. Особое внимание уделено также оборудованию помещений для лабораторных животных. Биохимическая аппаратура представлена приборами для измерения концентрации водородных ионов, осмотического давления, поверхностного натяжения, электропроводности и т. п. В результате ОЗЛ является теперь едва ли не самой оборудованной лабораторией по экспериментальной зоологии в СССР и не уступает в этом отношении лучшим из заграничных институтов.

Основной темой работ ОЭЛ является в последнее время всестороннее изучение явлений регенерации. Объектом изучения является преимущественно аксолотль и другие хвостатые амфибии. Опыты по регенерации и дублированию конечностей под влиянием наложения лигатур являются продолжением уже упомянутых исследований академика Н. В. Насонова и ведутся в настоящее время как им лично, так и сотрудниками Лаборатории. В. М. Казанцев изучает гистологически процессы, происходящие в регенеративных почках и тканях конечности аксолотля после наложения лигатуры. Н. В. Окунев занят биохимической стороной вопроса, изучая явления прижизненного окрашивания в регенерирующих конечностях, а также реакции тканевой жидкости регенеративных почек по сравнению с нормальной конечностью. П. А. Вейнер, работавший в ОЭЛ в 1925—1926 гг., изучал вопрос о регенерации кожного эпителия при заживлении ран у аксолотля; эта работа выяснила, что клеточные деления играют лишь незначительную роль в процессе заживления раны; появление эпителия на месте раны происходит вследствие перемещения соседних участков эпителия (см. предварительное сообщение в Докладах Академии Наук СССР, серия А, 1926). В. М. Смирнова занималась вопросом о заживлении ран на ампутированных пальцах, помещенных в условия культуры тканей in vitro. Оказалось, что на ампутированных пальцах заживление ран происходит, и способ регенерации эпителия в этом случае не отличается от обычного (Archiv für Experimentelle Zellforschung, 1927). В. И. Лодыженская занимается изучением регенерации трансплантированных участков конечностей у аксолотля в связи с вопросом о полярности и сохранении первоначальной детерминации пересаженных частей (работа готовится к печати). В этом году П. Г. Светловым начата работа по регенерации переднего конца тела у ланцетника. Все эти работы ведутся по общему плану и под непосредственным руководством академика Н. В. Насонова. Им лично, сверх того, ставятся опыты относительно действия прививок тканей на регенерацию конечностей у аксолотля.

Кроме работ по регенерации, в ОЭЛ велись экспериментальные работы и на другие темы. Н. В. Окунев занимался изучением поверхностной активности краски трипанблау в водных растворах на разделах различных жидкостей. Им получены

очень высокие цифры поверхностной активности на разделе вода-липоиды. Этот факт имеет значение для понимания механизма прижизненного окрашивания и теории проницаемости протоплазмы (работа печатается в Трудах ОЗЛ и СБС). П. Г. Светлов в 1925—1926 гг. выполнил работу об осмотических условиях развития и осморегуляции у дождевых червей. Эта работа имеет целью показать, что различия в развитии у разных видов дождевых червей стоят в тесной связи с осмотическими условиями среды, в которой развиваются зародыши. Кроме того, обнаружено, что в некоторых случаях соотношения между наружной средой и коконами, внутри которых находятся зародыши лумбрицид, могут быть довольно сложными и устанавливаются либо при помощи активной деятельности некоторых клеток зародышей, либо при помощи своеобразных условий равновесия концентраций коллоидных растворов жидкости коконов и наружной среды (работа печатается в Трудах ОЗЛ и СБС).

Севастопольская Биологическая Станция является вторым учреждением Академии Наук, где велись экспериментальные работы. Благодаря расширению сети морского водопровода и вновь устроенному приспособлению для аэрации аквариумов, ведение экспериментальных работ в СБС сделалось вполне возможным. Экспериментальные работы ведутся, главным образом, специалистами, командированными туда из других научных учреждений СССР, и поэтому не имеют планового характера. Но в самое последнее время экспериментальные работы вели и сотрудники СБС. Так, В. Г. Попов летом 1926 и 1927 гг. занимался изучением влияния кастрации в регенерацию конечностей у ракообразных в связи с вопросом об изменениях, производимых в организме присутствием паразитов. Оживление деятельности СБС началось в 1923 г. С этого времени количество экспериментальных работ на станции год от году увеличивается. В 1924 г. на экспериментальные темы работало 4 человека, в 1925 г.—6 человек, в 1926 г.—13 человек, в 1927 г.—10 человек. Здесь, как и в ОЗЛ, обращает на себя внимание целый ряд работ по регенерации (А. Я. Лус, С. Я. Залкинд, М. В. Остроумова, И. Эскин, А. И. Любицкая, А. М. Карпас, И. И. Канаев, В. Л. Вагин). Затем, многие исследователи работали по прижизненной окраске

(В. В. Ефимов, И. Д. Стрельников, А. В. Леонтович, М. П. Казан), по экспериментальной гистологии (Б. В. Алешин, Н. Г. Хлопин, К. К. Сент-Илэр, В. И. Бухалова), по физиологии (Ю. Н. Фролов, Е. Э. Гольденберг), по экспериментальной биохимии (Г. Д. Конжухова, Д. Л. Рубинштейн, Е. Н. Мальм, Н. А. Головин) и на другие экспериментальные темы (Е. Скалкина, О. Чекановская, Н. С. Хранилов, А. И. Зуйтин, Ролич). Таким образом, СБС привлекает к себе большое количество специалистов-экспериментаторов, которые используют для своих целей добываемый ею морской материал.

П. Светлов.

ФИЗИОЛОГИЯ

С 1917 по 1920 г. включительно Физиологический Институт (тогда еще Физиологическая Лаборатория) Академии Наук — основное и единственное академическое учреждение, в котором сосредоточена вся научная работа в области физиологии — замер совершенно. Служившие для опытов животные все погибли от голода; помещение Лаборатории не отапливалось; научные работники еле перебивались. Но уже с января 1921 г. жизнь снова затеплилась в этом довольно старинном учреждении Академии (основано в 1889 г.), и с тех пор, из года в год, оно неуклонно расширяется и крепнет.

За истекшие десять лет в Физиологическом Институте велась разработка той же грандиозной научной проблемы, которая занимала все его внимание и раньше, а именно—физиологии больших полушарий головного мозга высших животных, изучаемой по строго объективному методу условных рефлексов, методу, введенному в науку академиком И. П. Павловым в 1900 г. и ныне ставшему общеизвестным во всем научном мире как у нас, так и заграницей. Помимо этой основной задачи, в Физиологическом Институте ставились опыты также и по другим областям физиологии.

Переходя к более подробному обзору работ Физиологического Института в области условных рефлексов, нужно сказать, что здесь научные исследования велись на столь же широком фронте, как это принято его руководителем, академиком И. П. Павловым, т.-е. силы сотрудников сосредоточивались не на детальной и скрупулезной обработке какой-нибудь темы, а захватывали одновременно ряд основных вопросов из области физиологии коры больших полушарий. Наибольшей обработке в Физиологическом Институте подвергся вопрос о торможении и о неразрывно связанных с ним явлениях взаимной индукции. Сюда

относится работа Н. А. Подкопаева: „К движению тормозных процессов“ (Труды Физиологической Лаборатории академика И. П. Павлова, 1924, I, 1). В этой работе было выяснено, что даже однократное неподкрепление выработанного условного рефлекса вызывает появление в коре больших полушарий головного мозга явственного процесса внутреннего торможения. Это торможение сперва широко расплывается по коре, но при повторении постепенно начинает концентрироваться, благодаря возникновению, в противовес иррадиирующему торможению, процесса положительной индукции. Эта последняя сперва вовсе отсутствует, а, появившись, проходит ряд интересных фаз, описанных в названной работе. К этой же области явлений индукции относится также работа Н. А. Подкопаева: „Зависимость положительной фазы индукции от расстояния между тормозным и активным пунктом“ (доклад в Ленинградском Физиологическом Обществе в 1925 г.), где выяснено, что, хотя явления индукции в отношении кожного анализатора и зависят от расстояния, но при этом необходимо учесть вопрос о групповом, а не линейном расположении пунктов кожного анализатора, соответствующих данным точкам поверхности кожи. В. В. Строганову в его работе: „Положительная и отрицательная фазы взаимной индукции в коре больших полушарий собаки“ (Труды Физиологической Лаборатории академика И. П. Павлова, 1925, I, 2—3) удалось, на очень ярких примерах разрушения выработанной дифференцировки, показать наличие не только более легко появляющейся в опытах положительной фазы индукции, но и реже и труднее наблюдаемой отрицательной ее фазы, а также исследовать влияние брома на работу больших полушарий. Сюда же, к области изучения явлений торможения и индукции, относится и работа Н. А. Подкопаева: „О моменте начала иррадиации тормозного процесса“ („Юбилейный сборник в честь академика И. П. Павлова“, 1925). В ней было установлено, что иррадиация тормозного процесса начинается только в момент окончания действия условного раздражителя; пока же он действует на тот или иной пункт коры больших полушарий, иррадиации не происходит, а на периферии такого очага имеется состояние положительной индукции. Наконец, к области изучения торможения в коре головного мозга относится работа Н. А. Подкопаева: „Влияние пищевого безусловного рефлекса на восстановление угашенного услов-

ного рефлекса" (доклад в Ленинградском Физиологическом Обществе в 1925 г.), в которой показано, что свой безусловный рефлекс растормаживает угасший условный рефлекс по тем же правилам, что и другие растормаживающие агенты (время, гаснущий и простой тормоз).

Второй проблемой, разрабатывавшейся за истекшее десятилетие сотрудниками Физиологического Ииститута, был вопрос о соотношении между очагами условного и безусловного раздражений. Эта трудная задача не получила еще своего окончательного разрешения и потому не может быть здесь изложена. Разработкой ее занимались следующие лица: Н. А. Подкопаев, В. И. Павлова, П. К. Анохин („Взаимодействие клеток условного и безусловного раздражителя в течение применения последнего", Труды Физиологической Лаборатории академика И. П. Павлова, 1927, II, 1).

Ряд работ был посвящен вопросу о патологических состояниях коры головного мозга, возникающих в результате различных функциональных на нее воздействий. Сюда относятся работы М. К. Петровой: „Борьба со сном. Труд уравновешивания раздражительного и тормозного процессов" („Юбилейный сборник в честь академика И. П. Павлова", 1925) и „Патологическое отклонение раздражительного и тормозного процессов при трудной встрече этих процессов" (Труды Физиологической Лаборатории академика И. П. Павлова, 1925, I, 2—3), а также ряд еще не опубликованных подробных исследований В. В. Рикмана, С. Н. Выржиковского и Н. А. Подкопаева. В процессе этих работ удалось наблюдать ряд интереснейших функциональных нарушений в деятельности коры больших полушарий, очень похожих на картины истерии и неврастении, наблюдаемых на людях, а также и то, что патологический процесс может быть локализирован в чрезвычайно узких точечных пунктах коры, причем одновременно изыскивались способы их излечения. Большое внимание Физиологического Института за последние годы привлекает определение типов нервной системы по методу условных рефлексов, причем намечается уже классификация их, а также выработан ряд методических приемов для предварительного (до начала работы на специальную тему) определения типа нервной системы опытных животных. Сюда относятся работы С. Н. Выржиковского, С. А. Петрова и А. М. Павловой.

Дальнейшими темами являются следующие: об идентичности внешнего и внутреннего торможения (работы И. Р. Пророкова, П. К. Анохина, В. В. Петровского); об измерении силы нервной клетки и соотношении ее с физической силой раздражителей (В. В. Строганов, В. В. Рикман); о влиянии кастрации на работу больших полушарий головного мозга (В. В. Рикман, И. Р. Пророков); о статической иррадиации возбуждения и торможения (Л. С. Григорович, А. М. Павлова); о фазовых изменениях в функции нервной клетки коры при последовательном торможении (П. К. Анохин); о влиянии старости (Л. А. Андреев) и мышечной работы (В. В. Строганов) на деятельность коры больших полушарий; о выработке дифференцировки между двумя положительными, но связанными с различными безусловными раздражителями, условными рефлексами (Г. П. Конради); о деталях образования положительных и отрицательных условных пищевых рефлексов на электрокожный раздражитель (Н. А. Подкопаев); о выработке дифференцировки на синтетические раздражители (В. В. Строганов) и на симметричные пункты кожи (Н. А. Подкопаев и Л. С. Григорович); о выработке условного рефлекса на автоматическое раздражение (Н. А. Подкопаев); о своеобразных двигательных реакциях, возникающих в результате выработанного торможения (Н. А. Подкопаев) и прирожденного спинно-мозгового рефлекса (И. Р. Пророков); о применении метода условных рефлексов к пониманию явлений психологии и психиатрии и к изучению поведения мышей (Г. П. Зеленый). Все только что перечисленные работы содержат в себе массу важного материала, продвигающего учение об условных рефлексах все глубже в суть предмета, но не могут быть, за недостатком места, изложены здесь более подробно. Заканчивая обзор работ, выполненных за истекшее десятилетие сотрудниками Физиологического Института в области изучения условных рефлексов, надо упомянуть о книге Н. А. Подкопаева: „Методика изучения условных рефлексов“ (Лгр., 1926), переведенной на немецкий язык и заключающей в себе полное и подробное описание всей ныне весьма сложной методики постановки опытов с условными рефлексами, а также описание соответствующей аппаратуры.

Необходимо, наконец, остановиться и на выполняемой в последние годы персоналом мастерских Физиологического Инсти-

тута и руководимой Н. А. Подкопаевым и инженером А. П. Селезневым, весьма сложной, трудной и кропотливой работе в области составления проектов и постройки новых точных физических приборов (звуконепроницаемых камер, специальных раздражителей, переоборудования камер на электрическую передачу), преследующих цели более тонкого и точного регистрирования реакций коры больших полушарий головного мозга на явления окружающей среды.

Как указано было в начале обзора, в Физиологическом Институте производились и производятся работы и по другим областям физиологии. Однако, ввиду сосредоточения всех сил и всего времени штатных и нештатных сотрудников Физиологического Института на работах по физиологии головного мозга, а также ввиду переполнения помещения Института и его питомника, исследования эти ведутся пока в неизмеримо меньшем масштабе, чем работы по условным рефлексам. Предстоящее в ближайшие месяцы расширение помещений Физиологического Института даст, наконец, возможность более широко поставить и эту часть работ Института.

Из только что упомянутых работ за истекшее время должны быть отмечены следующие: В. В. Савич и Н. А. Сошественский: „Влияние vagus'ов на секреции кишечного сока“ (Comptes Rendus de la Société de Biologie, 1917); В. В. Савич: „Влияние атропина на секрецию поджелудочного сока“ (Русский Физиологический Журнал, 1918, I); В. В. Савич: „К выходу желчи“ (ib.); В. В. Савич: „О секреторно-задерживающих нервах тонких кишек“ (ib., 1919, II, 1—3); Н. А. Подкопаев: „Материалы к физиологии восстановительных процессов“ (Pflüger's Archiv für die Gesamte Physiologie, 1926, Bd. 210, H. 6); Н. А. Подкопаев: „Работа gl. parotis собаки без черепно-мозговой иннервации“ (доклад на II Всесоюзном Съезде Физиологов в 1926 г.); Н. А. Подкопаев: „Экспериментальная трофическая язва у собак и ее рефлекторная дуга“ (не опубликована).

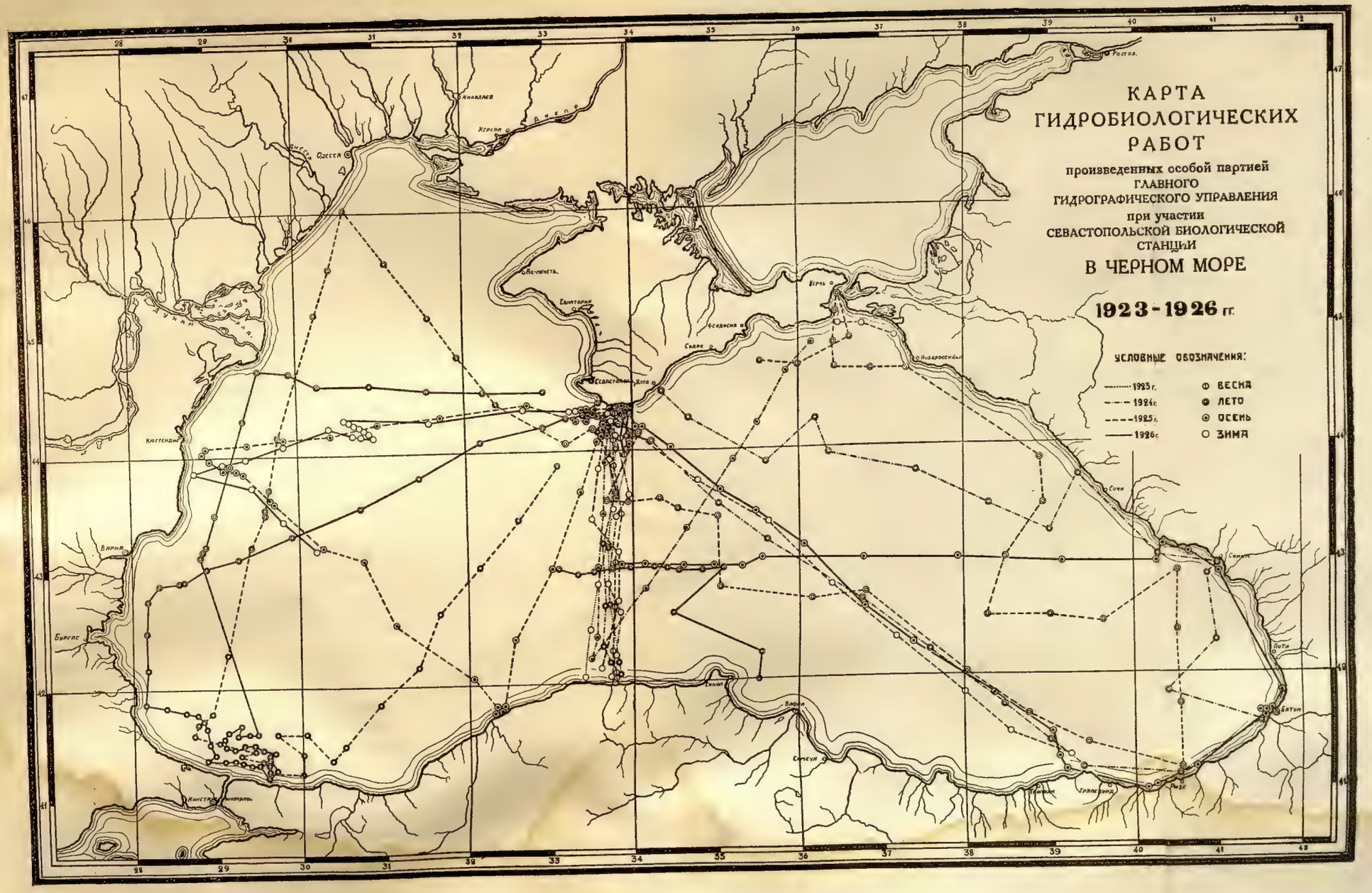
Н. Подкопаев.

ГИДРОБИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЧЕРНОГО МОРЯ

Глубомерные экспедиции 1890—1892 гг. впервые раскрыли картину своеобразных гидрологических условий, которые ставят Черное море в исключительное положение. Открытия необычайных фактов зараженности глубин Черного моря сероводородом и отсутствия живых организмов (планктона и бентоса) ниже двухсотметровых глубин в свою очередь поставили ряд проблем, формулированных покойным академиком Н. И. Андрусовым. Прошло, однако, более тридцати лет, прежде чем явилась возможность вновь подойти к изучению вопросов гидробиологического режима Черного моря.

Только в 1923 г. усилиями Главного Гидрографического Управления при участии Севастопольской Биологической Станции Академии Наук (СБС) были организованы систематические глубоководные исследования Черного моря путем гидробиологических разрезов, приуроченных к международным срокам, а с 1924 г., и путем летних экспедиций, проходивших под начальством члена-корреспондента Академии Ю. М. Шокальского. В 1923—1927 гг. было сделано всего 16 больших рейсов с более чем 500 станциями, охвативших всю площадь Черного моря от берегов Крыма до берегов Анатолии, Кавказа, Болгарии и Румынии (см. карту).

Обширный материал, полученный за последний период указанных работ, позволил установить общую картину гидробиологических условий и распределения жизни в Черном море, причем силами СБС удалось выяснить ряд существенных вопросов биологии и гидрологии и установить причины необычайных условий, в которых протекает жизнь нашего южного моря.


КАРТА
ГИДРОБИОЛОГИЧЕСКИХ
РАБОТ
произведенных особой партией
ГЛАВНОГО
ГИДРОГРАФИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ
при участии
СЕВАСТОПОЛЬСКОЙ БИОЛОГИЧЕСКОЙ
СТАНЦИИ
В ЧЕРНОМ МОРЕ
1923-1926 гг.
УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ:
1923 г.
1924 г.
1925 г.
1926 г.
ВЕСНА
ЛЕТО
ОСЕНЬ
ЗИМА
Ростов
Одесса
Керчь
Евпатория
Ялта
Сочи
Батум
Варна
Бургас
Синоп
Самсун
Трапезунд

Что касается исследований в области гидрологии, то данные о них будут опубликованы Главным Гидрографическим Управлением. Здесь же мы коснемся лишь биологических исследований.

Установлено, что нижняя граница планктона, которая проходит в центральных частях восточной и западной половины Черного моря на глубине 100—125 *м*, по направлению к берегам постепенно опускается, проходя в прибрежной зоне на глубине 160—200 *м*. У берегов Румынии опресняющее влияние вод Дуная вызывает ослабление вертикальной циркуляции, и проникновение кислорода в глубокие слои моря еще более ограничивается, следствием чего является и сравнительно высокое положение (100—135 *м*) нижней границы планктона и бентоса.

В небольшом районе моря, против входа в Босфор, найдено, наоборот, наиболее глубокое (до 225 *м*) положение нижней границы кислорода и планктона, что обусловлено, повидимому, вентилирующим влиянием нижне-босфорского течения. Это отражается и на составе фауны бентоса, где был найден ряд средиземноморских форм, неизвестных в других частях Черного моря.

При изучении годичного вертикального распределения планктона установлено, что качественный и количественый состав зоопланктона ниже глубин в 40—60 *м* сильно беднеет. Так, если количественный состав зоопланктона в поверхностных слоях принять за 100%, то на глубине 50—75 *м* мы будем иметь только 50%. Это обеднение черноморского „кнефопланктона“ обусловлено резким падением количества кислорода и величины pH.

Далее удалось установить, что, при переходе от поверхностных слоев в более глубокие, в качественном составе зоопланктона постепенно убывает процент „переменных форм“, т.-е. встречающихся только в некоторые периоды года, и возрастает процент „постоянных форм“, т.-е. встречающихся в течение всего года.

Эти связанные с глубиной изменения в качественном составе зоопланктона обусловлены, повидимому, постепенным уменьшением с глубиной годичных колебаний температуры, величина которых на поверхности лежит в пределах 19°,

на глубинах 50—75 *м* — в пределах 3°; на глубинах 150—200 *м* температура постоянна.

Выяснен общий характер биоценозов в неисследованном ранее участке у юго-восточных берегов Черного моря. Драгировка показала, что мы имеем и в этом районе те же характерные для Черного моря биоценозы с некоторым преобладанием бедных фауной песчаных грунтов.

Удалось установить нижнюю границу бентоса в ряде пунктов по всей прибрежной зоне Черного моря, причем оказалось, что она, по большей части, проходит по глубинам 140—150 *м* и редко опускается до 160—178 *м*.

Установлена, наконец, детальная картина распределения биоценозов и нижняя граница бентоса в районе от мыса Фиолент до Алушты, что было выяснено путем экспедиций вдоль южного берега Крыма, организованных на судне СБС.

По материалам, полученным во время указанных выше исследовательских работ, вышло печатных трудов сотрудников СБС: 3 работы в изданиях Академии Наук, 2 работы в изданиях Крымского Общества Естествоиспытателей и 1 работа в Comptes Rendus de l'Académie des Sciences de Paris. Затем, опубликовано несколько совместных работ СБС и Севастопольской Морской Обсерватории; из них 5 работ в изданиях Главного Гидрографического Управления и 1 работа в изданиях Крымского Общества Естествоиспытателей. Кроме того, данные по экспедиционным работам СБС опубликованы в Годовых Отчетах Академии Наук за 1920—1926 гг.

В. Никитин.

ИСТОРИЯ

В ЭПОХИ великих исторических переломов, когда общественный пульс бьется быстро и бурно, историческая наука отодвигается на задний план, ибо она не дает скорых и практически приложимых выводов, а требует для своих конструкций объективности и спокойствия и для своей техники сложного и, по существу архивной и библиотечной работы, медлительного аппарата. Годы великой войны и за нею пришедшего переворота и глубоких политических и социальных перемен уничтожили возможность продолжать в прежнем виде исследовательскую и научно-издательскую деятельность во всех вообще учреждениях и обществах, работавших в области исторического знания. Университетские семинарии опустели вследствие ухода молодежи на военную и общественную работу; ученые общества лишились своих субсидий и утратили работников; архивы были свернуты, эвакуированы или перемещены; типографское дело пришло в расстройство. В частности, Академия Наук должна была констатировать полное прекращение деятельности некоторых своих учреждений исторического цикла. Она перестала получать сведения о работе своего корреспондента в Риме, и должность этого корреспондента силою вещей была вовсе упразднена. Точно также упразднились комиссии по изданию трудов академика В. Г. Васильевского, Порфирия Успенского и М. М. Сперанского. Состоявшие в ведомстве Народного Комиссариата по Просвещению Археографическая Комиссия и Музей Палеографии, до их перехода в ведение Академии и в первое время по переходе, находились почти в полном бездействии по отсутствию отопления и освещения и вследствие расстройства водопроводной

сети. Академический Русский Исторический Журнал прекратился на 8-ой книжке, вследствие отсутствия средств на его печатание.

К этим внешним причинам ослабления работы Академии присоединились и внутренние утраты в самом составе руководящей академической среды. В 1919 г. Академия лишилась историков А. С. Лаппо-Данилевского и М. А. Дьяконова, в 1920 г. — А. А. Шахматова и Б. А. Тураева, в 1921 г. — В. В. Латышева, в 1923 г. — В. С. Иконникова. Потери эти были горестны и невознаградимы. Когда начали воссоздаваться условия нормального ученого труда, отсутствие названных лиц, представлявших собою крупную творческую силу, сказывалось чувствительно на ходе научного возрождения академических учреждений.

Тем не менее, как в самые трудные годы лишений (1919—1921), так и позднее, в академической среде, работавшей в области исторических знаний, не иссякала трудовая энергия, и в меру возможности шла как индивидуальная работа лиц, принадлежавших к Академии, так и коллективная деятельность академических учреждений, ведавших исторические дисциплины. Старейший из историков Академии Наук, академик Ф. И. Успенский не прекращал своих личных занятий ни на один год. В 1918 г. он был занят отчетом о своих занятиях в Трапезунте в 1917 г. и, между прочими материалами, напечатал в 1918 г. исследование об „Усыпальнице царя Алексея IV в Трапезунте". Позднее в различных ученых учреждениях он читал ряд докладов по византийской истории, печатал специальные статьи и с выдающейся энергией руководил деятельностью основанной при Академии его же заботами особой Русско-Византийской Комиссии для работ по различным сторонам внутренней жизни Византии и по начальным векам русской истории. В настоящее время эта Комиссия представляет собою одно из самых оживленных ученых учреждений Академии. Сверх обычной кабинетной работы и ученых заседаний Ф. И. Успенский приложил много усилий к поддержанию руководимых им журналов Византийский Временник и Анналы, собирая для них материал и изыскивая средства для их напечатания. Наконец, Ф. И. Успенскому удалось в последний год допечатать и выпустить в свет II том его монументальной „Истории Византии". Не менее про-

дуктивна и энергична была деятельность академика В. В. Бартольда. Трудно дать полный перечень тех докладов, статей и монографий по истории мусульманского мира, которые вышли из под его пера в это десятилетие. Не ограничиваясь отдельными статьями и рецензиями, он в последние годы напечатал две книги: „Иран. Исторический обзор" и „История культурной жизни Туркестана". Неоднократно В. В. Бартольд бывал в командировках не только в пределах СССР (Туркестан, Баку), но и на Западе (Конгресс Историков в Бельгии; работы в Англии, где переведена на английский язык и издается его книга „Туркестан в эпоху монгольского нашествия") и в Турции (Константинополь, Адрианополь и Ангора). Можно сказать, что в пределах СССР академик В. В. Бартольд представляет собою центр всех туркологических изучений и является их руководителем далеко за пределами Академии. Академик В. П. Бузескул, живущий постоянно в Харькове и состоящий также членом Украинской Академии Наук и различных ученых организаций Украины, сверх участия в деятельности этих организаций, вел свои исследования в области западно-европейской историографии и, кроме многочисленных статей и докладов, приготовил книгу о развитии исторической науки со времени Французской Революции до начала мировой войны. В Ленинграде он был деятельным сотрудником академических комиссий и участником журнала Анналы. Русские историки М. М. Богословский и С. Ф. Платонов были заняты исследованиями, главным образом, в области культурной реформы XVII—XVIII веков. Первый из них занят в Москве систематическим пересмотром и исследованием архивного материала времен Петра Великого и восстановлением достоверной последовательности и связи событий преобразовательной эпохи. Второй изучал документы Петровского времени, приобретенные в последнее время Постоянной Историко-Археографической Комиссией, а также находящиеся в Библиотеке и Архиве Конференции Академии Наук. М. М. Богословский опубликовал некоторые результаты своего огромного и фундаментального труда в различных сборниках и журналах последнего десятилетия. С. Ф. Платонов напечатал в 1921—1926 гг. в виде отдельных книг те части своего университетского курса русской истории, которые были результатом его самостоятельных изысканий (таковы книги: „Иван Грозный", „Борис Году-

нов", „Смутное Время", „Москва и Запад в XV—XVII веках", „Петр Великий"). Академик Н. П. Лихачев, кроме работы по устройству порученного ему Музея Палеографии, занят был изысканиями в области русской и византийской сфрагистики и нумизматики и закончил свой многолетний труд: „Византийская и древнейшая русская сфрагистика", к печатанию которого приступлено в самое последнее время. В связи с основными своими работами, Н. П. Лихачев написал много рефератов и статей, составивших предмет его ученых докладов в Академии Наук, Академии Истории Материальной Культуры и в ученых обществах Ленинграда и Москвы. Кроме названных академиков, историческими изысканиями — в большей или меньшей связи с академическою жизнью и деятельностью — были заняты члены-корреспонденты Академии: Е. В. Тарле (избранный в академики в 1927 г.), М. К. Любавский, С. В. Рождественский, А. Е. Пресняков, Н. И. Кареев, Ю. В. Готье, А. А. Васильев, Д. М. Петрушевский, Ф. А. Браун. Последний, будучи избран в 1926 г. на кафедру истории Европейского Востока Лейпцигским Университетом, образовал при этом Университете семинарий по русской истории с библиотекою, которая составлена им с помощью Постоянной Историко-Археографической Комиссии из академических изданий и приобретенных покупкою книг.

Такова была индивидуальная работа лиц, представлявших в Академии историческую науку. Об академических учреждениях, работавших в области истории, ниже приводятся фактические сведения, которым надлежит предпослать следующее общее замечание. В 1918 г. из всех академических комиссий исторического характера уцелела, в сущности, одна Постоянная Историческая Комиссия, которая и продолжала свои занятия, насколько то позволяли условия переживаемого времени. В январе 1922 г. в ведомство Академии Наук была передана из Народного Комиссариата по Просвещению Археографическая Комиссия. Ввиду однородности этих двух Комиссий, они в 1926 г. были слиты в одну Постоянную Историко-Археографическую Комиссию. Помещаемые ниже сведения имеют в виду характеризовать деятельность этих Комиссий во все стадии их существования в сфере Академии, а также деятельность Русско-Византийской Комиссии. Музей Палеографии был передан Академии Наук от Ленинградского Университета только в 1925 г.,

в виде частной коллекции, и начал правильную музейную работу лишь в два последние года.

Постоянная Историческая Комиссия (ПИК), основанная в 1903 г., к началу рассматриваемого десятилетия занималась подготовкой к изданию и самым изданием исторических трудов и сборников материалов по русской и всеобщей истории до XIX века включительно. В ее ведении находились следующие издания: „Письма и бумаги Петра Великого", „Сборник грамот Коллегии Экономии", „Памятники русского законодательства", „Памятники культурных и дипломатических сношений России с Италией", „Россия и Италия" и „Mémoires du roi Stanislas-Auguste Poniatowski".

К началу 1918 г. работа по печатанию указанных серий приостановилась. Лишь в 1921 г. удалось приступить к продолжению печатания I тома „Сборника грамот Коллегии Экономии", который и вышел в следующем году. Одновременно с этим ПИК были выпущены „Правила издания Сборника грамот Коллегии Экономии", а несколько ранее „Терминологический словарь частных актов Московского Государства" — два издания, тесно связанные со „Сборником". В этот же период ПИК успела закончить издание 1-го выпуска „Методологии истории" покойного председателя Комиссии академика А. С. Лаппо-Данилевского (1923 г.), а также II том „Mémoires du roi Stanislas-Auguste Poniatowski" (1924 г.) и 1-ый выпуск I-го тома „Памятников культурных и дипломатических сношений России с Италией" (1925 г.).

После юбилея Академии Наук возобновилось печатание II тома „Сборника грамот Коллегии Экономии" и IV тома „России и Италии", который закончен и вышел в свет в 1927 г.

Таким образом, в силу общих условий издательской деятельности, работа по печатанию изданий ПИК за 1918—1925 гг. шла с большими перебоями. Но зато труды Комиссии по подготовке к изданию новых материалов, составлявшие не менее существенную часть ее деятельности, не прекращались во все истекшие годы.

Несмотря на трудное положение в отношении личного состава и в отношении средств на научные расходы, ПИК удалось наладить в эти годы и одну новую работу, а именно

составление „Словаря исторических и юридических терминов", для чего она пользовалась бесплатным трудом некоторых учащихся Ленинградского Университета и других лиц, интересующихся этим вопросом.

В те же годы Комиссия вела сношения по объединению научно-издательской работы других ученых учреждений Ленинграда, причем с этой целью ею было проведено несколько заседаний представителей этих учреждений, на которых обсуждались соответствующие вопросы и вырабатывались необходимые мероприятия.

Из работ последнего года существования ПИК (1925/1926 г.) необходимо отметить большую работу по руководству выборкой и подготовкой к изданию и самым изданием материалов для сборника „Памяти Декабристов", три выпуска которого вышли в 1926 г. под редакцией Комиссии.

Руководство работами Комиссии принадлежало до февраля 1919 г. академику А. С. Лаппо-Данилевскому, после смерти которого временно исполняли обязанности председателя академик М. А. Дьяконов (до августа 1919 г.), а затем академик А. А. Шахматов. После его смерти, с 1920 г. председателем Комиссии состоял академик С. Ф. Платонов. Ученым секретарем Комиссии с февраля 1921 г. был утвержден А. И. Андреев.

Археографическая Комиссия (АК), основанная в 1834 г., лишь с января 1922 г. вошла в состав академических учреждений, состоя до того времени в ведении Народного Комиссариата по Просвещению. Как и во все годы своей долголетней и весьма плодотворной научной деятельности, Комиссия в 1918—1921 гг. продолжала работать по научному исследованию, подготовке к изданию и самому изданию источников русской истории до XVIII века. Но, как и в других ученых учреждениях, издательская ее деятельность в эти годы проявилась очень слабо. С большими трудностями до 1922 г. удалось выпустить лишь томы 35 и 36 Русской Исторической Библиотеки и 2-ую часть XIV тома Полного Собрания Русских Летописей.

Переход Комиссии в состав ученых учреждений Академии Наук имел последствием более правильное поступление средств на ученые работы и открыл возможность постепенного восстановления ее нормальной научно-издательской деятельности.

В 1922 г., когда состоялся этот переход, Комиссия уже имела возможность выпустить в свет два тома Полного Собрания Русских Летописей (томы XV и XXIV), а в следующем году издала не только еще один том той же серии (том II), но и два следующих выпуска Летописи Занятий (выпуски 32 и 33). К сожалению, в два следующие года издательская деятельность Комиссии вновь приостановилась, возобновившись лишь с конца 1925 г.

Работа Комиссии по подготовке к изданию новых материалов шла в 1918—1921 гг. менее продуктивно, чем раньше, не только в силу общих условий того времени, но и ввиду того, что собрание документов и рукописей Комиссии находилось в эти годы в Саратове, куда оно было эвакуировано в 1917 г., а также и вследствие невозможности получать рукописи и акты из других хранилищ. Лишь летом 1921 г. собрание Комиссии было возвращено обратно, и Комиссия могла возобновить свои работы и, в частности, продолжить научное описание собрания, чем преимущественно занимался, как и в прежние годы, член Комиссии М. Г. Курдюмов (умер в 1924 г.). Однако, правильная деятельность Комиссии в указанной области началась лишь со времени перевода ее, в августе 1925 г., в новое помещение (на Тучковой наб. 2а), так как до этого времени работа, хотя и шла непрерывно, но очень затруднялась размещением рукописей в холодном, неотапливаемом помещении.

Самое собрание рукописей и документов Комиссии за период 1918—1926 гг. обогатилось новыми коллекциями, частью поступившими в дар от частных лиц, частью же переданными в Комиссию различными учреждениями, в некоторых случаях во временное пользование — для разбора, научного описания и издания.

Комиссия за все рассматриваемое время не прекращала периодических собраний своих членов, созываемых для решения вопросов ее научно-издательской работы и других текущих дел. Общее количество таких заседаний было 99. С конца 1924 г. некоторые заседания Комиссии были открытыми, причем на них как членами Комиссии, так и посторонними учеными читались доклады на разные исторические темы. Доклады эти касались преимущественно хранящихся в Комиссии или издаваемых ею материалов.

Богатое собрание документов и рукописей Комиссии и в эти годы изучалось не только членами и сотрудниками ее, но и посторонними учеными, для удобства которых Комиссия была открыта в зимнее время также и в вечерние часы. Общее число занимавшихся по документам Комиссии превышало 100 человек, среди которых должны быть отмечены некоторые польские ученые. Собрание документов и рукописей Комиссии использовалось для учебных целей. Для студентов высших учебных заведений (Университета и Института Внешкольного Образования) устраивались показательные выставки; материалами Комиссии студенты пользовались и при практических занятиях.

Хотя обменные отношения с заграничными и русскими научными учреждениями в эти годы прекратились, Библиотека Комиссии все же пополнилась на 1.075 томов за счет пожертвований и передачи в нее некоторых частных собраний.

Склад изданий Комиссии с меньшей, чем в прежние годы, интенсивностью работал и в 1918—1926 гг., причем со склада выдано разным ученым и учебным заведениям, в большинстве случаев бесплатно, 16.920 томов изданий.

Председателем Комиссии состоял академик С. Ф. Платонов, ученым секретарем, а с 1921 г. заместителем председателя — член-корреспондент Академии В. Г. Дружинин. Кроме них и двух штатных научных сотрудников, в Комиссию входили на 1 января 1926 г. 21 член и 15 сотрудников, не получавших штатных окладов.

Постоянная Историко-Археографическая Комиссия (ПИАК). В 1926 г. Постоянная Историческая Комиссия и Археографическая Комиссия были соединены в одну Комиссию под названием Постоянной Историко-Археографической.

В задачи этой новой Комиссии, согласно утвержденному Отделением Исторических Наук и Филологии положению, вошли: 1) наблюдение за печатанием исторических материалов и сочинений, издаваемых Академией Наук, и 2) научное описание, исследование и издание летописей и других исторических источников от древнейших времен до XX века включительно, относящихся к народностям, населяющим СССР.

В ведение ПИАК перешли все те издания, которые печатались до того под наблюдением ПИК и АК. Кроме упомянутых

уже выше изданий, Комиссией в течение 1926/1927 г. продолжено печатание: 1) Полного Собрания Русских Летописей, том I, выпуск 2; 2) Русской Исторической Библиотеки, том 39, и 3) Летописи Занятий ПИАК, выпуск 1 (34). В то время, как общая издательская продукция ПИК, АК и ПИАК за 1925/1926 г. составляет до 111 листов нового набора, в текущем году по изданиям ПИАК набрано до 70 листов.

Выполняя другую задачу, поставленную положением, Комиссия продолжала работу по разбору и описанию документов, хранящихся в ее архиве. Громадный труд, выполненный в этом отношении покойным членом АК М. Г. Курдюмовым, требовал продолжения. Из большого количества документов, лишь вчерне разобранных и неописанных, было решено описать, в первую очередь, древнейшие, каковая работа теперь закончена, а самое описание напечатано в очередном выпуске Летописи Занятий Комиссии. Пересмотр, в связи с указанной работой, всех коллекций документов Комиссии позволил обнаружить среди них весьма ценные отдельные документы или группы их, которые печатаются в особом отделе той же Летописи Занятий. Помимо упомянутой работы, к древнейшей части описанных М. Г. Курдюмовым коллекций составлен карточный указатель. Продолжалась также разборка коллекций монастырских документов; такому же первоначальному разбору в хронологическом порядке подвергнуты поступившие в прежние годы неразобранные коллекции. В итоге этих работ, к концу 1926 г. в собрании Комиссии не было коллекций документов до XVIII века, хранящихся в неразобранном виде. Попутно шло выделение в особое хранение „книг", разбор которых закончен, и к описанию которых уже приступлено. При разборе и описании документов подбираются также материалы для каталога печатей, хранящихся в Комиссии. Описание печатей и снимки с них войдут в подготовляемый Комиссией альбом печатей.

В течение 1926/1927 г. собрание документов Комиссии пополнилось новыми коллекциями, которые были принесены в дар разными лицами или приобретены покупкой. В сентябре 1926 г. в Комиссию была доставлена из Архангельска — для разбора, научного описания и издания — коллекция документов Антониева Сийского монастыря. Для разбора и описания этой коллекции уже сделано очень много, но работа еще продолжается.

Как и в прежние годы, документами, собранными в Комиссии, занимались не только сотрудники и члены Комиссии, но также и посторонние лица. Для удобства занимающихся Комиссия была открыта не только в утренние часы, но три раза в неделю и по вечерам. Собрание документов Комиссии было неоднократно использовано в 1926/1927 г. также и для учебных целей.

В сентябре 1926 г., для ознакомления с поступившими в Комиссию документами Антониева Сийского монастыря, при ПИАК была устроена выставка, которую посетило до 100 человек.

В ведение ПИАК, кроме собрания документов, перешла и большая библиотека АК, которая пополнилась в 1926/1927 г. новыми поступлениями в количестве 2.170 томов. Среди этих поступлений имеются исключительно ценные иностранные издания исторических источников. ПИАК удалось вступить в постоянный обмен с научными учреждениями Америки, Франции, Германии, Швеции, Польши и Чехо-Словакии.

Кроме работ по архиву, библиотеке и складу изданий, сотрудники Комиссии, а равно и приглашенные для этой цели посторонние лица, продолжали работы: а) по составлению „Словаря исторических и юридических терминов"; б) по составлению „Исторического словаря географических терминов Русского Севера"; в) по подбору материалов по истории сельского населения в XVI—XVII веках; г) по подбору материалов по истории населения в XVIII—XIX веках и др.

Комиссия попрежнему, не реже одного раза в месяц, устраивала научные собрания своих членов, на которых присутствовали и посторонние лица, если в заседании читался тот или иной доклад.

Русско-Византийская Комиссия (РВК). Основной ячейкой Русско-Византийской Комиссии явилась Комиссия по изучению сочинений писателя X века Константина Порфирородного, учрежденная при Академии Наук в 1922 г. Как предмет ближайших занятий этой Комиссии были намечены: 1) изучение текста Константина и приобретение фотографий с единственного доселе известного оригинала, хранящегося в Городской Библиотеке в Лейпциге; 2) изучение топографии главных мест,

описываемых в сочинении его, как-то: северного побережья Черного моря, области по течению реки Днепра, Днепровских порогов и др., и 3) составление библиотеки по эпохе Константина и близких к его времени писателей.

Силой внутреннего развития, с течением времени названная Комиссия преобразуется в Русско-Византийскую Комиссию и выделяет из себя Подкомиссию, имеющую задачей: 1) изучение русско-византийских отношений в X и смежных веках, 2) изучение экономических и торговых связей между Русью и греками, причем в центре внимания стоят договоры Руси с греками, и 3) изучение направления морских и сухопутных путей, по которым направлялись торговые сношения между Китаем, Центральной Азией и юго-восточной Европой. Особенно интересует Комиссию изменение этих путей, происшедшее вследствие монгольского вторжения и стремления монголов направить торговые сношения через их владения. Сделанные в этой области РВК достижения — значительны. В настоящее время в распоряжении Комиссии имеются фотографические снимки с договоров с греками по десяти русским летописям, и составлен указатель слов и терминов по всем означенным спискам. Что касается большой торговой дороги из Центральной Азии в Европу, то в этом смысле изучаются средневековые писатели, трактующие об этих путях, и изготовляется карта, дающая точное описание направления указанной дороги. Точно также, в естественном процессе развития своих работ, Комиссия должна была придти к необходимости приобщиться и к тому предприятию, которое уже сотню лет занимает европейских византинистов, и которое — по тесной культурной связи Руси с Византией и по обилию в наших книгохранилищах средневековых греческих рукописей — издавна признается научным долгом нашей Академии Наук. Таким образом, в сферу занятий Комиссии вошла задача переиздания Глоссария Graecitatis знаменитого Дюканжа. Вместе с этим предприятием Комиссия вышла из тесных рамок скромной домашней работы, и ее труды сделались предметом особого внимания специальных органов византиноведения в заграничной печати.

Теперь перед Комиссией встает новая задача — войти в связь с трудами в этой области прежних членов Академии. Именно этим и объясняется возникшая в Комиссии мысль — органи-

зовать Кабинет Византийских Занятий, в котором будет наглядно проведена преемственность между старыми академиками, начиная от Шлецера, и новыми, память о которых еще жива между нами, как А. А. Куник (1814—1899), В. Г. Васильевский (1838—1899) и др. Проектируемый Кабинет, в котором имеется в виду сосредоточить собрание книг и рукописей, чертежей, карт, планов и других материалов по археологии и истории искусства Византии, принадлежащих председателю Комиссии академику Ф. И. Успенскому, должен будет способствовать разработке материалов, извлеченных как из печатных, так и рукописных трудов всех бывших членов Академии, занимавшихся специально вопросами, входящими в сферу занятий Комиссии.

Музей Палеографии (МУП). Этот Музей был образован при Академии Наук в 1925 г. из частной коллекции академика Н. П. Лихачева, состоявшей с 1918 г. при Археологическом Институте, затем при Ленинградском Государственном Университете. Весною 1925 г. Университет, с разрешения Народного Комиссариата по Просвещению, передал эту коллекцию Академии Наук вместе с домом, который она занимала. Внутренняя деятельность Музея за эти последние годы выражалась в напряженной работе по просушке и упорядочению коллекции, пострадавшей в минувшее время от недостатка отопления, сырости и т. п. Несмотря на неблагоприятные для ученых занятий условия, во все последние десять лет собраниями Музея пользовались различные исследователи для своих специальных работ. Так, памятниками Египта и иероглифическим письмом занимались академик Б. А. Тураев, В. В. Струве и Н. Д. Флитнер; памятниками Месопотамии и клинописью — М. В. Никольский, В. К. Шилейко и А. П. Рифтин; резными камнями Минойской эпохи — Б. Л. Богаевский; греческими папирусами — Г. Ф. Церетели, П. В. Ернштедт и О. О. Крюгер; римскими эпиграфическими памятниками — М. П. Румянцев; фрагментом сирийской рукописи — В. Н. Бенешевич; резными камнями эпохи Сассанидов — И. А. Орбели; надгробиями Фатимидской эпохи — В. А. Крачковская; греческими рукописями византийской эпохи — М. А. Шангин; фрагментами пергаменных рукописей с текстами латинских классиков — А. И. Малеин; средневековыми актами —

О. А. Добиаш-Рождественская, Е. Г. Скржинская, М. А. Тиханова-Клименко, В. В. Бахтин и С. А. Ушаков; фрагментом „Божественной Комедии“ Данте — В. Ф. Шишмарев; бумагами из архива Пьетро делла Валле — академик И. Ю. Крачковский; литературой Ренессанса — А. И. Хоментовская и М. А. Гуковский; летучими изданиями Французской Революции — Н. С. Платонова.

С. Платонов.

РАБОТЫ ПО ПАЛЕОГРАФИИ

РАБОТЫ по славяно-русской палеографии в Отделении Русского Языка и Словесности Академии Наук (ОРЯС) достигли большого развития в начале XX столетия, когда пришлось готовить соответствующие выпуски для Энциклопедии Славянской Филологии. Достаточно назвать труды — академика И. В. Ягича: „Глаголическое письмо“ (СПб., 1911); академика П. А. Лаврова: „Палеографическое обозрение кирилловского письма“ (Пгр., 1915), со множеством снимков в тексте, и „Альбом снимков с юго-славянских рукописей болгарского и сербского письма“ (Пгр., 1916); академика А. И. Соболевского и Г. Ф. Церетели: „Образцы греческого уставного письма по преимуществу IX—XI веков“ (СПб., 1913); академика А. И. Соболевского и Е. Калужняцкого: „Альбом снимков с кирилловских рукописей румынского происхождения“ (Пгр., 1916); заготовленные академиком А. И. Соболевским снимки и клише для русской палеографии; такие же запасы материалов, заготовленные И. А. Шляпкиным для вещевой палеографии, хранящиеся ныне в Академии Истории Материальной Культуры, и т. п., чтобы видеть, как широко были задуманы эти работы. Но происшедшая мировая война и связанные с нею внутренние события задержали дальнейшую разработку палеографии, и лишь наступившее постепенное успокоение после 1917 г. дало возможность продолжить прерванные труды; при этом исследователям естественно пришлось использовать палеографические материалы, накопившиеся в ученом мире до войны и появляющиеся в значительном количестве в последнее время. Теперь нашим ученым представилась возможность привлекать научную литературу не только местную, но — с установлением в это время более тесного общения с заграницей — и иностранную.

РАБОТЫ ПО ПАЛЕОГРАФИИ

В хронологическом порядке достижения Академии Наук в этой области, принимая во внимание и работы ее членов-корреспондентов, а также служащих в ее учреждениях, представляются в следующих изданиях. Под редакцией академика Н. П. Кондакова выпущены „Исторические очерки Ф. И. Буслаева по русскому орнаменту в рукописях“ (Пгр., 1917). Статьи Буслаева по рукописному орнаменту иллюстрируются здесь подобранными редактором из рукописей снимками, в количестве 217, исполненными очень художественно. Начатая печатанием еще в конце первого десятилетия XX века „Синайская псалтырь. Глаголический памятник XI века“, законченная и выпущенная только в 1922 г. (Пгр.), является изданием, ценным по своей точности и кропотливости выполнения приложенного к нему словаря. Палеографическая сторона его иллюстрируется 11 таблицами снимков с разных листов оригинала, в количестве 34, исполненных по поручению ОРЯС в 1907 г. профессором В. Н. Бенешевичем, во время его командировки на Синай, в монастыре Екатерины. Из мелочей этого времени отметим напечатанную в Известиях ОРЯС (1923, XXVIII) статью Ф. В. Каминского: „Отрывки евангельских чтений XI века, именуемые Куприяновскими (Новгородскими)“, с приложением снимков, полностью воспроизводящих эти листки—комментарий палеографический и лингвистический. Профессор Н. М. Каринский, известный своими работами по глаголической палеографии („Образцы глаголицы“) и принимавший деятельное участие в изготовлении альбома Государственной Публичной Библиотеки („Палеографические снимки с некоторых греческих, латинских и славянских рукописей“, табл. VIII—XIV), при поддержке Академии Наук выпустил „Образцы письма древнейшего периода истории русской книги“ (Лгр., 1925), содержащие 68 фототипических снимков из рукописей XI и отчасти XII века на 29 таблицах большого формата; издание очень ценное. Во вводной статье дается тонкий анализ разных начертаний уставного письма. Профессор В. Н. Бенешевич, во время своей известной командировки на Синай сделавший большое количество снимков с разных греческих и славянских рукописей, теперь закончил их обнародование в издании: „Памятники Синая археологические и палеографические“ (Лгр., 1925, вып. 1 и СПб., 1912, вып. 2). В этом альбоме имеются, между прочим,

снимки с разных греческих рукописей IX—X веков, очень важные для истории славянского кирилловского письма.

Постоянная Историко-Археографическая Комиссия, которая, кроме чисто исторических изданий, выпускает и палеографические, например, перед самой войной, „Псковскую Судную грамоту" (СПб., 1914) на 17 страницах, изданную фототипически, с введением и чтением Н. Чечулина, в последнее время под редакцией академика Е. Ф. Карского печатает I том Полного Собрания Русских Летописей. До сих пор вышли выпуск 1: „Лаврентьевская летопись. Повесть временных лет" (Лгр., 1926) и выпуск 2: „Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку" (Лгр., 1927). Весь Лаврентьевский список летописи издан, насколько позволяли средства типографии, строго палеографически, так что издание может заменить рукопись не только при изучении истории народа, но и древне-русского языка. В изданиях той же Комиссии напечатаны две статьи В. Г. Дружинина: „Поморские палеографы начала XVIII века" (Летопись Занятий Археографической Комиссии, 1918, XXXI и 1926, XXXIII), рисующие палеографические познания поморских старообрядцев, обнаруженные ими при разборе подделанного при Петре I „Соборного деяния на еретика армянина на мниха Мартина".

Некоторый материал для уяснения отношения кирилловского письма к глаголическому имеется в небольшой, но очень ценной заметке академика А. И. Соболевского: „Ис коуриловицѣ. Книги XII малых пророков с толкованиями в др.-слав. переводе. Приготовил к печати Н. Л. Туницкий" (Известия ОРЯС, 1921, XXVI). Здесь приводятся соображения в пользу того, что в известной приписке поп Упирь Лихой под „ис коуриловицѣ" разумеет юго-славянское кирилловское, а не глаголическое письмо: глаголические буквы, скопированные им и последующими переписчиками, были в юго-славянском оригинале. Свое мнение А. И. Соболевский обосновывает на таких написаниях в книгах двенадцати малых пророков, как бьıтє при глаголическом ⰱⱏⰹⱅⰵ, которое русский писец передал бы через бıѣтє или бъѣтє, или даже бııтє Таким образом, один из доводов, приводимых в пользу первенства глаголицы в сравнении с кириллицей, несколько ослаблен. Нельзя не упомянуть еще об одной статье, имеющей отношение к истории глаголицы, вызванной академическим изданием Синайской псалтыри и принадлежащей перу профессора

М. Г. Долобко (ср. Zeitschrift für Slavische Philologie, 1925, I); в ней он доказывает, что есть основания предполагать, что оригинал глаголической Синайской псалтыри был кирилловский: по крайней мере встречающиеся в ней описки, как ѥсѣ, вместо сѣѣ, пѣѹѣлѣ, вместо пѣѹѣлѣ, и т. п., легко объясняются при допущении переписки с кириллицы, а не наоборот. Нельзя пройти молчанием и ценной статьи академика М. Н. Сперанского: „Славянская письменность XI—XIV веков на Синае и в Палестине" (Известия ОРЯС, 1927, XXXII).

Приняв во внимание перечисленные работы, а также вообще вышедшие за рассматриваемый период в СССР и заграницей (ср. Zeitschrift für Slavische Philologie, 1925, III), больше в славянских землях, академик Е. Ф. Карский, держась проспектов читанных им курсов, приготовил и с 1926 г. приступил к печатанию исследования по славянской кирилловской палеографии, обильно иллюстрируя текст многочисленными снимками. Все издание рассчитано больше, чем на 30 листов, и будет касаться всех сторон славяно-русского письма (и отчасти глаголического), начиная с древнейших пор и до XVIII столетия.

Что касается работ по греческой и латинской палеографии, то они в рассматриваемый период систематически не велись, хотя можем указать отдельные случаи. О работах В. Н. Бенешевича уже была речь. Здесь прибавим еще статью академика Ф. И. Успенского: „Трапезунтская рукопись в Публичной Библиотеке" с двумя хорошими снимками с греческой лицевой рукописи, вероятно IX века (Известия Российской Академии Наук, 1917, № 10).

По латинской палеографии эпохи возрождения имеется ценная статья академика Н. П. Лихачева: „‚Гуманистическое письмо' и автографы гуманистов, рукопись, коллационированная Анджело Полицианом" (Известия Академии Наук СССР, 1926, № 9), с прекрасно выполненными 9 снимками. Статья написана на основании материалов Палеографического Музея Академии Наук. Везде приводится обильная литература предмета.

Много подготовительных палеографических работ сделано и по рукописям Азиатского Музея; тут даются больше описания целых коллекций или отдельных рукописей. Иногда имеются и хорошие снимки, например, при статье Ф. А. Розенберга: „Deux fragments sogdien-bouddhiques du Ts'ien-fo-tong de Touen-houang

(Mission S. d'Oldenburg 1914—1915). II. Fragment d'un Sūtra" (Известия Российской Академии Наук, 1920, № 1—18).

Академик С. Ф. Ольденбург ведет работу по древнейшей известной до сих пор индийской рукописи на березовой коре письменами Kharoṣṭhī, заключающей в себе буддийский текст Dharmapada. Рукопись эта имеет совершенно исключительное значение для индийской палеографии.

Е. Карский.

ЭТНОГРАФИЯ

В ТЕЧЕНИЕ последнего десятилетия возник целый ряд новых этнографических учреждений, появление которых коренным образом видоизменило постановку научной этнографии в нашей стране. Особенно важное значение в судьбах нашей этнографии должно сыграть основание в Петрограде в 1919 г. Этнографического Факультета в составе Географического Института и дальнейшее (1925 г.) слияние этого последнего с Ленинградским Государственным Университетом, причем Этнографический Факультет превратился в Этнографическое Отделение Географического Факультета Университета.

Здесь мы видим зарождение первой в СССР специальной высшей школы для систематической подготовки ученых этнографов. Если прежде в наших университетах курсы этнографии изредка и читались, то лишь эпизодически и случайно. Теперь из любительской, дилетантской науки этнография превратилась в университетскую дисциплину, систематически подготовляются кадры молодых ученых этнографов—и будущий историк, конечно, признает возникновение в Ленинграде Этнографического Факультета началом новой эры в жизни нашей науки.

Хотя Географический Факультет и не является учреждением Академии Наук, но, конечно, далеко не случайно во главе его оказался академик А. Е. Ферсман. Равным образом не случайно первые роли на Этнографическом Отделении этого Факультета принадлежали старым работникам академического Музея Антропологии и Этнографии — профессору общей этнографии Л. Я. Штернбергу, профессору этногеографии В. Г. Богоразу, а после и более молодым работникам того же самого академического Музея — профессору восточно-славянской этнографии Д. К. Зеленину, профессору Е. Г. Кагарову, равно как и

работникам иных академических учреждений — А. Н. Самойловичу и др. Несмотря на отсутствие в нашей Академии Наук кафедр этнографии, высшее руководство этнографическими работами всегда принадлежало именно Академии, и многие крупные наши этнографы занимали академические кресла.

Кроме Этнографического Отделения и ряд других новых центров научной этнографии находится под ближайшим руководством членов и сотрудников Академии Наук. Такова Государственная Академия Истории Материальной Культуры (ГАИМК), в составе которой работают Этнологическое Отделение с разрядами этнографии, этнической антропологии и палеоэтнологии, Секция Генетики Культуры и Московская Комиссия по Этнологии. Во главе этой Академии стоит академик Н. Я. Марр. Такова, далее, Секция Живой Старины (этнографии и фольклора) Научно-Исследовательского Института Сравнительной Истории Литератур и Языков Запада и Востока при Ленинградском Государственном Университете, работами которой руководит научный сотрудник и член-корреспондент Академии Д. К. Зеленин. Из старых вне-академических центров научной этнографии необходимо назвать Отделение Этнографии Государственного Русского Географического Общества (председатель Отделения академик С. Ф. Ольденбург, секретарь научный сотрудник Академии Д. А. Золотарев) и Этнографический Отдел Государственного Русского Музея (заведующий научный сотрудник Академии С. И. Руденко). Равным образом, и наш журнал научной этнологии, „Этнография“, издаваемый с 1926 г. Главнаукой и Госиздатом, редактируется академиком С. Ф. Ольденбургом.

В составе самой Академии Наук, рядом со старыми учреждениями — Музеем Антропологии и Этнографии (МАЭ) и Азиатским Музеем (АМ) — возник ряд новых учреждений, имеющих более или менее близкое отношение к этнографическим наукам. Такова, прежде всего, Постоянная Комиссия по Изучению Племенного Состава Населения СССР (КИПС). Возникнув в 1917 г. с узко практическою целью выяснить границы расселения различных племен в Латвии, Польше и других пограничных областях старой России, КИПС в том же 1917 г. расширила свои задачи, поставив своей целью вообще изучение в этнологическом отношении разноплеменного населения СССР

и сопредельных стран как путем сводки и проверки письменного и печатного материала, так и добывания нового материала, статистического и иного, а равно составления племенных карт и объяснительных записок к ним — для учета участия населения в развитии производительных сил государства, для выяснения пригодности его к эксплоатации природных богатств СССР и т. п.

Одна из указанных задач КИПС — составление этнографических карт Союза — близка к завершению. Карта Сибири уже отпечатана (на 6 листах, размер 114 × 192 *см*, масштаб 1 : 4.200.000); печатаются карты Кавказа (на 4 листах, масштаб 1 : 840.000), европейской части Союза и Туркестана. Сверх того, изданы с объяснительными записками этнографические карты Бессарабии (составил Л. С. Берг), Белоруссии (академик Е. Ф. Карский), Самаркандской области (И. И. Зарубин), Приуралья, Поволжья и других частей Союза. Для Туркологического Съезда 1926 г. в Баку была изготовлена рукописная карта турецких племен, а для III Международного Всетихоокеанского Конгресса в Токио — рукописная карта палеоазиатов. Карты составлены большею частью на основании статистических данных о родном языке.

Начатое КИПС в 1927 г. под редакцией академика С. Ф. Ольденбурга издание научного журнала „Человек" является оригинальным опытом объединения специалистов, изучающих человека как с физико-биологической, так и с гуманитарной точек зрения: изучение материальной и духовной культуры, быта, хозяйства и языка представлено рядом с изучением физической природы — эмбриологией, физиологией и генетикой человека.

Нельзя особо не отметить участия КИПС в подготовительных работах к выполнению важнейшей и труднейшей государственной задачи — общенародной переписи 1926 г. Если перепись дала однородный демографический материал, вполне пригодный для научных целей, то этим Центральное Статистическое Управление обязано, главным образом, КИПС. Материалы переписи поступят в КИПС, между прочим, для составления дазиметрических карт, т.-е. карт сгущения населения в отдельных районах. Не без связи с переписью КИПС издала под редакцией И. И. Зарубина в 1927 г. справочник — перечень 169 народностей СССР.

Из других новых академических учреждений большее или меньшее отношение к этнографии имеют: Радловский Кружок при Музее Антропологии и Этнографии, основанный в 1918 г. и ведущий научно-исследовательскую работу в области этнографии, филологии и истории турецких народностей; Коллегия Востоковедов при Азиатском Музее (1921 г.); Особый Комитет по Исследованию Союзных и Автономных Республик (ОКИСАР, 1926 г.); Славянская Комиссия, преобразованная в 1922 г. из Петроградского Славянского Научного Общества и изучающая славянство, между прочим, и в этнографическом отношении; Комиссия по Изучению Якутской Автономной ССР (КЯР, 1924 г.), имеющая в своем составе секцию „Человек"; Яфетический Институт (1921 г.), занимающийся, главным образом, лингвистическими изысканиями. К этнографии имеют отношение и Постоянная Комиссия по Изучению Тропических Стран (1918 г.), и Центральное Бюро Краеведения РСФСР (ЦБК), основанное в конце 1921 г. при Академии Наук, но затем, в 1924 г., выделенное из Академии; возникший еще до этого выделения периодический орган Бюро „Краеведение", редактируемый академиками С. Ф. Ольденбургом и Н. Я. Марром, обслуживает широкие массы российских краеведов, между прочим, и в деле этнографического краеведения.

Названным учреждениям, как старым, так и особенно новым, пришлось разрешить за десять лет очень много организационных и практических вопросов, выдвинутых новыми условиями нашей жизни. Но эти вопросы не заслонили от наших этнографов их главной задачи — научно-исследовательской. Ученые изыскания в области этнографии не замирали у нас ни на один день. Если собирание материалов часто доминировало над собственно исследовательскими работами, то это понятно и разумно. Этнография в нашей стране наука молодая, даже новая; прежде она жила недостаточно интенсивною жизнью; долгие годы войн переродили разнонародную российскую деревню, вызвав небывалое возрождение архаических, отмерших было форм быта, равно как и резкую ломку прежнего народного мировоззрения, — и систематическое собирание бытовых материалов стало особенно насущною потребностью.

В исследовательской работе из вопросов более общего

характера наибольшее внимание этнографов СССР привлекали за последнее десятилетие вопросы доисторической древности, шаманство вместе с примитивными религиями вообще, буддизм и особенно проблемы палеоазиатских народностей.

Яфетическая теория академика Н. Я. Марра, выдвинувшая „третий этнический элемент в созидании средиземноморской культуры", оплодотворила искания доисториков новыми идеями. Предполагаемое этой теорией широкое распространение в древности яфетических языков дало богатый материал для пересмотра топонимики древней Евразии, чем и занялись, главным образом, яфетидологи. Назовем здесь, больше для примера, некоторые работы самого Н. Я. Марра: „Приволжские и соседящие с ними народности в яфетическом освещении их племенных названий" (Известия Академии Наук СССР, 1925, № 16—17), „Кавказские племенные названия и местные параллели" (Труды КИПС, 1922, 5).

Независимо от яфетической теории доисторическою и историческою этнографией славянства занимались академики А. А. Шахматов: „Древнейшие судьбы русского племени" (1919), А. И. Соболевский: „Русско-скифские вопросы" (Известия Отделения Русского Языка и Словесности, 1921, XXVI; 1922, XXVII), Е. Ф. Карский, С. Ф. Платонов и др. Методологии топонимики посвящена специальная статья академика А. И. Соболевского (ib., 1918, XXIII, кн. 1).

Не без связи с топонимикой яфетидологи вновь поставили вопрос об „увязке языкознания с историею материальной культуры" (подзаголовок книги Н. Я. Марра: „Средства передвижения, орудия самозащиты и производства в доистории", 1926; ср. его же: „Лингвистически намечаемые эпохи развития человечества и их увязка с историей материальной культуры", Сообщения ГАИМК, 1926).

Что касается шаманства, то по нему собраны и частью появились в печати (главным образом в Сборнике МАЭ) весьма богатые и ценные материалы, разрешены многие частные вопросы, но общей и полной концепции пока нет. Крупнейший из опубликованных трудов по шаманству принадлежит А. В. Анохину: „Материалы по шаманству у алтайцев" (Сборник МАЭ, 1924, IV, 2). В том же сборнике (1918, V; 1927, VI), ряд статей по шаманству у якутов — Н. А. Виташевского и В. М. Ионова,

у узбеков — С. Е. Малова и академика С. Ф. Ольденбурга, у индейцев-тлингитов — С. А. Ратнер-Штернберг.

Психологию шаманства и иных первобытных религий вскрывает Л. Я. Штернберг в своем исследовании: „Divine election in primitive religion" (Proceedings of the XXI International Congress of Americanists, 1925; по русски в журнале „Этнография", 1927); близость шамана к духу-покровителю, по мысли автора, основывалась первоначально на чисто сексуальной почве, и только в дальнейшем развитии религии половое избранничество превращается в этическое.

Ряд этнографических исследований посвящен первобытным верованиям и обрядам народов Азии и Европы, вне связи с проблемою шаманства. Таковы — Л. Я. Штернберг: „Культ орла у сибирских народов (Сборник МАЭ, 1925, V, 2); комплекс культа орла, в котором фигурирует мировое дерево, автор склонен выводить с иранского юга, предполагая посредничество тунгусов; Е. Г. Кагаров: „Монгольские, ‚обо' и их этнографические параллели" (Сборник МАЭ, 1927, VI); здесь выясняется значение монгольских и европейских обычаев кидать на пути камни и иные мелкие предметы в честь духов; В. Г. Богораз-Тан: „Миф об умирающем и воскресающем звере" (Художественный Фольклор, 1926); автор коротко развивает палеоазиатский миф об умирающем звере, параллельный выясненному Фрэзером мифу об умирающем боге, и возводит палеоазиатский миф к обряду примирения охотников с духами убитых зверей.

Китайскому культу близнецов Хэ-Хэ и Даосу посвящены две статьи — В. М. Алексеева и Л. Я. Штернберга (Сборник МАЭ, 1918, V, I, и 1927, VI), авторы коих пришли к противоположным выводам. Затем должны быть названы работы Д. К. Зеленина: „Древне-русский языческий культ ‚заложных' покойников" (Известия Российской Академии Наук, 1917, № 7), где автор выясняет культ умерших преждевременно неестественною смертью, которые в народных верованиях всех народов резко отделяются от предков; небольшая статья-речь представляет собою синтез большой работы автора, вышедшей в 1916 г.; „Древне-русская братчина, как обряд сбора урожая" („Сборник статей в честь академика А. И. Соболевского", 1927); „Восточно-славянские земледельческие обряды — катанье и кувырканье

по земле" (Киевский сборник имени Д. И. Багалея, 1927; на украинском языке).

Психологии первобытного человека вообще посвящена статья В. Г. Богораза: „Ideas of space and time in the conception of primitive religion" (American Anthropologist, 1925, vol. 27, № 2).

Старую палеоазиатскую проблему о взаимоотношениях народов северо-восточной Азии и севера Америки в новом расширенном виде ставит тот же В. Г. Богораз в статье: „Древние переселения народов в северной Евразии и Америке" (Сборник МАЭ, 1927, VI). Палеоазиатов или, по новой своей терминологии, „праазиатов" В. Г. Богораз видит теперь не только на крайнем северо-востоке Азии, но также и на Алтае, и в долганах Якутии, и в самоедах-камасинцах Канского округа, и даже в лопарях Норвегии и Кольского полуострова. Ср. статьи того же автора: „New problems of ethnographical research in polar countries" (Proceedings of the XXI International Congress of Americanists, 1924) и „Early migrations of the Eskimo between Asia and America" (ib., 1925).

Для изучения буддизма и буддийского искусства много сделано в трудах академиков С. Ф. Ольденбурга и Ф. И. Щербатского, а также в работах сотрудников Академии В. М. Алексеева, Б. Я. Владимирцова, С. М. Дудина, Е. Е. Обермиллера, М. И. Тубянского, А. И. Вострикова и др.; по брахманизму — академиком Ф. И. Щербатским, а также в статье Л. А. Мерварт (Сборник МАЭ, 1927, VI).

Нам остается еще сказать о трудах, посвященных отдельным народностям и отдельным группам народов. Восточнославянская (русская) этнография пополнилась за этот период первым по времени общим курсом, синтезом этнографических данных о четырех восточно-славянских народностях, принадлежащим сотруднику Академии Д. К. Зеленину; труд основан в значительной части на неопубликованных еще материалах и появился в свет на немецком языке в берлинском издании Grundriss der Slavischen Philologie und Kulturgeschichte под заглавием „Russische (Ostslavische) Volkskunde" (1927). Немало сделано для изучения материальной культуры восточных славян, чем так мало занимались русские этнографы прежде: вышли в свет исследования того же Д. К. Зеленина о женских головных уборах (Slavia, 1926, V), о примитивной гончарной технике

„налепом“ (au colombin), почти совершенно тожественной с гончарною техникою негров и индейцев („Этнография“, 1927); издана ГАИМК книга: „Крестьянские постройки Ярославско-Тверского края“ (1926). Музей Антропологии и Этнографии обогатился в 1923 г. коллекцией из быта печорских великорусов, собранной Д. Д. Травиным.

На изучение финно-угорских народов СССР особое внимание обратила КИПС; в 1927 г. прежняя Карело-Мурманская Подкомиссия КИПС была расширена и преобразована в Русско-Финскую Секцию. Последняя уже успела выпустить в свет сборник статей с обзорами русских исследований по финской этнографии и другим отраслям финноведения. К 75-летию дня смерти известного финнолога М. А. Кастрена Академия издала в 1927 г. сборник „Памяти М. А. Кастрена“, всесторонне освещающий деятельность и жизнь этого ученого. В 1926 и 1927 гг. ОКИСАР и КИПС организовали несколько экспедиций для изучения карел, мордвы и финнов Ленинградской губернии.

Для изучения турецкого мира весьма много сделано в многочисленных трудах академика В. В. Бартольда и члена-корреспондента Академии А. Н. Самойловича. Из числа отдельных турецких народностей—якутов изучает с 1924 г. экспедиция КЯР, рассчитанная на пять лет. МАЭ получил в 1918 г. собранную И. В. Поповым коллекцию из быта якутов в 396 предметов. Э. К. Пекарский, закончивший составление полного якутского словаря, заключающего в себе также очень большое количество фольклорных данных, продолжал печатание „Образцов народной литературы якутов“ (выпуск 2-ой вышел в 1918 г.), напечатал „Материалы по якутскому обычному праву“ (Сборник МАЭ, 1925, V, 2) и 135 якутских пословиц и поговорок с их переводом и примечаниями (Rocznik Orjentalistyczny, 1925).

Среди алтайских турок работало несколько экспедиций МАЭ и КИПС. Напечатаны, кроме названных выше работ по шаманству, статьи Н. П. Дыренковой: „Культ огня у алтайцев и телеут“, и Л. Э. Каруновской: „Из алтайских верований и обрядов, связанных с ребенком“ (Сборник МАЭ, 1927, VI), а также работы той же Н. П. Дыренковой и А. Е. Ефимовой в изданном под редакцией профессоров В. Г. Богораза и Л. Я. Штернберга сборнике: „Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР“ (1926).

Казаков изучает пятилетняя комплексная экспедиция ОКИСАР; издан в 1927 г. сборник: „Казаки", где имеется этнографическая статья С. И. Руденко: „Очерк быта казаков бассейна рек Уила и Сагыза".

Чувашей изучает экспедиция академика Н. Я. Марра, который опубликовал и работу: „Чуваши-яфетиды на Волге" (Чебоксары, 1925); ср. также книгу Н. Н. Поппе: „Чуваши и их соседи". Другим туркам Восточной Европы посвящена изданная КИПС книга Ф. А. Фиельструпа: „Этнический состав населения Приуралья", с картой (Труды КИПС, 1926, 11); статья В. А. Гордлевского: „Гадания татарок о женихе" (Сборник МАЭ, 1925, V, 2). Крымским и ногайским татарам посвящены статьи А. Н. Самойловича и П. А. Фалева (Сборник МАЭ, 1918, V, 1).

Для изучения турецких и иранских народностей Туркестана, где в 1926 и 1927 гг. работала Средне-Азиатская экспедиция академика В. В. Бартольда, много сделали И. И. Зарубин, С. М. Дудин, академик С. Ф. Ольденбург и А. Н. Самойлович. По фольклору персов дали статьи Ф. А. Розенберг (Сборник МАЭ, 1918, V, 1) и А. А. Ромаскевич (ib., V, 1925, 2).

Монгольским народностям посвящены в Сборнике МАЭ статьи Б. А. Владимирцова, А. Д. Руднева, В. Л. Котвича и Б. Э. Петри; организована Монгольская экспедиция.

Для изучения народов Кавказа сделано многое Яфетическим Институтом. КИПС издала ряд работ Н. Я. Марра: „Племенной состав населения Кавказа" (1920), „Талыши" (1922). Кавказский Историко-Археологический Институт в Тифлисе состоит в числе учреждений Академии Наук; в Известиях Института, при преобладании археологических и исторических работ, печатаются также и этнографические, например, статьи С. Д. Лисициана: „Крестьянские жилища Армении" (1925, III; 1926, IV), Г. Ф. Чуркина: „Азербайджанские курды" (1925, III) и др.

К тунгусским племенам дальней Сибири был предпринят ряд экспедиций в разное время: С. М. и Е. Н. Широкогоровых в 1917 и 1918 гг., Амурская экспедиция под руководством Л. Я. Штернберга в 1926 и 1927 гг.; их изучает также и Якутская экспедиция КЯР. Печатается под редакцией В. Г. Богораза „Тунгусский Сборник" с материалами и по этнографии.

В Японию и Корею были отправлены экспедиции Н. И. Конрада и В. М. Мейеровича; в Китай — В. М. Алексеева и

Г. О. Монзелера. Из своей этнографической экспедиции в Индию в 1914—1918 гг. супруги А. М. и Л. А. Мерварт привезли 5.575 этнографических предметов быта и культа разных индийских племен, причем уже напечатан, у нас и заграницей, ряд статей, основанных на этом материале. После перехода в 1924 г. МАЭ в новое расширенное помещение эти коллекции были выставлены для обозрения, и в 1927 г. появился в печати путеводитель по новому Индийскому Отделу МАЭ.

Д. Зеленин.

АНТРОПОЛОГИЯ

АКАДЕМИК К. М. Бэр ввел антропологию в круг интересов Академии Наук. С тех пор естественная история человека продолжала развиваться среди других академических дисциплин. В истекшем десятилетии необходимо отметить значительные успехи антропологии, занявшей ныне в Академии должное место среди других биологических наук. Эти успехи обязаны интенсивной работе учреждений Академии Наук, ее действительных членов и научных работников.

В Музее Антропологии и Этнографии, старейшем из академических музеев, в связи с юбилейными торжествами Академии, в 1925 г. был значительно расширен Антропологический Отдел и в своей выставочной части приспособлен к запросам многочисленных посетителей Музея. В нем развернуты ныне коллекции по эволюции физического типа человека. Вопросы филогении освещаются демонстрацией приматов (скелеты и чучела), слепков с ископаемых остатков человека, картами и рисунками, касающимися древнейших судеб человечества.

Ряд коллекций выясняет характерные физические особенности человека и его отличия от ниже стоящих приматов. Слепки и препараты по онтогении человека соединены с богатой тератологической коллекцией, начало которой положил знаменитый указ Петра I о доставлении „всяческих уродов“ в Кунсткамеру. В процессе выставления находятся коллекции по расовым признакам человека. Кроме выставочного отделения, при Музее имеется Антропологическая Лаборатория, занятая рядом научно-исследовательских работ. Последние ведутся не только двумя штатными работниками Отдела, но и многочисленными посторонними исследователями, как местными, так и приезжими. Из работ, произведенных в последние годы научным персоналом

Антропологического Отдела, назовем обработку данных о призывном населении страны. Пока опубликованы разработанные данные по населению Среднего Поволжья (Б. Н. Вишневский и М. М. Гагаева) и по Костромской губ. (Г. И. Петров). Другой темой работ научного персонала Антропологического Отдела послужило изучение изоагглютинации крови различных племенных групп СССР. Это новое в антропологии дело требовало привлечения широкого круга исследователей, преимущественно врачей. В целях более планомерной работы при Музее было учреждено в 1927 г. особое Бюро по Антропологическому Изучению Групп Крови. В настоящее время оно располагает материалом до 15.000 карточек по русскому населению, украинцам, белорусам, финнам Ленинградского края, эстонцам, вотякам, черемисам, чувашам, калмыкам, узбекам, киргизам, татарам, таджикам, ирани и средне-азиатским евреям. Накопление этого материала обязано не только сборам научных работников Отдела, но и самому широкому содействию корреспондентов Бюро. Следующие лица прислали обширный материал: А. С. Артамонов (Самарканд), Л. М. Архангельская (с. Батырево Чувашской АССР), Г. И. Беседин (Севастополь), Л. Б. Вагнер (Томск), Г. К. Волков (Ядрин), В. Ф. Груздев (Кронштадт), А. Е. Ефремов (Цивильск), П. П. Зам (Глазов), А. К. Ленц (Минск), Е. Г. Либман (Ленинград), П. С. Массагетов (Ташкент). Разработка данных, имеющихся в Бюро по чувашам и калмыкам, публиковалась в академических изданиях. Более подробно о работах Бюро сообщает доклад Б. Н. Вишневского, поставленный на Международном Антропологическом Конгрессе в Амстердаме.

Из сторонних лиц, работавших над музейными материалами, выполнили обширные исследования: М. С. Спиров по тератологии, Н. В. Вихрев по морфологии зубов, приват-доцент Созен-Ярошевич по тазу человека; кроме того, д-р Фукс изучал внутренний рельеф основания черепа и Н. В. Гущин разобрал материал по физическому развитию детей Казани. Многие лица инструктировались в Отделе по различным вопросам антропологии.

Отметим пополнение за истекшее десятилетие знаменитых тератологических коллекций Музея, чему содействовал Народный Комиссариат Здравоохранения. Лаборатория Отдела пополнилась инструментами и приборами, полученными из заграницы.

При Комиссии по Изучению Племенного Состава Населения СССР (КИПС) возникла особая Подкомиссия по Изучению Женщины в СССР, выдвинувшая ряд вопросов био-антропологического характера. Кроме того, КИПС приняла деятельное участие в организации Антропологического отряда Казакстанской экспедиции. При Комиссии по Изучению Естественных Производительных Сил СССР (КЕПС) было учреждено в 1921 г. Бюро по Евгенике, организовавшее, по инициативе его руководителя Ю. А. Филипченко, ряд интересных работ по изучению наследственности среди ленинградских ученых, представителей искусства и студенчества. В пяти выпусках Известий Бюро напечатаны результаты этих работ. К юбилею Академии Наук Бюро выпустило исследование о действительных членах Академии за последние восемьдесят лет. В том же выпуске Известий помещена работа Ю. А. Филипченко: „Интеллигенция и таланты". С 1925 г. Бюро по Евгенике включило в круг своих интересов вопросы общей и специальной генетики.

Возникшая недавно при Академии Наук Комиссия по Изучению Четвертичного Периода уделяет внимание в своих работах и вопросам палеоантропологии. На заседаниях этой Комиссии были заслушаны доклады, представляющие высокий интерес для антропологии ископаемого человека.

Зоологический Музей в своих сборах последних лет в Крыму и в Сибири получил большие материалы по ископаемой фауне, крайне важные для выяснения целого ряда вопросов доистории человека.

Яфетический Институт, в связи с изысканиями академика Н. Я. Марра в Чувашской АССР, включил в круг своих интересов вопросы антропологии и образовал соответственную секцию в организованной им Волжско-Камской экспедиции.

Из действительных членов Академии Наук занимался палеоантропологией академик А. П. Павлов, напечатавший работы: „Époques glaciaires et interglaciaires de l'Europe et leur rapport à l'histoire de l'homme fossile" (1922), „Представления о времени в истории, археологии и геологии" (1921) и „Ископаемый человек эпохи мамонта в Восточной России и ископаемые люди Западной Европы" (1925). Академик П. П. Сушкин касался вопросов эволюции человека в своей работе: „Эволюция наземных позвоночных" (1922). В книге академика А. Е. Ферсмана:

„Время" приведен ряд соображений, весьма ценных для доисторика и палеоантрополога.

За истекшее десятилетие получила огромное развитие экспедиционная деятельность Академии Наук. В целом ряде экспедиций были организованы и антропологические отряды. Так, в Якутской экспедиции д-р С. Е. Шрейбер произвел обширные антропологические исследования над местным населением (якутами, русскими и помесями между ними). По антропологическим измерениям и обще-медицинскому обследованию было получено 3.500 карточек. Специальные работы касались акклиматизации, расовой патологии и биохимии крови якутов. Последние оказались мало восприимчивыми к скарлатине и дифтериту. Экспедицией были собраны коллекции по антропологии, микробиологии и этнографии. Медико-Антропологический отряд вывез из Якутии два трупа мумий, похороненных около полутораста лет тому назад, но до сих пор хорошо сохранившихся. Эти мумии поступили в Музей Антропологии и Этнографии.

Средне-Азиатская экспедиция имела Антропологическую секцию, в задачу которой входило изучение племенных групп Туркестана не только с морфологической стороны, но также с физиологической и биохимической. Кроме мужского населения, впервые для Туркестана были изучены по обширной программе также и женщины. Работы экспедиции были начаты в 1926 г. и продолжались в 1927 г. Всего за первый год исследований было изучено 2.039 человек, среди которых были таджики, узбеки, средне-азиатские евреи (Самарканд), ирани (выходцы из Персии) и арабы. Всюду выяснялось взаимное влияние племенных групп, и обращалось внимание на расовую патологию. Фотографических снимков за время экспедиции сделано было 500. Кроме того, были вывезены коллекции по краниологии и остеологии, а также материал по антропологии внутренностей (мозг и другие органы). Сообщение о результатах экспедиции стоит в программе Международного Антропологического Конгресса в Амстердаме (1927).

Казакстанская экспедиция имела в своем составе Медико-Антропологический отряд, которым было произведено изучение физического типа казаков. Экспедиция начала работы в 1926 г., причем они продолжались и на следующий год. За первый год исследований было изучено подробно, со включением некото-

рых физиологических признаков (становой силы, жизненной емкости легких и веса), 233 человека и менее подробно 594 человека. Санитарно-гигиеническое обследование обращало внимание на жилищные условия населения, домашний обиход, условия питания и пр. Отмечено в аулах значительное число больных и большая смертность населения.

Результаты экспедиции опубликованы Академией Наук в особом издании с антропологическими статьями С. И. Руденко и С. Ф. Баронова.

Антропологический отряд Волжско-Камской экспедиции продолжал в 1927 г. работы, начатые в Чувашской АССР Б. Н. Вишневским в предыдущие годы, по поручению Музея Антропологии и Этнографии. Исследования были приурочены к южной части территории, заселенной чувашами (Батыревский у.). Они охватили не только чувашей, но и живущих с ними рядом русских, мордву и татар. Общее количество исследованных субъектов достигает 1.000; при этом было сделано около 500 фотографических снимков особым аппаратом, позволяющим снять субъекта на одну пластинку в трех нормах (фас, профиль и три четверти). Кроме исследовательского материала, экспедиция вывезла остеологические коллекции из древних чувашских кладбищ.

В академическом журнале „Природа“ печатались статьи по антропологии, знакомящие с новыми идеями в этой науке. С 1927 г. Академией Наук начато издание периодического органа „Человек“, имеющего целью охватить различные стороны антропологии и сопредельных наук.

Из отдельных монографий антропологического характера Академией Наук издан недавно труд Ю. Д. Талько-Грынцевича о монголах, представляющий первую часть его обширных исследований в Центральной Азии.

Краткий очерк успехов антропологии, связанных с деятельностью академических учреждений за последнее десятилетие, свидетельствует о том, что мысль академика К. М. Бэра—укрепить антропологию в Академии Наук—не осталась втуне.

Б. Вишневский.

РАБОТЫ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ

К 1917 г. в русской филологической науке произошел временный застой. Прекратили свое существование Филологические Записки, Русский Филологический Вестник и Журнал Министерства Народного Просвещения. Университеты перестали выпускать свои Труды, Записки. Оставались только академические Известия и Сборник Отделения Русского Языка и Словесности (ОРЯС), но и здесь отсутствие бумаги и дороговизна набора задерживали правильный их выход: пришлось из четырех книг Известий выпускать одну, да и ту с сильным опозданием.

Однако, жизнь взяла свое. С прекращением гражданской войны и налажением связей между русскими и заграничными учеными, благодаря отпуску нужных средств, явилась возможность, хотя и не в прежнем объеме, наладить правильный выход Известий и даже Сборника ОРЯС. В обоих названных изданиях печатались статьи действительных членов Академии Наук, членов-корреспондентов, служащих в учреждениях Академии и посторонних ученых. Таким образом, за истекшие десять лет выпущено 194 статьи (кроме критических отзывов) на 330 печатных листах по Известиям, а по Сборнику — 20 исследований на 235 листах. В этом числе: 80 статей по языку в Известиях ОРЯС и 7 исследований и материалов в Сборнике. Кроме того, ОРЯС напечатано 8 отдельных изданий, имеющих непосредственное отношение к языку. Наконец, за указанный период Академией Наук по ОРЯС выпущено 2 тома словарей иностранных языков (лужицкого и литовского).

Особое внимание было обращено на работы по „Словарю русского языка". Налаженные в 1891 г. академиком Я. К. Гротом, а после смерти его с успехом продолжавшиеся под редакцией

академика А. А. Шахматова, к 1917 г., вследствие тяжелых событий того времени, они совершенно приостановились. Некоторые редакторы отдельных букв оказались вне Петрограда и даже вне России; провинциальные сотрудники, которым рассылались корректурные листы „Словаря“ для замечаний, в большинстве случаев исчезли с мест своего прежнего жительства; типографские работы, за неимением опытных наборщиков и подходящей бумаги, были задержаны; ввиду военной опасности словарные карточки пришлось эвакуировать в Саратов; наконец, в 1920 г. скончался и главный редактор „Словаря“ академик А. А. Шахматов. Возобновить словарные работы удалось лишь с 1922 г. В это время была учреждена штатная Словарная Комиссия, получившая в прошлом году название Постоянной Словарной Комиссии при ОРЯС; состав ее был определен сначала в 5 человек, а в 1926 г. прибавлен еще один сотрудник. Для Комиссии дано удобное помещение, какого она не имела прежде. Теперь началась усиленная деятельность Комиссии. С 1922 г. вновь приготовлено к печати материала на 52 листа двойного размера (по 100.000 букв в листе); из них в типографии уже набрано больше 23 листов, а в рукописи имеется 28 листов слишком. Старого набора в типографии имелось до 1927 г. более 38 листов; его пришлось проверить и издать; из него по настоящее время отпечатано 30 листов, что дает 5 выпусков „Словаря“ (И — изба, 1922; крикун — крошечный, 1926; не — невремище, 1927; лёгкий — летунок, 1927; М — мало-, 1927). Дальнейшая правильная работа по „Словарю русского языка“ в Комиссии может считаться обеспеченной.

Состоящая при ОРЯС (в Москве) Постоянная Комиссия по Диалектологии Русского Языка, работающая без штата и определенного бюджета, с 1917 г. издала 4 выпуска своих Трудов. В последнем, 9-ом выпуске (Лгр., 1927), кроме свода диалектологического материала, поступающего в Комиссию, напечатано 11 ценных очерков народного языка.

Среди работ по русскому языку, несомненно, первое место занимают изданные в указанный период труды академика А. А. Шахматова. В своем капитальном „Очерке древнейшего периода истории русского языка“ он не ограничивается возведением древне-русских языковых особенностей к праславянским и праиндо-европейским, но старается, на основании данных языка

и исторических соображений, в общем решить вопрос об образовании русских наречий и о тех племенах, которые говорили на этих наречиях и говорах. К более детальному выяснению этого вопроса, с указанием исторических условий, вызвавших движение среди русских племен, он обращается в работе: „Древнейшие судьбы русского племени“ (Пгр., 1919). В августе 1920 г. не стало гениального ученого, но после него остались, хотя и не вполне законченные обработкой, ценные труды, которые Академия Наук решила издать к своему юбилею. Это два громадных выпуска „Синтаксиса русского языка“: „I. Учение о предложении и о словосочетаниях“ (Лгр., 1925) и „II. Учение о частях речи. Дополнения“ (Лгр., 1927). Эта работа замечательна и по взглядам на синтаксические явления, и, особенно, по ценным примерам, выбранным из новых русских писателей. В 1925 г. Ленгизом издан его „Очерк современного русского литературного языка“.

В своих взглядах на явления языка вообще и русского в частности А. А. Шахматов обыкновенно следовал за своим знаменитым учителем Ф. Ф. Фортунатовым, главнейшие сочинения которого также увидели свет в качестве посмертного издания в рассматриваемое время. Это: „Лекции по фонетике старославянского языка“ (Пгр., 1919) и „Краткий очерк сравнительной фонетики индо-европейских языков“ (Пгр., 1922). Знаменитая „Синайская глаголическая псалтырь XI века“ также издавалась под наблюдением Ф. Ф. Фортунатова и А. А. Шахматова.

В XXV томе Известий ОРЯС (1920), посвященном памяти А. А. Шахматова, имеется несколько статей разных ученых и по языку, характеризующих его взгляды.

Другой замечательный исследователь русского языка, академик А. И. Соболевский, в последнее десятилетие заинтересовался вопросами о древнейших взаимоотношениях русских племен, а также о связях их с доисторическими обитателями Европейской равнины. К решению этих вопросов он подходит на основании данных языка, географической и племенной номенклатуры. Сюда относится целый ряд его статей, иногда очень обширных, носящих название: „Русско-скифские этюды“ (Известия ОРЯС, 1921, XXVI; 1922, XXVII), „Новые русско-скифские этюды“ (ib., 1926, XXXI), „Заметки по славянским древностям“ (ib.), „Названия рек и озер русского Севера“ (ib., 1927, XXXII). Сюда

относится также заметка: „Как исследовать местные названия?“ (ib., 1918, XXIII, кн. 1). Разные специальные вопросы фонетики и морфологии русского языка постоянно останавливают на себе внимание исследователя истории языка (ср. статьи А. И. Соболевского в Известиях ОРЯС, 1918, XXIII, кн. 2; 1919, XXIV, кн. 1; 1923, XXVIII; 1924, XXIX, а также в журнале Slavia, 1927, V).

По случаю семидесятилетия со дня рождения академика А. И. Соболевского ОРЯС выпущен сборник статей, посвященных юбиляру; среди них 39 по языку, из коих большинство принадлежит перу выдающихся иностранных и русских славистов.

Академик Е. Ф. Карский в последнее десятилетие заканчивал свои работы по белорусскому языку и литературе и старался популяризировать их в небольших сравнительно трудах. Сюда относятся, например: „Этнографическая карта белорусского племени“ (Пгр., изд. 1917 и 1918), „Белорусская речь. Очерк народного языка с историческим освещением“ (Пгр., 1918). Взаимоотношения белорусов и их соседей с запада касается автор в статье: „Культурные завоевания русского языка в старину на западной окраине его области“ (Известия ОРЯС, 1924, XXIX). Подведены итоги изучению русской народной речи в работе: „Русская диалектология. Очерк литературного русского произношения и народной речи великорусской (южно-великорусских и северно-великорусских говоров), белорусской и малорусской (украинского языка)“ (Лгр., 1924). Подведены итоги научной разработке русского языка за все время в книге: „Очерк научной разработки русского языка в пределах СССР“ (Сборник ОРЯС, 1926, CI). Имея в виду содействовать ознакомлению с историей древне-русского языка, издал точно по рукописи, с вариантами и примечаниями, Лаврентьевский список летописи 1377 г. (ср. Полное Собрание Русских Летописей, Лгр., 1926—1927, I, вып. 1 и 2).

Академик Б. М. Ляпунов работал в области русского и других славянских языков. Им напечатаны: „Единство русского языка в его наречиях“ (Одесса, 1921); „Памяти А. А. Шахматова“ (Известия ОРЯС, 1923, XXVIII; 1924, XXIX), где рассматриваются взгляды А. А. Шахматова на разные стороны русского языка; „Этимологический словарь русского языка

А. Г. Преображенского" (ib., 1925, XXX; 1926, XXXI), где разбираются этимологии Преображенского, делаются поправки и сообщаются дополнения к ним; заметка о книге С. М. Кульбакина: „Украинский язык" (Slavia, 1925, III). И другим славянским языкам им уделены некоторые труды: „Родственные связи словенцев с сербами и хорватами" (Южнословенский Филолог, 1924, IV); „Вацлав Вондрак и его научная деятельность" (Известия ОРЯС, 1927, XXXII); в этом некрологе рассматриваются те вопросы славянской филологии (в том числе и русской), которых касался в своих работах профессор Вондрак.

Членами-корреспондентами Академии Наук по ОРЯС за указанное десятилетие выпущено не мало очень серьезных работ по русскому языку. Так, В. А. Богородицкий напечатал по экспериментальной фонетике статьи в разных академических и иностранных изданиях, например, „Экспериментально-графическое исследование двусложных слов в общерусском произношении" (Известия ОРЯС, 1923, XXVIII).

Г. А. Ильинский в своих многочисленных работах по славяноведению всегда уделяет должное место и русскому языку. Таковы, например: „Мнимая ассимиляция редуцированных гласных в праславянском языке" (Известия ОРЯС, 1917, XXII, кн. 1), „Славянские этимологии" (ib., 1918, XXIII, кн. 1 и 2; 1919, XXIV, кн. 1), „Проблема праславянской прародины в научном освещении А. А. Шахматова" (ib., 1920, XXV) и другие его статьи за это время, напечатанные в разных посвященных славяноведению журналах.

Очень много сделано профессором Н. Н. Дурново. Его диссертация: „Диалектологические разыскания в области великорусских говоров" (Москва — Шамардино, 1917) посвящена изучению чистых южно-великорусских и переходных говоров. Под его редакцией издан XI выпуск „Материалов для изучения великорусских говоров" (Сборник ОРЯС, 1922, XCIX). С учебными целями им напечатаны: „Очерк истории русского языка" (М., 1924) и „Грамматический словарь (грамматические и лингвистические термины)" (М. — Пгр., 1924), содержащий очень точную научную формулировку разных грамматических терминов. Много отдельных вопросов по русскому языку им рассмотрено на страницах Известий ОРЯС (1918, XXIII, кн. 2; 1919, XXIV, кн. 2; 1920, XXV: „А. А. Шахматов, как исследователь русского языка";

1925, XXX), Revue des Études Slaves (1922, II: „De la déclinaison en grand-russe littéraire moderne"; 1924, IV: „La catégorie du genre en russe moderne"), Slavia (1922, I: „К истории звуков русского языка") и др. В настоящее время это один из плодовитейших исследователей русского языка.

Для понимания разных диалектологических явлений языка и вообще его истории большое значение имеет ясное представление этнографических черт того или другого племени, этнографическое взаимоотношение русских племен. Ответы на выдвигаемые этнографией вопросы дают труды Д. К. Зеленина, например, его работа „Russische (Ostslavische) Volkskunde" (Grundriss der Slavischen Philologie, Berlin—Leipzig, 1927), продолжение его этнографических исследований в Slavia (1927, V). В Известиях ОРЯС за последнее десятилетие, между прочим, напечатаны три диссертации по русскому языку — В. В. Виноградова: „Исследования в области фонетики северно-русского наречия. I. Очерки из истории звука *ѣ* в северно-русском наречии" (1919, XXIV, кн. 1 и 2); Е. С. Истриной: „Синтаксические явления Синодального списка I Новгородской летописи" (1919, XXIV, кн. 2; 1921, XXVI); Д. В. Бубриха: „Из праславянской фонетики" (1919, XXIV, кн. 1). Ему же принадлежит статья „О трудах А. А. Шахматова в области славянской акцентологии" (Известия ОРЯС 1920, XXV) и другие статьи. С. П. Обнорский напечатал „Исследование о языке Минеи за ноябрь 1097 года" (Известия ОРЯС, 1924, XXIX); в Сборнике ОРЯС (1927, C) он напечатал диссертацию о формах склонения имен в русском языке. Ему же принадлежит несколько мелких статей по тому же предмету, появившихся в Slavia и Zeitschrift für Slavische Philologie, например, „Dualspuren in der nominaler Deklination des Russischen" (1925, II); есть его статья и в Сборнике: „Русская речь" (1927). М. Г. Долобко, работая в области славянского ударения, уясняет многие вопросы, связанные с последними и в русском языке. Таковы, например, его статьи: „Der secundäre *v*-Vorschlag im Russischen" (Zeitschrift für Slavische Philologie, 1926, III), „Ночь-но́чесь, о́сень-осене́сь, зима́-зиму́сь, ле́то-ле́тось" (Slavia, 1927, V). А. М. Селищев, известный, между прочим, своими работами по сибирской диалектологии (ср. Известия ОРЯС, 1923, XXVIII), напечатал разбор: „Н. Н. Дурново ‚Очерк истории русского языка'" (ib.,

1927, XXXII). Исследователь украинского языка В. М. Ганцов напечатал ценную работу: „Особенности языка Радзивиловского (Кенигсбергского) списка летописи“ (Известия ОРЯС, 1927, XXXII). Русскому литературному произношению посвящена работа на сербском языке профессора Рад. Кошутича, изданная ОРЯС: „Граматика руског језика. I. Гласови. А. Општи део“ (Пгр., 1919).

Заканчивая общий краткий очерк достижений Академии Наук по русскому языку в период с 1917 по 1927 г., нельзя не вспомнить и заслуг Академии по упрощению русского правописания, много содействовавшему распространению просвещения в народных массах. Постановление Академической Комиссии по этому предмету состоялось еще 24 мая 1917 г., но решительно вошло оно в жизнь только в истекшее десятилетие.

Е. Карский.

РАБОТЫ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ И УКРАИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

На фоне современного оживления интереса масс к наукам точным и прикладным, история русской литературы — наука о словесном творчестве — не окажется в ряду наук, пользующихся в наше время особым вниманием. Изданий, в которых раньше появлялись историко-литературные исследования, или уже нет (Журнал Министерства Народного Просвещения, Чтения в Обществе Истории и Древностей Российских, Известия и Записки университетов, Русский Филологический Вестник, Филологические Записки и др.), или же они сжались во много раз [Известия и Сборник Отделения Русского Языка и Словесности Академии Наук (ОРЯС)]; новые же специальные журналы и заграницей (Slavia, Zeitschrift für Slavische Philologie и др.) имеют не столько историко-литературные, сколько лингвистические задания. И все же историко-литературная продукция наших ученых просачивалась в свет в течение последних лет, и в общем, относительно небольшом, количестве работ, труды академических работников занимают заметное место.

В нижеследующем обзоре того, что сделано в области изучения истории русской литературы членами Академии и ее научными сотрудниками, я ограничусь лишь теми трудами их, которые появились в печати до 1 октября 1927 г. Поэтому многое, уже сделанное, но не появившееся в свет, не войдет в мой очерк.

Всякая наука развивается путем периодического ретроспективного обзора того, что уже составляет ее приобретение, и затем — путем новых поисков, наблюдений, гипотез и выводов. Поэтому, прежде всего, я остановлюсь на работах, подводящих

итоги сделанного и более или менее принятого в нашей науке. Такая обобщающая и подводящая итоги работа принадлежит академику М. Н. Сперанскому в его „Истории древней русской литературы", доведенной до конца XVII века (2 тома, 1919 и 1921). Такое же значение имеют: „Очерк истории древне-русской литературы" (домонгольского периода) академика В. М. Истрина (1922) и „Наше недавнее прошлое в истолковании художников слова. Опыт школьного изложения истории русской словесности за вторую половину XIX века" покойного академика Н. А. Котляревского (1919). Своевременность и целесообразность выхода в свет названных книг устанавливается тем, что все они вскоре стали библиографической редкостью.

Наряду с историко-литературными проблемами в последние годы обострился интерес к теоретическим и методологическим вопросам. Ученые работники Академии не остались в стороне от этого течения и дали ряд книг и статей, посвященных вопросам теории и методологии историко-литературного исследования, а также истории нашей науки. Так, академик В. Н. Перетц опубликовал „Краткий очерк методологии истории русской литературы" (1922), а затем работу: „К вопросу об основаниях научной литературной критики" (Ученые Записки Самарского Университета, 1919), где выдвинул принцип сравнительно-стилистического исследования, как основу для суждения об относительном значении творчества писателя. В его же статье: „Описи монастырских библиотек XVII века и спорные вопросы истории древнерусской литературы" (Slavia, 1924, III) показано на основании новых материалов, что вопреки взгляду, утвердившемуся у нас, литературное развитие шло мимо монастырей, в светской среде. Ценные мысли о методологии изучения сказки опубликовал А. И. Никифоров („Сборник статей в честь академика А. И. Соболевского", 1927). Б. М. Энгельгардту принадлежит полезная книга: „Формальный метод в истории литературы" (1927), где выяснена сущность „формального" исследования, и определены его роль и условия применения. С. Д. Балухатому принадлежат работы: „О некоторых ритмико-синтаксических категориях русской речи" (Ученые Записки Самарского Университета, 1922), „Проблемы драматургического анализа. Чехов" (1927) и „Указатель новейшей избранной литературы по поэтике" в книге Б. В. Томашевского: „Теория Литературы" (1925).

РАБОТЫ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ И УКРАИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В области истории нашей науки и библиографических подготовительных работ прежде всего следует назвать громадный труд многолетнего сотрудника Академии, покойного профессора А. И. Яцимирского: „Описание юго-славянских и русских рукописей заграничных библиотек. Том I“ (Сборник ОРЯС, 1921, XCVIII), обнимающий почти все рукописи библиотек — Венской, Берлинской, Дрезденской, Лейпцигской, Мюнхенской, Пражской и Люблянской. Покойный член-корреспондент А. В. Михайлов дал оценку этого труда в Известиях ОРЯС (1923, XXVIII), указав некоторые пропуски, но следует сказать, что подобные труды появляются раз в столетие и надолго служат ученому миру полезным путеводителем в море рукописной традиции. Член-корреспондент П. К. Симони издал детальный „Библиографический список ученых трудов академика А. Н. Веселовского“ (Сборник ОРЯС, 1923, XCIX); Б. М. Энгельгардт посвятил книгу раскрытию методологических и историко-литературных достижений А. Н. Веселовского (1922), а академик В. Н. Перетц в статье: „От культурной истории к исторической поэтике“ („Сборник памяти А. Н. Веселовского“, 1921), показал, как эволюционировала и творила новое научное миросозерцание мысль этого ученого. Там же академик А. И. Соболевский напечатал статью: „А. Н. Веселовский, как деятель по истории древне-русской литературы“ и академик В. М. Истрин — „Методологическое значение работ А. Н. Веселовского“. Академик В. Н. Перетц дал обзор изучения древне-русской литературы за 1917—1924 гг. (Slavia, 1924, III) и к столетию „истории“ русской литературы, построенной Н. И. Гречем, — статью в Известиях ОРЯС (1923, XXVIII). С. Д. Балухатый составил обзор: „История новой русской литературы за годы 1917—1924“ (Slavia, 1925, III). Рассмотрел и охарактеризовал труды митрополита Макария по истории древне-русской литературы член-корреспондент Д. И. Абрамович (Известия ОРЯС, 1917, XXII, кн. 2); ему же, академику В. М. Истрину, академику М. Н. Сперанскому и члену-корреспонденту А. Е. Преснякову принадлежат характеристики трудов покойного академика А. А. Шахматова (Известия ОРЯС, 1920, XXV).

От этих работ более общего и библиографического характера перейдем к специальным исследованиям — в хронологическом порядке, начиная с древнейшего периода славяно-русской пись-

менности. Изучение переводных памятников древне-русской литературы шло довольно интенсивно. Назовем статью академика В. Н. Перетца о древнейшем списке Апокалипсиса с новгородскими особенностями языка (Slavia, 1924, II). Памятники ветхозаветной апокрифической литературы с указанием всех известных рукописей обозрены А. И. Яцимирским в его замечательном труде: „Библиографический обзор апокрифов в южнославянской и русской письменности" (1921, I), требовавшем громадных знаний и многолетнего труда; списки здесь сгруппированы по редакциям и группам на основе предварительного исследования. Специальные работы об отдельных апокрифических памятниках были немногочисленны; назовем лишь работы двух научных сотрудников Академии — С. Д. Балухатого: „К апокрифическому деянию ап. Фомы" („Сборник статей в честь академика А. И. Соболевского", 1927) и А. И. Никифорова — о минейных и проложных текстах апокрифического сказания о Макарии Римском (1922). Вопросам истории переводных агиографических памятников посвящена статья академика А. И. Соболевского: „Отзыв о труде свящ. И. М. Смирнова: Патерик (*Λειμὼν Πνευματικός*) в древне-славянском переводе. Сергиев Посад. 1917" (Известия ОРЯС, 1918, XXIII, кн. 2) и исследование В. П. Адриановой: „Житие Алексея, человека божия, в древней русской письменности и народной словесности" (1917), вызвавшее ряд статей — покойного члена-корреспондента Академии Д. К. Петрова (Известия ОРЯС, 1919, XXIV, кн. 1), члена-корреспондента Н. М. Петровского (ib., 1918, XXIII, кн. 2) и академика В. Н. Перетца (ib., 1921, XXVI) и признанное достойным полной Ломоносовской премии. Трудами академика В. М. Истрина издан славяно-русский текст Хроники Амартола по рукописи XIV века с критическим аппаратом (1920) и исследование о Хронике (1922). Не говоря уже о том, какое значение имеют эти работы для изучения древне-русской историографии и повествовательной литературы, они приводят исследователя к выводу о переводе Хроники Амартола на Руси в эпоху Ярослава I и связывают этот памятник с рядом одновременных переводов, расширяя репертуар литературы XI века, с чем приходится согласиться, не взирая на попытки академика П. А. Лаврова (Slavia, 1925, IV) иначе решить вопрос о месте перевода. К названному труду академика В. М. Истрина примыкают другие его работы, касаю-

щиеся литературных отношений Хроники Амартола к другим памятникам: „Откровение Мефодия Патарского и Летопись“ и „Толковая Палея и Хроника Георгия Амартола“ (Известия ОРЯС, 1924, XXIX). К аналогичным выводам о русском происхождении переводных славянских памятников приходит академик В. М. Истрин в своих статьях о житии Василия Нового (Известия ОРЯС, 1917, XXII, кн. 2) и об „Иудейской войне“ Иосифа Флавия (Ученые Записки Высшей Школы г. Одессы, 1922, II), причем перевод последнего памятника сделан русским с первоначальной редакции „Истории“ Флавия. К подобным же выводам о переводе на Руси не позднее XII—XIII веков пришел и академик М. Н. Сперанский относительно „Девгениева деяния“ (Сборник ОРЯС, 1923, XCIX). Статья члена-корреспондента Д. И. Абрамовича: „Отрывок из хроники Иоанна Малалы в Златоструе XII века“ („Сборник статей в честь академика А. И. Соболевского“, 1927) показала, что эта хроника была известна в древне-русской письменности не только в составе исторической компиляции (Еллинского Летописца), и притом в двух переводах. Исследование академика М. Н. Сперанского: „Международный странствующий сюжет в сказании о чуде святителя Николая“ (Известия ОРЯС, 1921, XXVI) проливает свет на процесс образования религиозных сказаний. Тем же автором опубликована статья о „Сказании о Софии Цареградской“ („Сборникъ въ честь на Василъ Н. Златарски“, 1925). На границе истории письменности и фольклора стоит работа С. П. Розанова: „О народных заговорах в церковных Требниках“ („Сборник статей в честь академика А. И. Соболевского“, 1927), ценная для истории народных верований, поскольку они отразились в древней письменности или, может быть, навеяны ею.

Говоря о достижениях в области изучения древне-русской оригинальной литературы, мы прежде всего должны упомянуть о следующих изданиях Археографической Комиссии: „Повесть временных лет“ (Полное Собрание Русских Летописей, 1926, I, 1, 2-ое изд.); „Новгородская 4-ая летопись“, выпуск 2-ой (ib., 1925, IV, 1); „Софийская 1-ая летопись“, выпуск 1-ый (ib., 1925, V); „Типографская летопись“ (ib., 1921, XXIV); „Рогожский Летописец“ (ib., 1922, XV, 1, 2-ое изд.) — сделавших изучение летописных памятников более доступным для ученых. В связи с изучением летописей и по поводу замечательного труда покойного

академика А. А. Шахматова о них, академик В. М. Истрин опубликовал свои „Замечания о начале русского летописания“ (Известия ОРЯС, 1921, XXVI; 1922, XXVII), где во многих случаях иначе осветил процесс сложения летописи, чем А. А. Шахматов, процесс работы которого над летописями охарактеризовал член-корреспондент А. Е. Пресняков (ib., 1920, XXV). Работа члена-корреспондента А. С. Орлова: „К вопросу об Ипатьевской Летописи“ (ib., 1926, XXXI) содержит в себе новые соображения о процессе сложения Ипатьевской летописи и об ее источниках и основана на стилистическом и словарном анализе текста. Из пристального изучения текста летописи исходят интересные работы А. И. Лященка о соотношении летописи, скандинавского и древне-русского эпоса, а именно: „‚Eymundar Saga‘ и русские летописи“ (Известия Академии Наук СССР, 1926, № 12), где доказано, что хронология обоих памятников совпадает с 1016 г., что главные факты переданы в саге в общем верно, а главное — передан верно колорит взаимоотношений Руси и Скандинавии XI века; далее: „Летописные сказания о смерти Олега Вещего“ с выводом о смерти Олега в Скандинавии (Известия ОРЯС, 1924, XXIX); „Бой Ильи Муромца с сыном“ (Отчет Общества Древней Письменности и Искусства, 1924); „Былина о Дюке Степановиче“ (Известия ОРЯС, 1925, XXX); „Сага об Олафе Тригвасоне и Киевская летопись об Ольге“ (Україна, 1926, 4).

„Слово о полку Игореве“ вызвало целый ряд работ и в Союзе ССР, и заграницей. Научные работники Академии сделали и здесь не мало выводов, принесших нечто новое для объяснения этого памятника древне-русской поэзии. П. Л. Маштаков предложил несколько перестановок в тексте его (Известия ОРЯС, 1918, XXIII, кн. 2); академик М. Н. Сперанский переиздал первое издание „Слова“ с исследованием о пресловутых „бумагах Малиновского“, обнаружив ничтожность их (1920); П. В. Булычев пробовал объяснить, что значит эпитет „Осмомысл“ (Русский Исторический Журнал, 1922, 8), о чем позже писал Ф. И. Покровский („Сборник статей в честь академика А. И. Соболевского“, 1927), давший удачное и единственно приемлемое, реальное объяснение эпитета из текста „Слова“; академику В. Н. Перетцу принадлежит ряд работ о „Слове“—„Заметки к тексту ‚Слова‘“ („Sertum bibliologicum“, 1922), критический обзор: „Новейшая литература о ‚Слове‘“ (Известия ОРЯС

1923, XXVIII), статьи: „‚Слово' и Библия", „‚Слово' и ‚Повесть о разорении Иерусалима' Иосифа Флавия", (ib., 1924, XXIX), „Эпитеты в ‚Слове' и устной традиции" (ib., 1925, XXX) „‚Слово' и исторические библейские книги" („Сборник статей в честь академика А. И. Соболевского", 1927), „Zwei Arbeiten über das Igorlied" (Zeitschrift für Slavische Philologie, 1926, III) и, наконец, обширный труд, изданный Украинской Академией Наук: „‚Слово о полку Игореве': Памятка феодальної України-Руси XII віку" (1926), в котором новым, кроме пересмотренного и исправленного текста „Слова", является характеристика социальной среды, в которой возникло „Слово", и опыт истории его текста; проведен новый взгляд на отношение „Слова" к народной песенной традиции, и значительно обогащен запас стилистических параллелей с другими памятниками древне-русской литературы и народной словесности. Из других древнейших памятников „Моление Даниила Заточника" было предметом внимания академика М. Н. Сперанского, изучившего новые его списки (Slavia, 1926, IV). Русская литература древнейшего периода не оставалась замкнутой в себе; она не только заимствовала у южных славян, но ширилась за пределы Руси, что доказано академиком М. Н. Сперанским в статье: „К истории взаимоотношений русской и югославянской литературы" (Известия ОРЯС, 1921, XXVI).

Московской (северно-русской) литературы XV—XVII веков неоднократно касались работы академиков и сотрудников Академии. Так, член-корреспондент В. Н. Бенешевич установил факт перевода в Новгороде в XV веке новых памятников с латинского языка („Сборник статей в честь академика А. И. Соболевского", 1927). Академик М. Н. Сперанский пересмотрел вопрос об „Аристотелевых Вратах" и „Тайная Тайных" (ib.) и пришел к выводу о небесспорности отожествления этих памятников. Академик В. Н. Перетц в статье: „К вопросу о еврейско-русском литературном общении (Slavia, 1926, V) дал анализ нескольких текстов, повидимому, записанных со слов и представляющих отголосок древне-еврейских легенд. Член-корреспондент В. В. Майков опубликовал сведения о новом списке „Просветителя", сопровождаемом доселе неизвестным предисловием („Сборник статей в честь академика А. И. Соболевского", 1927). П. В. Вилькошевский объяснил возникновение трех разновидностей 1-го послания Грозного к князю Курбскому

(Летопись Занятий Археографической Комиссии, 1926, XXXIII). В. П. Адрианова в статье: „Хождение в Иерусалим и Египет Василия Гагары" (Сборник Российской Публичной Библиотеки, 1924, II) доказала, что в основе этого „хождения" лежит запись устного рассказа, более богатая бытовыми подробностями, чем законченная редакция. А. Ф. Малов установил дату (1558 г.), адресата и возможного автора „Послания об обретения мощей епископа Никиты" („Сборник статей в честь академика А. И. Соболевского", 1927). И. И. Фетисовым дан анализ повести о мучении Исидора Юрьевского, XVI века (ib.). В. П. Адрианова в статье: „Из истории русской агиографии. Житие Алексея, человека божия, в обработке XVI века" („Sertum bibliologicum", 1922) показала тесную зависимость названной обработки от устойчивых особенностей стиля псковского агиографа Василия-Авраама и установила его авторство. С. А. Щеглова обследовала „Житие царевича Димитрия в обработке Димитрия митрополита Ростовского XVII—XVIII веков" (Ученые Записки Самарского Университета, 1919) и определила источники этого произведения и приемы работы автора. Из памятников древней светской литературы были изданы членом-корреспондентом П. К. Симони „Задонщина" по списку 1470 г. и „Сказаніе о кѣевскихъ богатырехъ" по списку XVII века (Сборник ОРЯС, 1922, С). Академик М. Н. Сперанский напечатал исследование: „Повесть о Динаре в русской письменности" (Известия ОРЯС, 1926, XXXI), где доказывает, что в данном случае мы имеем не переводную повесть, а оригинальную, опирающуюся на запись устного рассказа, обработанного литературно в стиле XVI века. „Повести о Василии Златовласом" касается исследование А. И. Лященка: „Былина о Соловье Будимировиче и сага о Гаральде" („Sertum bibliologicum", 1922), где автор доказывает зависимость былины от саги, а не от упомянутой повести и народно-поэтической символики. Памятники московской исторической литературы также были обследованы с различных точек зрения. С. П. Розанов в статье: „Время составления первоначальной редакции русского Хронографа" (Известия ОРЯС, 1925, XXX) пришел к выводу, что он возник не ранее и немного позже апреля 1470 г., по нашему — 1462 г.; член-корреспондент А. С. Орлов, изучая Хронограф и повесть о Казанском царстве („Сборник статей в честь академика А. И. Соболевского", 1927),

путем стилистического анализа пришел к выводу о зависимости последней от Хронографа. П. Г. Васенко опубликовал „Заметки к статьям о Смуте, включенным в Хронограф редакции 1617 г." („Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову", 1922); затем, в статье: „Две редакции первых шести глав Сказания Авраамия Палицына" (Летопись Занятий Археографической Комиссии, 1923, XXXII), он же установил составление первой редакции в конце 1612 г., а переделку позднейшей — в конце 1614 г. или немного позже; наконец, в статье „‚Забелинская' редакция первых шести глав ‚Истории' Палицына" названный автор дал их анализ („Сборник статей в честь академика А. И. Соболевского", 1927). Все эти работы значительно углубили наши знания о любопытнейших памятниках московской повествовательной литературы.

Изучение стихотворства в московской Руси привело к попытке определить момент его появления. Н. П. Попов усмотрел рифмованные места в „Ином Сказании" 1606 г. (Известия ОРЯС, 1917, XXII, кн. 2); В. П. Адрианова в статье: „Из начального периода русского стихосложения" (ib., 1921, XXVI) установила древнейшие случаи рифмованных эпизодов в „Повести" патриарха Иова, написанной до 1603 г. Отголосками старой литературной традиции в XVIII веке были юмористические пародии; небольшое исследование о юмористических лечебниках XVIII века написано В. П. Адриановой („Сборник статей в честь академика А. И. Соболевского", 1927). Легенда того же времени создавалась в рамках старых формул, что показано в исследовании А. И. Никифорова: „Русские повести, легенды и поверья о картофеле" (1922), где дана история возникновения и литературной судьбы этих повестей (см. рецензию академика В. Н. Перетца, Известия ОРЯС, 1922, XXVII).

Параллельно с Московской Русью шло литературное развитие в Руси юго-западной, на Украине и в Белоруссии. Явления этого литературного потока также привлекали к себе внимание академических работников. Назовем обобщающий труд академика Е. Ф. Карского: „Очерки словесности белорусского племени. 2. Старая западно-русская письменность" („Белорусы", 1921, III) и „3. Художественная литература на народном языке" (ib., 1922), вышедшие в сокращении и на немецком языке (Geschichte der Weissrussischen Volksdichtung und Literatur, Leipzig, 1926).

Над памятниками древней переводной украинской литературы работал академик В. Н. Перетц, собравший в I выпуске „Исследований и материалов по истории украинской литературы XVI—XVIII веков“ (Сборник ОРЯС, 1926, CI) неизвестные доселе памятники, освещающие литературную жизнь старой Украины: о возникновении Учительских Евангелий в XVI веке, об отношении Ив. Вишенского к современной ему польской литературе, анализ „Тестамента царя Василия“ в украинском переводе начала XVII века, о переводах „Лествицы“ Иоанна Синайского и сочинений Нила Синайского на украинский язык, об украинском переводе XVII века Печерского Патерика, новые данные к истории украинской повести XVII века и вирши архимандрита Онуфрия начала XVIII века. К этим работам академика В. Н. Перетца примыкает его исследование об украинских Синоксарях в Киевской и Львовской Триодях XVI—XVIII веков (Науковый Збірник, 1925) и заметки об украинской параллели к повести о Горе-Злосчастьи (Україна, 1924, 3) и „Ще раз дума про Олексія Поповича“ (Збірник Товариства имени Шевченка, 1926, CXLI). А. Л. Петровым издан полемический антикатолический памятник иерея Михаила, повидимому, начала XVII века: „Оброна вѣрному чл҃вку“ и украинские поучения из Няговского Учительного Евангелия 1758 г. (Сборник ОРЯС, 1921, XCVII). В. П. Адрианова исследовала „Хождение Даниила игумена корсунского“ конца XVI века (Записки Украинской Академии Наук, 1926), доказав, что этот автор воспользовался шаблоном, данным Даниилом, игуменом XII века, повторив даже такие подробности, каких нельзя было видеть в XVI веке. С. А. Щегловой принадлежит капитальное исследование о „Богогласнике“ 1790 г. и его судьбе в позднейшей литературе (1918), удостоенное Академией Макариевской премии; позже С. А. Щеглова опубликовала работу о печерском типографе и стихотворце Памве Берынде начала XVI века (Науковый Збірник, 1925), установив источники и приемы его творчества, и статью: „Вірші про Мазепу“ (ib., 1926).

В ряду литературных явлений XVII—XVIII веков особенно привлекала к себе внимание исследователей драма и вообще театр на Украине и в Москве. Академику В. Н. Перетцу принадлежит заметка: „Найдавніша згадка про театр на Україні“ (Україна, 1924, 1—2), где подвергнута сомнению обычно при-

нимаемая дата. В. П. Адрианова опубликовала исследование: „Сцена та костюм в українському театрі XVII—XVIII віків“ (ib., 1925, 3), где детально показала соотношения украинского театра и школьного иезуитского. Академик В. Н. Перетц в статье: „Театральні ефекти в старовинному українському театрі“ (ib., 1926, 2) дал анализ разнообразных coups de théâtre на основании текстов и ремарок, обнаружив эстетическую действенность старинного театра. Крупнейшим вкладом в историю русской драмы явились „Старинные действа и комедии Петровского времени“, собранные и приготовленные к печати покойным членом-корреспондентом И. А. Шляпкиным (Сборник ОРЯС, 1921, XCVII); здесь опубликовано девять неизвестных пьес и переизданы отрывки пьес театра царицы Наталии Алексеевны. Одна из пьес, открытых И. А. Шляпкиным, „Акт о Сарпиде“, была обследована академиком В. Н. Перетцом (Известия ОРЯС, 1921, XXVI). Растущее количество открываемых пьес старинного театра вызвало потребность в пересмотре принципиальных оснований, на которых у нас строилась история театра. Этим объясняется появление работы академика В. Н. Перетца: „Несколько мыслей о старинном театре“ (Ежегодник Государственных Театров, 1922), и сборника „Старинный театр в России“ (1923), где им опубликованы три работы: „К постановке изучения старинного театра в России“, „Театр в России 250 лет тому назад“ и „Итальянская интермедия 1730-ых годов в стихотворном русском переводе“. Там же — статьи В. П. Адриановой: „Из истории театра в Твери в XVIII столетии“, где опубликован дотоле неизвестный „Акт об Александре Македонском“, сочиненный Ив. Лятошевичем в 1746 г., и С. А. Щегловой: „Русская пастораль XVII века“ Симеона Полоцкого. Другой неизданной же декламации С. Полоцкого на Рождество Христово посвящена статья того же автора („Сборник статей в честь академика А. И. Соболевского“, 1927); ему же принадлежит исследование о Воронцовском крепостном театре начала XVIII века (Язык и Литература, 1926, I).

XVIII век и начало новой литературной традиции менее интересовали наших сотрудников, внимание которых в области новой литературы привлекал XIX век с его светилами — Пушкиным, Достоевским, Толстым. Но все же и к XVIII веку относится некоторое количество работ, среди которых видное место

занимают исследования члена-корреспондента В. В. Сиповского о русской комедии XVIII века, напечатанные частью в Журнале Министерства Народного Просвещения (1917), частью в Известиях ОРЯС (1917, XXII, кн. 2). Одним из наиболее существенных выводов автора является то, что русская комедия XVIII века, вопреки весьма распространенному предрассудку, не была лишь наносным явлением, а была тесно связана с жизнью, имела свою эволюцию и должна быть признана явлением органическим. Назовем далее статью члена-корреспондента К. В. Харламповича: „‚Ведомости Московского государства' 1702 года" (Известия ОРЯС, 1918, XXIII, кн. 1); здесь определены дата выхода в свет и состав первого номера первой русской газеты — не 2 января 1703 г., а ранее — 17 декабря 1702 г. Член-корреспондент А. И. Малеин опубликовал „Новые данные для биографии В. К. Тредьяковского" („Сборник статей в честь академика А.И. Соболевского", 1927). Член-корреспондент В. Ф. Шишмарев обследовал русский перевод „Повесть славного Гаргантуаса" — отдаленный отголосок романа Рабле (ib.). Поэзии Державина посвятили свои статьи покойный член-корреспондент Н. Д. Чечулин (Известия ОРЯС, 1919, XXIV, кн. 1), давший общую характеристику творчества поэта, и Б. И. Коплан, обследовавший переводы Державина из Пиндара, чрез посредство немецкого перевода („Sertum bibliologicum", 1922). Деятельность И. А. Крылова, как библиотекаря, получила новое освещение благодаря опубликованному членом-корреспондентом Д. И. Абрамовичем материалу (Известия ОРЯС, 1918, XXIII, кн. 2).

Обращаясь к области изучения новой русской литературы XIX века, мы должны заметить, что здесь число работ сотрудников Академии Наук, особенно ее Пушкинского Дома, чрезвычайно велико. Кажется, нет ни одного крупного писателя, которого не коснулись бы в том или ином отношении внимательные разыскания. Бесспорно можно сказать, что за последние десять лет число обнаруженных биографических данных и литературных фактов, касающихся писателей XIX века, значительно возросло, но нельзя скрыть и того, что количество исследований о явлениях новой русской литературы по сравнению с общим количеством опубликованнаго материала — весьма скромно. Тем приятнее отметить, что немногочисленные научные исследования по истории новой русской литературы принадлежат преиму-

щественно научным работникам Академии. В кратком обзоре мы не сможем охватить всю массу опубликованного; среди наличных публикаций подавляющее большинство представляют сообщения о новых биографических подробностях или отрывки и варианты произведений русских писателей, извлеченные из рукописей и снабженные более или менее полезными примечаниями и пояснениями. Поэтому ниже коснемся лишь тех работ, в которых преобладает элемент исследования, а из публикаций материала отметим лишь наиболее значительное.

Вполне естественно, что громадное количество работ за последние десять лет относится к солнцу русской поэзии — Пушкину, изучать которого и комментировать пробовали, кажется, все, занимавшиеся новой русской литературой. На первом месте в ряду новых работ мы должны назвать книгу покойного академика Н. А. Котляревского: „Пушкин, как историческая личность“ (1925), представляющую опыт синтетической характеристики великого поэта и его творчества. Тому же автору принадлежит речь: „Пушкин и Россия“ (1922), полная глубоких мыслей и построенная со свойственным ему изяществом, а также некоторые мелкие статьи и заметки. Продолжал выходить специальный академический сборник, посвященный изучению Пушкина: „Пушкин и его современники“ (1918, XXIX—XXX; 1922, XXXIII—XXXV; 1923, XXXVI; 1927, XXXI—XXXII). Член-корреспондент Б. Л. Модзалевский, совместно с Н. В. Измайловым, издал полезную книгу: „Пушкин. Очерк жизни и творчества“ (1924); ему же принадлежит статья биографического характера: „Пушкин под тайным надзором“ (1922). Член-корреспондент Н. К. Козмин напечатал работу биографического характера: „Пушкин и Оленина“ (Сборник Пушкинского Дома на 1923 год, 1922); академик М. Н. Розанов—„Заметку о ‚Скупом рыцаре‘ Пушкина“ („Сборник статей в честь академика А. И. Соболевского“, 1927); член-корреспондент А. И. Малеин — статью: „Пушкин, Аврелий Виктор и Тацит“ („Пушкин в мировой литературе“, 1926). Б. В. Томашевскому принадлежит исследование о „Гавриилиаде“ Пушкина с критическим изданием его текста (Труды Пушкинского Дома, 1922), статья: „Пушкин — читатель французских поэтов“ (Пушкинист, 1923, IV) и ценная в методологическом отношении книжка: „Пушкин. Современные проблемы историко-литературного изу-

чения“ (1925), являющаяся как бы ответом на книгу М. Л. Гофмана: „Первая глава науки о Пушкине“ (1922), поставившую определенное требование, чтобы поэтическое наследие Пушкина изучалось в согласии с требованиями филологической науки. Представляют интерес новые небольшие исследования Н. В. Яковлева: „Об источниках ‚Пира во время чумы‘“ („Пушкинский сборник памяти С. А. Венгерова“, 1923) и „Из разысканий о литературных источниках в творчестве Пушкина“ („Пушкин в мировой литературе“, 1926), где ценно установление отношений Пушкина к английским поэтам. Ценна также статья Н. В. Измайлова: „Пушкин и князь В. Ф. Одоевский“ („Пушкин в мировой литературе“, 1926). Крупнейшие работы по обнаружению новых текстов Пушкина и по изучению его рукописей принадлежат члену-корреспонденту Б. Л. Модзалевскому, выпустившему в свет много статей и заметок; члену-корреспонденту В. И. Срезневскому и участникам выпущенного Пушкинским Домом сборника: „Неизданный Пушкин. Собрание А. Ф. Онегина“ (1922 и 1923). „Дневник“ Пушкина вышел в свет в двух изданиях: в Москве, под редакцией академика М. Н. Сперанского и с примечаниями преимущественно историко-литературного характера (1923), и в Ленинграде, под редакцией члена-корреспондента Б. Л. Модзалевского с примечаниями преимущественно биографического характера (1923). Последним изданы I и II томы „Полного собрания писем Пушкина“ (1927). Пушкинский Дом выпустил отдельною книгою „Письма Пушкина к Е. М. Хитрово“ (1927).

Из работ, относящихся к поэтам, предшественникам А. С. Пушкина, назовем издание Пушкинским Домом текста „Опасного соседа“ В. Л. Пушкина с предисловием В. И. Чернышева (1922) и писем и записок В. А. Жуковского с комментарием Б. Л. Модзалевского („Sertum bibliologicum“, 1922; Литературные Портфели, 1923). Современникам Пушкина и позднейшей поэтической традиции посвящали свое внимание и силы В. С. Спиридонов, автор работы: „И. И. Козлов“ („Sertum bibliologicum“, 1922); И. А. Кубасов: „А. И. Одоевский и вновь найденные его стихотворения“ (Труды Пушкинского Дома, 1922); Б. Л. Модзалевский: „Стихотворная шутка М. Ю. Лермонтова“ (Радуга, 1922). К изучению Н. А. Некрасова относятся статьи покойного академика Н. А. Котляревского: „Народная поэма

и ее герой" (Летопись Дома Литераторов, 1921) и вступительная статья в сборнике Пушкинского Дома: „Некрасов" (1922), и ряд публикаций члена-корреспондента Б. Л. Модзалевского: „Неизданное письмо Некрасова к Никитенке" (Летопись Дома Литераторов, 1921), несколько дополнений к текстам Некрасова (Сборник Пушкинского Дома: „Некрасов", 1922), а также статья Е. П. Казанович: „Некрасов и Писарев" (Печать и Революция, 1925). О Фете написал книжку (в серии Труды Пушкинского Дома) Г. П. Блок: „Рождение поэта" (1923); письма Фета к Борисову издала Е. Б. Гиппиус-Покровская (Литературная Мысль, 1922, I).

Русские прозаики XIX века также интересовали сотрудников Академии. Покойный почетный академик А. Ф. Кони в своей работе о забытом романисте средины XIX века А. Ф. Вельтмане дал характеристику этого оригинального человека. „Тургеневский Сборник" (1921) дал ряд интересных статей, из которых назовем работу В. Д. Комаровой: „Тургенев и Жорж Санд" и ряд документов, писем и статей, опубликованных Б. Л. Модзалевским и др. Б. М. Энгельгардт опубликовал в серии Труды Пушкинского Дома сборник писем Гончарова с соответствующим комментарием и введением (1923). Достоевский и Л. Толстой всегда остро интересовали и русских, и иностранных критиков и историков литературы. В последние годы у нас стали с особым тщанием изучать их рукописи. И в этом отношении академические научные работники не отстали от интересов времени. К биографии и истории творчества Достоевского относятся: письма Достоевского, изданные по рукописям Пушкинского Дома членом-корреспондентом Б. Л. Модзалевским (Былое, 1919, №№ 14, 15) и статья Б. М. Энгельгардта: „Идеологический роман Достоевского" („Достоевский. Статьи и материалы", 1925, 2). В изданном Академией Наук сборнике: „Толстой. 1850—1860" (1927), под редакцией члена-корреспондента В. И. Срезневского, помещены были статьи редактора и научных сотрудников Академии, А. И. Никифорова, Н. И. Алмазовой и Л. Б. Модзалевского, содержащие тексты неизданных писем и произведений Толстого с комментарием. А. Н. Островскому был также посвящен сборник, изданный Пушкинским Домом (1924), с ценными материалами, собранными М. Д. Беляевым, Б. Л. Модзалев-

ским, Н. В. Измайловым и др. Островскому отдал свое внимание покойный член-корреспондент Д. К. Петров, в юбилейной речи рассмотревший творения русского драматурга на фоне истории европейской драмы. С. А. Переселенков напечатал работу: „А. В. Сухово-Кобылин“ (Ежегодник Государственных Театров, 1922). А. П. Чеховым также занимались сотрудники Академии Наук; вслед за изданием некоторых его „Новых писем“ (1922) Б. Л. Модзалевским по материалам Пушкинского Дома, С. Д. Балухатый описал неизданные материалы Чеховского Музея в Таганроге (Литературная Мысль, 1923, II) и значительно увеличил наши познания о творчестве этого писателя в работах: „Чехов и драматическая цензура“ (Русский Современник, 1924), „Этюды по истории текста и композиции чеховских пьес“ (Поэтика, I. Временник Словесного Отдела Государственного Института Истории Искусств, 1926) и „Проблемы драматургического анализа. Чехов“ (1927). Под редакцией и с примечаниями члена-корреспондента Б. Л. Модзалевского были изданы письма В. Г. Короленки (1922) в обработке сотрудников Пушкинского Дома. Н. В. Яковлев опубликовал первоначальную редакцию IV главы „Экскурсий в область умеренности и аккуратности“ Салтыкова-Щедрина (Язык и Литература, 1926, I).

Русская литературная критика, ставшая предметом исторического изучения, также привлекала к себе интерес. В. С. Спиридонов приготовил к печати неизданный I том сочинений Аполлона Григорьева (1918) и, продолжая предприятие С. А. Венгерова, выпустил в свет XII том сочинений В. Г. Белинского, содержащий в себе много забытых статей этого критика. Письма Шелгунова и М. Михайлова к Гербелю издала Е. П. Казанович (Сборник в честь В. И. Срезневского, 1924).

По истории новой украинской литературы также может быть отмечен ряд работ. А. И. Лященко опубликовал письмо И. П. Котляревского к Н. Гнедичу об издании „Энеиды“ (Литературные Портфели, 1923); член-корреспондент В. И. Срезневский — статью: „Г. Ф. Квитка и И. И. Срезневский“ („Sertum bibliologicum“, 1922); Н. Г. Богданова — „Автограф Шевченка в альбоме Селецкой“ („Збірник за 100 літ“, 1927) и Л. В. Арасимович — „Т. Г. Шевченко в польских переводах“ (Записки Украинской Академии Наук, 1927).

Не претендуя дать полный и точный библиографический обзор всего сделанного за истекшее десятилетие научными работниками Академии Наук на поле изучения истории русской и украинской литературы, мы коснулись лишь того немногого, что казалось нам наиболее значительным. Но и то, что вошло в этот неполный обзор, показывает, какую громадную энергию развили ученые историки литературы, несмотря на обстоятельства, далеко не всегда благоприятствовавшие их работе. Обобщая наши наблюдения, что мы можем сказать о характере обнаружившихся достижений? Несомненно, круг знания о явлениях древней и новой литературы значительно расширился, и сами знания стали глубже. В области древней русской литературы, благодаря интенсивной и самоотверженной работе, обнаружены многие звенья в эволюции словесного искусства древности, и выяснено культурно-историческое значение ряда памятников. В области изучения новой литературы внесено в научный оборот много нового, свежего материала, который послужит основанием для исследовательской и обобщающей работы в будущем.

В. Перетц.

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

В СТРАНЕ, значительная часть территории которой лежит в Азии, и в состав населения которой входят многие десятки азиатских народов, интерес к востоковедению должен быть значительным, и мы действительно видим, что среди востоковедов мира наши ученые занимают видное место, и что большинство востоковедных дисциплин представлено у нас крупными силами. Наше научное востоковедение началось в Академии Наук, и в течение последнего десятилетия Академией сделано много как для организации востоковедных работ, так и для самого исследования Востока.

В Академии за последние десять лет работали и работают в области Востока следующие учреждения: 1) Коллегия Востоковедов, председатель академик В. В. Бартольд; 2) Азиатский Музей, директор академик С. Ф. Ольденбург; 3) Яфетический Институт, директор академик Н. Я. Марр; 4) Кавказский Историко-Археологический Институт (в известной части объединен в работе с Яфетическим Институтом), академик-руководитель Н. Я. Марр; 5) Комиссия по Изучению Племенного Состава Населения СССР, председатель академик С. Ф. Ольденбург; 6) Музей Антропологии и Этнографии, директор академик Е. Ф. Карский; 7) Музей Палеографии, директор академик Н. П. Лихачев; 8) Особый Комитет по Исследованию Союзных и Автономных Республик; 9) Радловский Кружок при Музее Антропологии и Этнографии, где делаются доклады на востоковедные темы, и два учреждения, фактически работающие, но не получившие пока законодательного оформления — 10) Тюркологический Институт, директор академик В. В. Бартольд, и 11) Институт Буддийской Культуры, директор академик Ф. И. Щербатской. В ближайшем контакте с Академией с 1903 г.

работал Русский Комитет для Изучения Средней и Восточной Азии, ныне прекративший свое существование. Его председателем был академик В. В. Радлов. Последний выпуск его Известий относится к 1918 г.

Число этих учреждений и то обстоятельство, что они своею работою объединяют всех ленинградских, а частью и вне-ленинградских востоковедов, служит ярким доказательством крупной роли, играемой востоковедением в Академии. К этому необходимо прибавить, что во главе Государственной Академии Истории Материальной Культуры, уделяющей много внимания Востоку, стоит академик Н. Я. Марр, что его товарищи по председательству — академики В. В. Бартольд и С. А Жебелев, а членами Академии и работниками состоят другие члены и сотрудники Академии Наук, и что ко всем научным учреждениям и высшим учебным заведениям востоковедного характера в Ленинграде и к некоторым в Москве многие члены и научные сотрудники Академии имеют непосредственное отношение и работают в них.

Из академических периодических изданий и серий, в которых печатаются статьи по востоковедению, следует назвать: 1) Записки Коллегии Востоковедов, которые являются продолжением пользовавшихся широкою известностью на Западе и Востоке Записок Восточного Отделения Русского Археологического Общества, — основной востоковедный научный журнал на русском языке, обнимающий все востоковедные дисциплины; 2) Иран — специальный орган по изучению иранских культур и языков; 3) Bibliotheca Buddhica—серия текстов по буддизму; 4) Яфетический Сборник; 5) Материалы по Яфетическому Языкознанию; 6) Известия Кавказского Историко-Археологического Института; 7) Памятники Индийской Философии; 8) Отчеты Монгольской Экспедиции; 9) Мусульманский Мир (прекратился). Все эти издания целиком посвящены востоковедению. Значительное количество востоковедных статей печатается также в следующих академических изданиях: 1) Известиях Академии; 2) Докладах, серия В; 3) Трудах Комиссии по Изучению Племенного Состава Населения СССР; 4) Сборнике Музея Антропологии и Этнографии; 5) Записках Отделения Исторических Наук и Филологии (ныне Отделения Гуманитарных Наук); 6) Трудах Комиссии по Изучению Якутской АССР. Статьи по востоковедению, печатаемые в Известиях, издаются и отдельно

под заглавием: Азиатский Сборник (Mélanges Asiatiques). Эта серия, издававшаяся до 1894 г., была в свое время прекращена и возобновлена лишь в 1918 г., причем пока вышло два тома (1918 и 1919 гг.).

Кроме того, в путеводителях Музея Антропологии и Этнографии имеются востоковедные выпуски, и, затем, Академией издаются отдельно монографии и каталоги восточных рукописей.

Несмотря на такое значительное число востоковедных серий, в которых печатаются работы членов и научных сотрудников Академии, их все же не хватает для того, чтобы печатать все обширные и многочисленные материалы и исследования по Востоку членов и научных сотрудников Академии, и они вынуждены печатать ежегодно десятки статей в западных востоковедных изданиях на иностранных языках. Таким образом, получить полное представление о востоковедной работе Академии можно лишь, имея в виду и эти иностранные издания.

Одно время — между 1918 и 1925 гг. — многие из членов и научных работников Академии востоковедов принимали деятельное участие в восточном отделе Издательства „Всемирная Литература", при Государственном Издательстве; при их участии составлено много переводов восточных литературных памятников, лишь частью пока напечатанных, а также издавался журнал „Восток".

Число востоковедных работ, напечатанных Академией за это десятилетие, превышает 500, причем, как и вообще во всей научной работе Академии, этими работами, как уже было сказано, не исчерпывается выявление деятельности членов и сотрудников Академии; его приходится искать и в иностранных изданиях, где тоже напечатано несколько сотен работ, но уже исключительно на иностранных языках.

Кроме того, необходимо отметить, что, к сожалению, и невольное печатание заграницей не разрешает печатного кризиса Академии. Правда, за эти годы, как видно из статьи, посвященной издательской деятельности Академии, ликвидированы многие залежи, но все же научная работа у нас идет более быстрым темпом, чем печатание. Это особенно болезненно ощущается нашими научными экспедициями, которые годами дожидаются печатания результатов своих работ. Мы к этому вопросу вер-

немся при обозрении работ по отдельным дисциплинам востоковедения.

Каждая страна и каждое время имеют, в зависимости от общих условий жизни, свои уклоны научной работы. Это сказывается, конечно, и на востоковедении. Совершенно ясно, что у нас особенное внимание обращено на те народы Востока, которые входят в наш Союз, и это особенно стало заметным за последнее время, когда вопрос национальностей получил такое яркое выявление.

В области изучения турецких народов Академия и раньше занимала крупное место. Это особенно сказалось за последние десять лет. Потребность иметь надежные, отражающие положение науки, словари вызвала большую работу по полной переработке большого академического словаря покойного академика В. В. Радлова, „Опыт словаря тюркских наречий", с целью составить возможно полный словарь турецких языков. В этой работе, под руководством академика В. В. Бартольда, при ближайшем участии профессоров: члена-корреспондента Академии А. Н. Самойловича и С. Е. Малова, принимает участие большинство туркологов нашего Союза. Кроме переработки этого словаря, идет усиленное печатание „Словаря якутского языка" членом-корреспондентом Академии Э. К. Пекарским и „Уйгурского словаря" В. В. Радлова — С. Е. Маловым. Им же, с значительными дополнениями, издан посмертный труд В. В. Радлова по уйгурским документам из Восточного Туркестана. Академик В. В. Бартольд неуклонно ведет свою работу по истории турецких народов и по Средней Азии вообще, а также по Ирану. Он посещал неоднократно наши средне-азиатские Республики и здесь читал для студентов целый ряд университетских курсов. По просьбе турецкого правительства, он выезжал в Турцию и читал здесь курс истории турецких народов, который напечатан в Константинополе на турецком языке. По приглашению Лондонской Школы Изучения Востока, он читал лекции в Лондоне и редактировал перевод на английский язык своего большого труда: „Туркестан в эпоху монгольского нашествия", сделав к нему ряд дополнений. В связи с работами по исследованию наших турецких и средне-азиатских Республик, В. В. Бартольд издал несколько трудов по истории Туркестана и готовит историю Туркмении.

Под руководством академика В. В. Бартольда работает Туркестанский Отдел Комиссии по Изучению Племенного Состава СССР, выпустивший в 1925 г. „Список народностей Туркестанского края“ (И. И. Зарубина) и в 1926 г. „Население Самаркандской области“ (его же), с картою. Ряд экспедиций в Среднюю Азию с целью исследования ее населения велся, по большей части, под непосредственным руководством В. В. Бартольда. Он же принял деятельное участие в работе по тем же Республикам Особого Комитета по Исследованию Союзных и Автономных Республик.

По туркологии в изданиях Академии напечатано много работ, также как и по исследованию народов Средней Азии. Из них укажем на некоторые главнейшие — академик В. В. Бартольд: „Улугбек и его время“ (1918), „История Туркестана“ (1922; напечатано вне Академии), „История культурной жизни Туркестана“ (1927); Н. Н. Поппе: „Учебная грамматика якутского языка“ (1926); Н. И. Веселовский: „Хан из темников Золотой Орды Ногай и его время“ (1922); ряд других работ академика В. В. Бартольда, из них некоторые с обильными сведениями об исторических материалах рукописных собраний на турецких языках; работы по вопросам лингвистики академика А. А. Шахматова, В. А. Богородицкого, А. Н. Самойловича, Н. К. Дмитриева, Е. Д. Поливанова, Н. Н. Поппе, особенно по чувашскому языку; работы по этнографии академика В. В. Бартольда, А. Н. Самойловича, В. А. Гордлевского, Э. К. Пекарского, Г. А. Попова, Н. А. Виташевского, К. А. Иностранцева, А. В. Анохина, академика С. Ф. Ольденбурга, И. И. Зарубина, А. А. Ромаскевича, академика И. Ю. Крачковского, С. Е. Малова; работы по литературе А. Н. Самойловича, В. А. Гордлевского, Е. Э. Бертельса, П. А. Фалева; по истории, кроме указанных, и другие труды академика В. В. Бартольда по нумизматике — академика В. В. Бартольда и Р. Р. Фасмера. Этот простой перечень показывает, что Академией уделялось много внимания изучению турецких народов и Средней Азии; работа эта при том ведется в тесном контакте с заинтересованными Союзными Республиками. Так, Академия через своих представителей приняла деятельное участие в I Всесоюзном Туркологическом Съезде в Баку в 1926 г.; Академией подана в Комиссию Совета Народных Комиссаров СССР по Со-

действию Работам Академии Наук СССР записка об учреждении Туркологического Института для систематизации и объединения туркологических работ самой Академии и тех учреждений, которые пожелают объединить с нею свои туркологические исследования. Одною из первых и главнейших работ Института, естественно, будет подготовка и издание словаря турецких языков.

Как уже и с давних пор Академия посвятила много работ иранскому миру, так и в это десятилетие Ирану посвящен целый ряд исследований и работ.

Это отношение к иранологическим исследованиям нашло себе выражение в образовании специального печатного органа „Иран", выходящего под редакцией академика В. В. Бартольда; первый его том, вышедший в 1927 г., заключает в себе работы по всем отраслям ирановедения. И здесь, как и в области турецких языков, словарные работы заняли чрезвычайно видное место, так как Академия вообще выдвигает словарные работы на первый план занятий в области гуманитарных наук. Комиссия по средне-иранскому словарю поручила это дело профессору А. А. Фрейману, причем основою служат громадные материалы покойного академика К. Г. Залемана, принадлежащие Азиатскому Музею; к ним решено присоединить также согдийские, арамейские и соответствующие армянские и грузинские материалы. Работы идут полным ходом. Необходимость установить словарные богатства современного персидского языка вызвала потребность в словаре, который решили издавать сперва в виде подготовительных материалов. На ближайшую очередь поставлены термины по математике и физике, по бухгалтерскому делу и по военному делу. Работа ведется под наблюдением той же комиссии, которая занята и средне-иранским словарем. В 1927 г. вышел первый том „Осетинско-русско-немецкого словаря" академика В. Ф. Миллера с обширными дополнениями профессора А. А. Фреймана, собранными им среди осетин, относящихся с особенным вниманием к этому словарю; второй и последний том его находится в печати. Богатейшие материалы по наречиям персидского языка, которыми располагает Академия и ее сотрудники, естественно, подлежали использованию и изданию, и мы видим издание „Материалов для изучения персидских наречий" В. А. Жуковского (1922, ч. II и III). Подобные же материалы, но

по другим наречиям Персии, собранные в разное время, частью за последние годы А. А. Ромаскевичем, В. А. Ивановым и Ю. Н. Марром, ожидают еще до сих пор опубликования, так что этот ценнейший языковой и бытовой материал пропадает для науки за невозможностью его напечатать. Еще не напечатаны и курдские тексты И. А. Орбели. Из большого материала по иранским наречиям на Памирах пока напечатано еще немного в работах И. И. Зарубина, неоднократно туда командировавшегося, и М. С. Андреева, постоянно живущего в Туркестане и тоже бывавшего на Памирах. Из больших работ в этой области, уже напечатанных, можно указать на работу И. И. Зарубина: „К характеристике мунджанского языка", со словарем (1927). Из материалов по памирским языкам, но не иранским, надо упомянуть работу того же И. И. Зарубина: „Вершикское наречие канджутского языка" (1927). Этот необыкновенно любопытный и своеобразный язык причисляется академиком Н. Я. Марром к яфетическим. Работа эта, готовая еще в 1922 г., могла быть напечатана, по отсутствию средств, только теперь. Нельзя не высказать здесь глубокого сожаления о том, что, как уже было сказано, Академия лишена возможности выявить полностью большую работу, выполненную ею в области иранистики, и при том в значительной части именно через экспедиции революционных годов. Речь идет о целом ряде томов совершенно новых материалов по иранским языкам.

Не только современные иранские языки служили предметом исследования, но и средне-иранские: пехлевийский и согдийский, язык Авесты и клинописных памятников Персии. По истории, кроме ряда статей, можно указать на напечатанные вне Академии работы академика В. В. Бартольда: „Иран. Исторический обзор" (1926) и „Таджики" (1925) и на работу Е. Э. Бертельса: „Персидский театр" (1924).

Многочисленные труды по разным вопросам лингвистики, литературы, этнографии, истории и нумизматики народов Ирана, сверх уже указанных, напечатаны в изданиях Академии следующими учеными: академиком В. В. Бартольдом, И. И. Зарубиным, А. А. Фрейманом, Ф. А. Розенбергом, В. А. Ивановым, А. А. Ромаскевичем, М. С. Андреевым, Е. Э. Бертельсом, Ю. Н. Марром, А. А. Семеновым, В. А. Жуковским, В. Ф. Миллером, И. А. Орбели, В. Б. Томашевским, В. И. Абаевым,

академиком Н. Я. Марром, академиком С. Ф. Ольденбургом, академиком И. Ю. Крачковским, В. А. Эберманом, Г. Макашем, Д. К. Петровым, Р. А. Галуновым, Р. Р. Фасмером и Б. Я. Владимирцовым. Место не позволяет нам, как и по другим дисциплинам востоковедения, указать на все разнообразие затронутых тем. На одну печатающуюся работу необходимо, однако, указать, это — фототипическое издание, с введением академика В. В. Бартольда, „Рукописи Туманского"—уникальной и ценнейшей географии X века. Рукопись составляет собственность Азиатского Музея и была приобретена им благодаря содействию Аркоса.

Мир ислама и арабы, естественно, занимают тоже видное место в работе наших ученых, потому что они неразрывно связаны с культурою и турецких, и иранских народов. Работы в этой области касаются, главным образом, вопросов историко-культурных и историко-литературных. Укажем на некоторые — академик В. В. Бартольд: „Культура мусульманства. Популярный очерк" (1918), „Ислам. Общий очерк" (1918), „Мусульманский мир" (1922); академик И. Ю. Крачковский: „Арабская литература" (1919), „Приемы изучения арабской литературы" (1921), „Диван Зу-р-Руммы и петроградская рукопись" (1923), „Литература арабских эмигрантов в Америке" (1923), „Арабская поэзия" (1924), „Неизвестное сочинение—автограф сирийского эмира Усамы" (1925), „Фрагменты индийской реторики в арабской передаче" (1927); И. П. Кузьмин: „Ибн-Туфейль. Роман о Хайе, сыне Якзана", перевод с арабского под редакцией академика И. Ю. Крачковского (1923); В. А. Эберман: „Арабы и персы в русской поэзии" (1923). Две командировки академика И. Ю. Крачковского в Крым и Киев дали ценные отчеты и соответствующие материалы по исламу и арабам в крымских и киевских собраниях. Ряд работ, которые мы не можем разобрать здесь ближе, напечатан следующими лицами: академиком В. В. Бартольдом, академиком И. Ю. Крачковским, В. А. Эберманом, И. П. Кузьминым, И. А. Орбели, Е. Э. Бертельсом, М. А. Салье, А. З. Валидовым, Ф. Хури, В. Р. Розеном, К. С. Кашталевой, М. А. Шангиным, Н. В. Юшмановым, А. Ю. Якубовским, Я. С. Виленчиком, А. А. Семеновым.

Кавказ с его многонародным населением занимал всегда видное место в работах Академии. Значительнейшая часть исследо-

ваний по Кавказу за эти годы входит в круг работ Яфетического Института, о котором мы говорили выше, а также и основанного академиком Н. Я. Марром Кавказского Историко-Археологического Института; часть работ шла и по Кавказскому Отделу Комиссии по Изучению Племенного Состава Населения СССР, руководимому академиком Н. Я. Марром. Таким образом, кроме серий обще-академических, в которых помещаются работы по Кавказу, следующие две серии посвящены ему специально: Тексты и Разыскания по Кавказской Филологии и Известия Кавказского Историко-Археологического Института. Яфетический Сборник, как и Материалы по Яфетическому Языкознанию, в самой значительной степени посвящены также Кавказу. Несмотря, казалось бы, на столь значительное место, отводимое кавказским исследованиям, нам приходится постоянно слышать от главного руководителя этими исследованиями академика Н. Я. Марра и его сотрудников, что у них остаются под спудом ценнейшие материалы, опубликование которых могло бы быстро продвинуть вперед решение целого ряда важных кавказоведных вопросов. Здесь опять идет речь о материалах по языку и о словарных материалах. Академиком Н. Я. Марром поставлен вопрос об издании грузинского словаря, в котором чувствуется настоятельная необходимость. Под руководством академика Н. Я. Марра давно уже ведутся словарные работы не только по грузинскому, но и по целому ряду других языков Кавказа. Так, был напечатан любопытный сборник сванских названий деревьев и растений (1917). Самим академиком Н. Я. Марром было напечатано извлечение из сванско-русского словаря (1922); им же издан, на средства Абхазской Академии Языка и Литературы, абхазско-русский словарь (1926) и напечатана Академией „Грамматика древне-литературного грузинского языка“ (1925). Работы по Кавказу обнимают лингвистику, этнографию, историю с подсобными дисциплинами, историю литературы; в них участвовали печатными трудами, кроме главного руководителя, академика Н. Я. Марра: И. А. Орбели, академик В. В. Бартольд, И. И. Мещанинов, А. Н. Генко, академик И. Ю. Крачковский, И. Г. Франк-Каменецкий, В. И. Абаев, С. Тигранян, Д. П. Гордеев, В. Б. Томашевский, К. И. Костанянц, Н. Г. Адонц, Л. М. Меликсет-Беков, К. Д. Дондуа, Р. Р. Фасмер, Д. А. Кипшидзе, Е. С. Такайшвили, Ф. А. Розенберг,

А. Ониан, С. А. Таранушенко, Р. П. Блэйк и др. Академику Н. Я. Марру удалось выпустить новым изданием Brosset: „Histoire de la Géorgie“ (1923, I). Из этих работ можно указать—академик Н. Я. Марр: „Племенной состав населения Кавказа“ (1920), „Кавказские племенные названия и местные параллели“ (1922), „К изучению современного грузинского языка“ (1922); И. И. Мещанинов: „Идеограммы и детерминанты в халдских надписях“ (1924); академик В. В. Бартольд: „Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира“ (1925); А. Н. Генко: „Оксфордский фрагмент древне-грузинской версии Иеремии“ (1925); N. Marr: „Le Synaxaire Géorgien, etc.“ (Paris, 1926); А. Н. Генко: „Несколько образцов южно-дагестанского народного творчества“ (1927). Нельзя не отметить печального факта увоза в Тифлис целого ряда грузинских рукописей из Азиатского Музея (и Публичной Библиотеки). В свое время академик Н. Я. Марр дал оценку этому факту. Благодаря экспедициям, организуемым Комиссией по Изучению Племенного Состава Населения СССР и Яфетическим Институтом, поддерживается постоянная живая связь с Кавказом. Если бы возможности Академии по печатанию были больше, то многие материалы и исследования, которые лежат в портфелях наших академических кавказоведов, могли бы увидеть свет, и планы исследования кавказских народов, которые не раз намечались академиком Н. Я. Марром, могли бы найти себе гораздо более широкое выявление.

Дальний Восток, главным образом Китай, Монголия и культурно связанный с ними и с Индией Тибет, всегда играл видную роль в работах Академии; это имело место и за истекшее десятилетие. Экспедиции в Монголию в течение ряда последних лет дали богатый этнолого-лингвистический и археологический материал, причем у наших специалистов была постоянная связь с Бурят-Монгольской АССР и Монгольской Народной Республикой. Здесь необходимо отметить дары Монгольского Ученого Комитета в виде ряда ценных монгольских рукописей. Поездки ученых хранителей Азиатского Музея, профессоров В. М. Алексеева и Б. Я. Владимирцова, а также научных сотрудников Б. А. Васильева и Г. О. Монзелера, в Китай доставили разнообразные этнографические материалы и, кроме того, чрезвычайно пополнили книжные и рукописные собрания Азиатского

Музея именно новейшей китайской литературой. Вообще Дальне-Восточный Отдел Азиатского Музея за эти годы совершенно преобразился, и его громадные рукописные и печатные сокровища усиленно подвергаются исследованию. В настоящее время подготовляются к печатанию „списки" материалов и каталоги отдельных коллекций. Большая работа, произведенная по собиранию материалов по монгольской и бурятской народной словесности, не может, к сожалению, найти себе достаточного выявления, по недостатку средств на печатание; одних текстов имеется в Азиатском Музее примерно на 10 томов, лежащих здесь долгими годами, причем эти материалы имеют громадное историко-культурное значение. Так, например, профессор Б. Я. Владимирцов мог установить важнейший факт влияния индийской поэтики на народное словесное художественное творчество Монголии.

Члены и научные сотрудники Академии приняли ближайшее участие в устройстве в Петрограде в 1919 г. выставки по буддизму, причем академиками С. Ф. Ольденбургом и Ф. И. Щербатским и профессором Б. Я. Владимирцовым были напечатаны соответствующие очерки.

О. О. Розенбергом (ныне покойным) и В. М. Алексеевым собраны материалы по словарю китайского языка, которые будут использованы в предположенном Институтом Живых Восточных Языков в Ленинграде, под руководством профессора В. М. Алексеева, китайско-русском словаре. Много сделано сотрудниками Академии по составлению и печатанию переводов и памятников китайской, монгольской и тибетской литератур в Госиздате, во „Всемирной Литературе". Академиком Ф. И. Щербатским и, под его руководством, его учениками, сотрудниками Академии М. И. Тубянским, Е. Е. Обермиллером и А. И. Востриковым, ведется большая работа по тибетским буддийским текстам и по тибетской буддийской литературе. И здесь опять, за недостатком средств, только часть произведенной работы может быть напечатана. Значительное количество статей и отдельных трудов напечатано следующими сотрудниками в наших изданиях: В. М. Алексеевым, Б. Я. Владимирцовым, Н. Н. Поппе, академиком Ф. И. Щербатским, академиком С. Ф. Ольденбургом, О. О. Розенбергом, академиком В. В. Бартольдом, В. Л. Котвичем, Ц. Ж. Жамцарано, Б. Б. Барадийном, Ю. К. Щуцким, Е. Д.

Поливановым, М. И. Тубянским, А. И. Ивановым, Л. Я. Штернбергом, Е. Е. Обермиллером, Б. А. Васильевым. Из этих работ укажем некоторые по Китаю и Японии — В. М. Алексеев: „Бессмертные двойники и Даос с золотою жабою в свите бога богатств"; О. О. Розенберг: „Опыт кодификации идеографического элемента японского языка" (1918); В. М. Алексеев: „Китайская литература" (1920); В. Л. Котвич: „Маньчжурская литература" (1920); академик В. В. Бартольд: „Китайские источники о гуннах" (1923); В. М. Алексеев: „Судьбы китайской археологии" (1924); В. Л. Котвич: „К изданию Юань-чао-би-ши" (1925); B. Alexeiev: „Conférence sur quelques problèmes de la Chine moderne" (Paris, 1926); В. М. Алексеев: „Из области китайского храмового синкретизма" (1927); Ю. К. Щуцкий: „Даос в буддизме"; по Монголии и Тибету — Ц. Ж. Жамцарано: „Произведения народной словесности бурят" (1919, вып. III); В. Л. Котвич: „Русские архивные документы по сношению с ойратами в XVII и XVIII веках" (1919); Б. Я. Владимирцов: „Монгольская литература" (1920), „Монголо-ойратский героический эпос" (1923), „Тибетские театральные представления" (1923), „Монгольский сборник рассказов из Pañcatantra" (1925); „Этнолого-лингвистические исследования в Урге, Ургинском и Кентейском районах" (1927), „Надписи на скалах халхасского Цокту-Тайджи" (1926); Н. Н. Поппе: „О некоторых новых главах Гессер-хана" (1927).

Изучение Индии и культур, с нею связанных, всегда входило в круг занятий Академии. Ей Индия обязана знаменитым санскритским словарем академика Бетлингка и профессора Рота. За последние годы Индия и, особенно, буддизм — могущественное орудие культурного влияния Индии — заняли не малое место в ее работах. Академик Ф. И. Щербатской и его школа молодых буддологов производили большую работу по изданию, переводу и обработке индийских буддийских памятников, преимущественно философского содержания. Часть этих работ напечатана отдельно, часть в Bibliotheca Buddhica. Академиком Ф. И. Щербатским и его учениками ведется систематическая работа по подготовке словаря буддийских терминов — санскритского и тибетского. Первый выпуск этих материалов — работа Е. Е. Обермиллера: „Indices verborum sanscrit-tibetan and tibetan-sanscrit to the Nyāyabindu of Dharmakīrti and the Nyāyabinduṭīkā of Dharmottara" —

частью уже напечатан (1927), частью печатается. Продолжена работа по каталогизации ленинградских собраний индийских рукописей, начиная с 1914 г.; издан I выпуск каталога индийских рукописей Публичной Библиотеки, составленный М. Д. Мироновым (1928). В изданиях Академии и ее членами и сотрудниками по индологии напечатаны работы и статьи следующих авторов: академика Ф. И. Щербатского, академика С. Ф. Ольденбурга, М. И. Тубянского, Е. Е. Обермиллера, Б. Б. Барадийна, Б. Я. Владимирцова, А. М. Мерварт, Л. А. Мерварт, Н. Д. Миронова, А. П. Баранникова, А. И. Вострикова. Из них укажем — академик Ф. И. Щербатской: „Nyāyabindu — буддийский учебник логики, сочинение Дармакирти", санскритский текст (1918); он же и S. Lévi: „Sphuṭārthā Abhidharmakoçavyākhyā, the work of Yaçomitra" (1918, I); академик С. Ф. Ольденбург: „Жизнь Будды" (1919), „Индийская литература" (1919); Th. Stcherbatsky: „The soul theory of the Buddhists" (1919); академик Ф. И. Щербатской: „Философское учение буддизма" (1919); академик С. Ф. Ольденбург: „Организация археологического изучения Индии" (1923); академик Ф. И. Щербатской: „Дармакирти. Обоснование чужой одушевленности с толкованием Винитадева", перевод с тибетского (Памятники Индийской Философии, 1922); М. И. Тубянский: „Индийский национальный гимн", перевод с бенгальского, с объяснительной заметкой (1923); академик Ф. И. Щербатской: „Дандин. Приключения десяти принцев, роман", перевод с санскритского (1923); Th. Stcherbatsky: „The central conception of Buddhism and the meaning of the word Dharma" (London, 1923); Б. Б. Барадийн: „Статуя Майтреи в золотом храме в Лавране" (1924); академик Ф. И. Щербатской: „Научные достижения древней Индии" (1924); Б. Б. Барадийн: „Беседы буддийских монахов" (1925); M. Tubiansky: „On the authorship of Nyāyapraveça" (1926); Th. Stcherbatsky: „La théorie de la connaissance et la logique chez les buddhistes tardifs" (Paris, 1926); Th. Scherbatsky: „The conception of buddhist Nirvāṇa" (1927); академик Ф. И. Щербатской: „К истории материализма в Индии" (1927).

Мир так называемого Классического Востока и семитический мир, хотя и не занимают того же места в работе Академии, как и вообще среди наших востоковедов, какое занимают обозренные выше востоковедные дисциплины, но и им уделяется не

малое внимание. Следующие члены и сотрудники Академии печатали статьи по Классическому Востоку и семитическим народам: академик П. К. Коковцов, М. Н. Соколов, В. В. Струве, академик С. А. Жебелев, П. В. Ернштедт, С. Е. Винер, академик Б. А. Тураев, академик И. Ю. Крачковский, И. Ю. Маркон, И. И. Зарубин, И. Г. Франк-Каменецкий, Д. П. Цинзерлинг, Н. В. Юшманов, И. И. Мещанинов, Н. А. Мещерский, В. К. Шилейко. Из их работ мы укажем на следующие — S. Wiener: „Bibliotheca Friedlandiana. Catalogus librorum impressorum hebraeorum in Museo Asiatico Academiae Petropolitanae asservatorum. Fasc. VI et VII" (1918); академик Б. А. Тураев: „Египетская литература" (1920), „Коптская литература" (1920), „Абиссинская литература" (1920), „Финикийская литература" (1920); И. И. Зарубин: „О языке гератских евреев" (1924); P. Jernstedt: „Ein koptisches Ineditum der Eremitage" (Milano, 1925); Д. П. Цинзерлинг: „Геометрия у древних египтян" (1925); академик П. К. Коковцов: „Иосиф Галеви" (1926), „Заметки о еврейско-хазарских рукописях Кэмбриджа и Оксфорда" (1926).

Искусство Востока занимает крупное место в работах Академии, во-первых, потому что в собраниях Азиатского Музея и Музея Антропологии и Этнографии и других музеях Ленинграда имеется много образцов этого искусства и, во-вторых, потому что в истории культуры народов Востока искусство играет большую роль. Здесь мы сразу встречаемся с тем же обстоятельством, с которым уже встречались выше: нет средств печатать те материалы, которые ждут печатания уже годами. Так, например, о двух больших экспедициях академика С. Ф. Ольденбурга в западный Китай мог быть напечатан только один отчет с фототипическими и цветными таблицами и ряд статей, в то время, как для сколько-нибудь удовлетворительного издания этого материала необходимо не менее 10 томов большого формата и, по крайней мере, около 600 таблиц. В работе по истории восточного искусства участвовали следующие члены, сотрудники Академии и посторонние лица: академик С. Ф. Ольденбург, Ф. А. Розенберг, С. М. Дудин, В. М. Алексеев, академик И. Ю. Крачковский, В. А. Крачковская, А. А. Семенов и М. М. Гирс. Из их работ укажем — С. М. Дудин: „Техника стенописи и скульптуры в древних буддийских пещерах и храмах западного Китая" (1918); академик С. Ф. Ольденбург:

„Пещеры тысячи будд“ (1922); В. М. Алексеев: „Ван-Вей. Тайны живописи“, перевод с китайского (1923); Ф. А. Розенберг: „Об индо-персидской и ново-индийской живописи“ (1923); С. М. Дудин: „К вопросу о технике изразцовых мозаик Средней Азии“ (1925) и „Киргизский орнамент“; М. М. Гирс: „Сасанидское блюдо Казанского Музея из собрания А. Ф. Лихачева“; Ф. А. Розенберг: „Аристофан о персидских тканях“ (1927); сборник „Театр народов Востока“ (1927); В. А. Крачковская: „Мусульманское искусство в собрании Ханенко“ (1927).

В области изучения палеоазиатских народов невозможность напечатать большие накопившиеся материалы по языку, быту и народной словесности палеоазиатов и вообще народов севера и востока Сибири не позволила развернуть всю большую проделанную нашими учеными работу; так, бо̀льшая часть работы наших сотрудников Л. Я. Штернберга, В. Г. Богораза и В. И. Иохельсона все еще ждет издания. Печатали свои труды: В. Г. Богораз, Л. Я. Штернберг, В. И. Иохельсон (напечатавший кроме того ряд работ в Америке), Я. П. Кошкин, Н. Н. Поппе, Д. В. Бубрих. Укажем из этих работ на следующие — В. Г. Богораз: „О так называемом языке духов (шаманском) у различных ветвей эскимосского племени“ (1919); В. И. Иохельсон: „Опись фольклорных и лингвистических материалов В. И. Иохельсона, хранящихся в Азиатском Музее Российской Академии Наук. I. Алеуты“ (1918), „Материалы по изучению алеутского языка и фольклора“ (1923); Л. Я. Штернберг: „Культ орла у сибирских народов“ (1925) и др.

Мне пришлось лишь в самых кратких чертах обрисовать ту большую работу, какая проделана за десять лет несколькими десятками академических востоковедов. Даже этот краткий очерк показывает, что работа произведена большая.

С. Ольденбург.

РАБОТЫ ПО ИСТОРИИ ЗНАНИЙ

АКАДЕМИЯ Наук подходила в своей научной работе к вопросам истории знаний уже в первые десятилетия своего существования. Это не было случайностью. По сути вещей, все большие собрания ученых — особенно академии, объединяющие ученых разных специальностей и по идее охватывающие все знание—всегда проникнуты интересами и проблемами его истории.

Научная работа есть осознание действительности, выражение ее в формах законов разума. Такое осознание неизбежно требует постановки всякого достижения и всякой изучаемой проблемы в исторические рамки; мысль, в формах академической жизни, по сути вещей, направляется на искание в прошлом корней нового достижения, новой поблемы, связывает идущую в кругу академии работу со всей прошлой деятельностью человечества в той же области. Ибо только при этом условии возможно понять новое; в старине всегда новизна слышится.

Если в ходе научных открытий встречаются люди, раздвигающие рамки знания, но не чувствующие связи нового, ими достигнутого, с прошлой работой человечества, не могущие вследствие этого правильно оценить свои собственные достижения, то этого не может быть и не бывает в организациях ученых.

Характерной чертой академий является научное осознание ими научных проблем sub specie aeternitatis. Так выразить явления можно только в историческом аспекте, ибо в этом случае в нем выливается в человеческом сознании критическая оценка достоверности знания, основное условие, отличающее научное знание от других аналогичных форм духовных проявлений человеческой личности. Точный учет пределов достоверности есть

основа научного выражения явлений sub specie aeternitatis. А такое осознание, непрерывное из поколения в поколение, есть основа силы и значения академий в жизни народов. Чем оно полнее, тем глубже академия внедряется в окружающую жизнь.

В строе академий другое условие приводит к той же форме выявления их деятельности. Академии медленно и постепенно создались вековой жизнью; их корни тысячелетни; они таятся в дружеских „братствах", долгое время не принимавших устойчивых форм, подчиненных государственному укладу. Этот товарищеский, братский элемент неизбежно сохранился и в новых формах академий, созданных, главным образом, в середине XVII столетия, за два поколения до возникновения, два века тому назад основанной, Санкт-Петербургской Академии Наук. Смерть и избрание нового члена академического братства всегда являлись поводом оценки его научных исканий и достижений с той же самой точки зрения — sub specie aeternitatis.

В истории нашей Академии эти основы бытия сразу проявились чрезвычайно ярко и никогда не заглушались, даже в периоды замедления ее творчества, которые бывали несколько раз в первом столетии ее существования. Академия сразу заняла видное место в научной мировой организации XVIII века; ее создание было одним из очень крупных событий истории европейской мысли в первой половине XVIII века. Историческая значимость ее создания сознавалась как современниками вне России, во внегосударственной „Республике Наук", еще тогда очень сильной, так и в среде самой Санкт-Петербургской Академии Наук. Это выразилось в заботе о сохранении материалов для ее истории; в этом отношении наша Академия находится в лучшем положении, чем ее более старые прообразы—Парижская Королевская Академия Наук и даже Королевское Общество Наук в Лондоне. Трудами и усилиями первых академиков, среди которых выдвигаются в этом смысле фигуры Ф. И. Миллера (1705—1783) и отчасти Ж.-Н. Делиля (1688—1768), сохранены драгоценнейшие материалы для истории Академии, помимо все время тщательно собиравшегося ею самой научного архива. Научный ее архив собирался и сохранился не случайно. Ничто не делается само собою, без воли, мысли и труда хотя бы безымянных деятелей, и не случайно в нашем распоряжении оказался в XX веке такой драгоценный для истории науки архив, каким является

архив Академии Наук. С 1725 г. его организация была сознательной заботой академических деятелей на протяжении поколений. И хотя он не раз подвергался опасности распыления, он быстро вновь приводился в живое состояние. Не только сразу создался и охранялся архив, но и вся текущая жизнь Академии тщательно учитывалась в ученой печати в первые же ее десятилетия. Об этом заботились первые академики; они искали и нашли нужных для этого задания людей. Такова была особенно жизненная работа И. Г. Бакмейстера (умер в 1794 г.), А. Бюшинга (1724—1793), Л. И. Бакмейстера (1730—1806).

Ученый характер Архива Конференции Академии Наук был признан и ясно сказался в его организации только в XX веке, когда Непременным Секретарем Академии был избран академик С. Ф. Ольденбург. В 1922 г. Архив получил современное устройство, был переименован в Архив Академии Наук, и его задача окончательно определилась, как „хранение рукописных и печатных материалов по истории Академии и русской науки".

Недостаток средств, а отчасти и помещения, не позволял Архиву развить эту деятельность в тех размерах, какие требует суть дела. Сейчас он перешел в новое помещение, и одна из причин медленного проявления его работы таким путем кажется устраненной.

Работа нашего Архива, как всякого правильно научно поставленного архива, должна заключаться, с одной стороны, в научном издании хранящихся в нем памятников, а, с другой стороны, в научной работе, основанной на этих памятниках.

Архив Академии должен работать в двух направлениях — в области истории Академии и в области истории русской науки.

Он должен работать сам и должен помогать той же работе всех желающих. Помощь, оказываемая им научной работе, была широко поставлена во все эти годы. Работа же его, как целого, выражена слабо.

Работа Архива может или возникать в его среде, или исходить из Академии. Для самостоятельной работы он не имел и не имеет нужной организации. Но он оказывал все время помощь работе, вызванной заданиями Академии Наук.

Академия несколько раз подходила к большим предприятиям, требовавшим помощи Архива. К сожалению, они ни разу

не были доведены до конца. В изданиях Академии постоянно появляются новые многочисленные, часто драгоценные, исторические работы о прошлом Академии и историко-биографические оценки академиков; не раз начинались и большие систематические работы, но они все время прерывались. Так, прервалась со смертью академика П. П. Пекарского (1828—1872), его замечательная история нашей Академии Наук, построенная на биографической основе; она прервалась на биографии академика М. В. Ломоносова (1711—1765).

Никто не подходил с тех пор в таком широком и глубоком охвате к истории Академии. Лишь через много лет, по инициативе Президента Академии Д. А. Толстого (1823—1889) и академика М. И. Сухомлинова (1828—1901), эта работа была возобновлена в другой, более узкой форме: был издан ряд „Материалов для истории Академии Наук“ (до 1750 г.) и „Протоколы Конференции Академии Наук“ (до 1803 г.),

После нового долгого перерыва, Академия в 1912—1913 гг. вновь вернулась к организованному изучению своего прошлого, на этот раз последнего новейшего его периода (1889—1914 гг.), в связи с двадцатипятилетием деятельности ее тогдашнего Президента.

Издание это тоже не было закончено. Уже в последнее десятилетие были выпущены в свет отпечатанные том II: „Материалы для истории академических учреждений за 1889—1914 гг. Часть первая“ (Пгр., 1917) и том III: „Материалы для биографического словаря действительных членов Императорской Академии Наук. Часть вторая. М — Я“ (Пгр., 1917).

Вопрос об издании общего словаря академиков снова встал перед Академией ко времени ее двухсотлетнего юбилея в 1925 г., но пока не получил движения. Научное издание такого словаря является очередной задачей, так как оно должно дать огромный, первостепенный, частью неизвестный, частью рассеянный материал для истории науки в нашей стране.

В 1926 г. Академия постановила приготовлять к каждому своему годовому отчету исторический очерк жизни и деятельности одного из своих сочленов — по примеру Парижской Академии Наук и некоторых ученых обществ Запада. Это с течением времени должно пробудить интерес к истории научной мысли и помочь сохранению исторического материала, иначе

безвестно исчезающего. История Парижской Академии Наук это ярко доказывает.

Не получило завершения и другое начинание Академии, остановившееся в текущем десятилетии: предпринятое ею издание истории научных исканий в нашей стране — история русской науки. Оно было начато, по инициативе академиков С. Ф. Ольденбурга и А. С. Лаппо-Данилевского, в 1915 г., под влиянием вышедшего в это время сборника: „La science française", изданного при участии Institut de France. План этого издания был разработан в особом совещании под председательством академика А. С. Лаппо-Данилевского, который до самой своей смерти (1919) оставался его руководителем.

Это издание было отчасти вызвано психологией момента, когда народная совесть, в самых разнообразных ее проявлениях, была до глубины своей потрясена тяжелыми событиями мировой войны 1914 г. В это время почувствовалась та широкая волна научной работы и научного творчества, которая непрерывно подымалась в жизни нашего народа с шестидесятых годов прошлого столетия, и которая особенно ярко сказалась после 1905 г. Издание исторических очерков имело в виду не только интересы преходящего момента — пробуждение народного самосознания в эпоху кризиса — оно впервые должно было подвести итоги глубокому историческому процессу — росту, углублению и расширению научной мысли в среде нашего народа. Процесс этот современниками не сознавался и не оценивался в его значении.

К сожалению, в связи с тяжелыми условиями жизни в 1918—1920 гг., эта работа остановилась, хотя в 1921 г. и была сделана новая попытка ее возрождения в среде новой комиссии, возникшей в то время в Академии Наук — Комиссии по Истории Знаний.

Из доставленных и подготовленных рукописей некоторые, частью в расширенном виде, появились в печати, появляются в настоящее время или будут изданы. Так, напечатан труд профессора А. В. Васильева: „Математика. Выпуск 1. 1725—1826—1863" (Русская Наука. Отдел второй, Пгр., 1921); академика Е. Ф. Карского: „Очерк научной разработки русского языка в пределах СССР" (Сборник Отделения Русского Языка и Словесности, Лгр. 1926, CI, 1); академика К. Д. Глинки:

„Очерк истории русского почвоведения“ (Записки Ленинградского Сельско-Хозяйственного Института, Лгр., 1924, I); академика Б. А. Тураева: „Русская наука о Древнем Востоке до 1917 года“ (Труды Комиссии по Истории Знаний, Лгр., 1927, 3). Несколько других работ, в прежнем или переработанном виде, появятся, а другие были использованы их авторами для других изданий. Такова работа академика В. П. Бузескула: „Разработка греческой истории в России“ (Анналы, Пгр., 1924, IV).

Уже это показывает, что начинание Академии жизненно, и было бы важно, чтобы оно окончательно не замерло.

История русской науки и история научной мысли и научной работы в нашей стране вообще представляют особый интерес и имеют большое значение даже вне всякого отношения к жизни нашего Союза. Начавшийся с создания Академии и усилившийся в шестидесятых годах прошлого и особенно в начале этого столетия, рост научной мысли и научной работы в нашей стране является неразрывною и важною частью большого мирового процесса — роста науки в пределах западно-европейской цивилизации. Реальное его значение в этом общечеловеческом движении очень велико; оно гораздо больше, чем это сознают. История науки в XVIII—XX веках не может быть познана и изложена без истории русской науки, а для этого необходима большая исследовательская работа. Это — наша обязанность, которая в нужной степени еще не исполняется.

Одной из форм такой работы являются полные и снабженные научным историко-критическим комментарием издания сочинений крупных ученых и писателей — создателей культурной жизни народа. Эта последняя задача не только не безразлична для истории научной мысли, но необходима и неизбежна, так как научная мысль теснейшим образом связана со всеми остальными проявлениями духовного творчества человечества. Она от него отделима только в отвлеченном представлении.

Научная мысль творится в атмосфере интуиций великих писателей и глубоких созданий художественного творчества. Например, ясно и глубоко сказывается в истории научного творчества — через философскую мысль, от него неотделимую — характерное для европейского нового времени, XVII—XX веков,

проникновение в культурную жизнь инструментальной музыкой. Не случайны совпадения в их истории.

В частности, для нашей Академии, роль которой так велика в создании нашего литературного языка, которая явилась в работе над „Словарем" и в Разряде Изящной Словесности продолжательницей Екатерининской Российской Академии, и которая дала стране ряд классических изданий наших писателей— указанная работа входит глубоко в ее структуру. К сожалению, Академическая Библиотека Русских Писателей не продолжалась за последнее время, кроме одного тома полного собрания сочинений А. С. Грибоедова (1917, т. III, вып. 9). Чрезвычайно замедлилось, в силу различных обстоятельств, и издание сочинений А. С. Пушкина, которое будет, в конце концов, закончено. Издание научных сочинений академиков В. Г. Васильевского (1838—1899) и А. Н. Веселовского (1843—1906) задержалось, но будет продолжаться.

Наконец, после долгого перерыва, с начала войны возобновилось полное историко-критическое издание сочинений М. В. Ломоносова. Оно сейчас поручено двум академическим комиссиям—Комиссии по Истории Знаний и Постоянной Историко-Археографической Комиссии. Это издание было начато еще в XIX веке академиком М. И. Сухомлиновым и потребует большой работы, особенно потому, что касается той полосы нашей исторической жизни, первой половины XVIII века, в области которой сейчас замерла работа исследователей истории русского языка и словесности.

Академия Наук возобновила в истекшем десятилетии и другую форму изучения прошлого — устройство выставок, посвященных памяти творцов научного знания. Этим путем не только становится широко известным, глубоко проникает в народ знание о научной работе, шедшей в его среде или в среде человечества (что̀ является само по себе делом огромной важности); не только подводятся итоги нашего знания в изучении работы великих ученых и их времени, но открываются, собираются и спасаются драгоценные научные материалы, т.-е. устанавливаются новые эмпирические научные факты, касающиеся прошлого хода знаний.

В истекшем десятилетии, в январе 1927 г., Академия Наук впервые после 1911 г., когда ею была устроена выставка памяти

М. В. Ломоносова, организовала выставку памяти другого своего великого сочлена, академика К. М. фон Бэра (1792—1876). Выставка была организована Комиссией по Истории Знаний и прошла очень успешно как по ее посещаемости, так и по тому новому материалу, который она выявила для биографии К. М. фон Бэра и для характеристики его времени.

М. В. Ломоносов, Л. Эйлер, К. М. фон Бэр, по глубине и широте их влияния на ход западно-европейской цивилизации, на рост нашей культуры и на уклад нашей Академии, выделяются среди блестящей плеяды ученых, слагающих ее в непрерывном ряде поколений. Жизнь и творчество всех их и посейчас занимают научную мысль и вызывают научную работу: сочинения М. В. Ломоносова издаются нашей Академией; сочинения Л. Эйлера издаются в Базеле Швейцарским Научным Обществом при участии нашей и других Академий; в нашей среде идет работа по изучению К. М. фон Бэра и выявлению его личности в истории нашей научной работы.

Эта работа идет в новой комиссии Академии Наук, являющейся ее новым созданием и посвященной всецело изучению истории знаний. Комиссия по Истории Знаний была организована еще в 1922 г., но ее деятельность проявилась лишь в 1926 г.

При ней были образованы подкомиссии: по изучению научной деятельности К. М. фон Бэра (и Академии его времени) и по изданию сочинений М. В. Ломоносова.

В открытых заседаниях Комиссии (по повесткам) за этот год сделан членами Комиссии ряд докладов, посвященных истории знаний как в нашей стране, так и за ее пределами. Часть этих докладов печатается в Трудах Комиссии, которых вышло несколько выпусков, и материал для которых быстро растет. Напечатаны и печатаются: „Мысли о современном значении истории знаний“ академика В. И. Вернадского; „Первый сборник памяти Бэра“ (статьи академика В. И. Вернадского, М. М. Соловьева и профессора Э. Л. Радлова); „Русская наука о Древнем Востоке до 1917 года“ покойного академика Б. А. Тураева; „Очерк истории русской географической науки“ профессора Л. С. Берга; „В. О. Ковалевский по его переписке“ профессора А. А. Борисяка.

В связи с Комиссией, под редакцией Непременного Секретаря Академии, печатаются с 1927 г. Очерки по Истории Знаний.

Вышли и печатаются сборники, посвященные Ньютону, Кастрену и Бертело.

Комиссия по Истории Знаний приступила к изданию в своих Трудах материалов для истории науки в России. Сейчас идет работа над перепиской А. О. и В. О. Ковалевских (профессор А. А. Борисяк и В. А. Чистович), над рукописями, связанными с экспедицией Беринга (профессор Л. С. Берг), и астрономическими текстами XV века (профессор В. Н. Бенешевич).

Деятельность Комиссии только что налаживается, но уже сейчас выяснилась необходимость и возможность создания Музея по Истории Знаний, имеющего задачей, главным образом, создать и сохранить материальный научно собранный архив по вековой работе нашего народа и нашей страны в области научных и научно-технических исканий.

Комиссия по Истории Знаний и будущий ее Музей являются единственными в Союзе ССР организациями этого рода.

Академия, создавая названную Комиссию, вступила на новый для нашей страны путь научных исканий. Она идет сейчас в могучем потоке научной мысли, связанной с расцветом истории научных исканий и с пробуждением к ней действенного интереса, который за последние десятилетия наблюдается в Западной Европе, в Северной Америке и в древних цивилизованных обществах Азии — во всем человечестве.

Пробуждение этого интереса не случайно; оно связано с глубоким вселенским переворотом в научных представлениях о мироздании, переворотом, свидетелями и деятелями которого являются наши поколения.

В. Вернадский.

ЭКСПЕДИЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

ЭКСПЕДИЦИОННАЯ деятельность Академии Наук СССР основывается на ее старых традициях, восходящих еще к началу XVIII века, когда смелые экспедиции Мессершмидта на восток Сибири впервые положили начало научной экспедиционной работе в России. С тех пор прошло двести лет, и за истекший период отдельными порывами развивалось в стране экспедиционное дело. Особенно вторая половина XVIII века выявила громадное значение этого метода исследования не только в области практических проблем познания страны, ее населения и природных богатств, но и в области построения самой науки, завоевывания новых фактов, накопления описательного и музейного материала. В этих исторических экспедициях конца XVIII века на полевой работе создались имена Палласа, Лепехина, Гильденштедта, Германа и многих других, и было бы исторической ошибкой не оценивать значения этих работ в истории всей науки и культуры нашей страны.

К таким же историческим задачам подошла и новая Россия — Союз ССР, потребовавший пересмотра старых основ хозяйственного строительства и наметивший задачей своей работы — поставить в основу науки, жизни, культуры и промышленности трезвое понимание всей обстановки страны, реальный факт, правильно наблюденный, правильно понятый и правильно связанный с другими фактами. И, наравне с этими большими научно-практическими проблемами нашего времени, экспедиционная деятельность широко охватила и научную мысль теоретика-естествоиспытателя, для которого изучение природных явлений, географического ландшафта, геоботаники, геофизики и геохимии наметило совершенно новые теоретические проблемы.

ЭКСПЕДИЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Вопросы сейсмологии и геофизического изучения земной поверхности, геохимическая задача исследования соляных озер и минеральных источников, отвлеченные проблемы изучения проникающего космического излучения на разных высотах, равно как наблюдение над деформацией земного шара, потребовали не только особых своеобразных экспедиционных работ, но и согласования их с исследованиями постоянных научных центров. Этим наметилась совершенно новая черта экспедиций последнего времени, создающих в результате своих работ новые формы стационарной научной работы.

Общий обзор экспедиций Академии Наук СССР. В пределах плановых научных заданий, поставленных Академией Наук для своей экспедиционной деятельности, Академия ежегодно посылает в разные районы страны с исследовательскими целями отдельных научных сотрудников Академии; кроме того, она организует для усовершенствования научных дисциплин, занимающихся изучением естественно-исторических и этнических сил, экспедиции научно-исследовательских академических учреждений и, наконец, производит комплексные экспедиционные работы по всестороннему изучению естественных производительных факторов и населения Союзных и Автономных Республик. В этой работе она ставит себе задачей содействие, на почве научных исследований и изучения местных бытовых и природных условий, культурно-хозяйственному строительству как отдельных, в особенности, далеких окраинных молодых Республик, так и всего нашего Союза.

Для осуществления столь широких, ставящихся в настоящее время не только уставом и планом работ Академии, но и самою жизнью, научных задач экспедиционного характера, связанных с выездом большого числа сотрудников Академии на полевые работы в разные, часто весьма отдаленные, местности, Академия пользуется не только научным составом академических учреждений, но, при неимении в них соответствующих или свободных специалистов, привлекает временно к своей экспедиционной работе и квалифицированных сотрудников других исследовательских учреждений. В частности, она использует научных работников Государственного Института Опытной Агрономии, Геологического Комитета, Института Прикладной

Ботаники, Гидрологического Института, Главного Гидрографического Управления и пр., каждый раз по особому соглашению с названными учреждениями как об откомандировании необходимых для экспедиции сотрудников, так и о порядке распределения и обработки собранного материала и опубликования добытых новых данных. Наряду с этим, Академия Наук участвует в экспедиционных работах других государственных учреждений, прикомандировывая к их экспедициям сотрудников Академии за счет академических кредитов. Для ведения исследовательских экспедиционных работ в Союзных и Автономных Республиках привлекаются, кроме научно-авторитетных руководителей по выбору Академии Наук, по возможности, также и местные квалифицированные научные силы и студенты местных высших учебных заведений, причем таким путем осуществляется подготовка научных работников, которые могли бы в дальнейшем самостоятельно продолжать дело исследования территорий и природных богатств своих Республик.

Даже тяжелые годы войны и начала революции не прерывали экспедиционной работы Академии. С первых же лет начавшегося процесса восстановления хозяйственной жизни страны особенно резко проявилась широкая потребность в самых разнообразных экспедиционных исследованиях, направленных на изучение етественных производительных сил и на содействие их использованию. Однако, тяжелые условия первых лет не позволяли Академии ответить на этот крик самой жизни, и, при ничтожных в то время средствах Академии, отпускаемых на экспедиционную работу, приходилось чрезвычайно внимательно взвешивать важность и срочность вставших перед Академией исследовательских заданий.

В ближайшие затем годы экспедиционные исследования Академии Наук, по мере укрепления хозяйственной жизни Союза, развернулись еще шире. В 1923 г. создана была при Совете Народных Комиссаров СССР, также при участии Академии Наук, специальная Комиссия по комплексному исследованию Монголии и Танну-Тувы. Вместе с тем, Академия на свой страх приступила к организации, совместно с Уралпланом, многолетней экспедиции по всестороннему изучению Северного Урала. Поднятый самой Академией в 1924 г. вопрос о восстановлении исследования северо-востока Сибири привел, в связи

с последовавшим по тому же поводу обращением к Академии Якутской АССР, к созданию при Академии еще одной особой Комиссии — по исследованию Якутии.

Общее расширение, в связи с запросами самой жизни, научных исследовательских работ Академии Наук вызывало и дальнейшее развитие академических экспедиций (осуществленных Академией в 1925 г. уже в числе 12) и давало огромный научный материал, опубликовывавшийся в изданиях Академии. В том же 1925 г. Академия Наук снова принимала участие в исследовании Монголии и, закончив организацию комплексной Якутской экспедиции, приступила к осуществлению биологического и геоморфологического обследования Алданского плато и, частью, Верхоянского хребта, а также, по согласованию с Народным Комиссариатом Здравоохранения, к врачебно-санитарному обследованию Вилюйского округа.

С конца 1925 г. к Академии Наук, в связи с объявлением ее, по постановлению Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров СССР от 27 июля 1925 г., Всесоюзной, стали все чаще и чаще обращаться за научной помощью отдельные Союзные и Автономные Республики. Поступили заявления Казакской и Бурят-Монгольской АССР об оказании содействия в деле их научного исследования, с конкретными предложениями организовать необходимые обследования всей их территории. В то же время Управление Делами Совета Народных Комиссаров СССР обратило внимание на малую изученность крайнего северо-востока Азии — Чукотского полуострова.

Учитывая обращения названных Республик и имея в виду несомненную скудость научных материалов, на которую они натолкнулись в своих стремлениях планомерного поднятия хозяйства, Академия Наук признала государственно необходимым помочь отдельным Республикам, особенно окраинным, организацией на их территориях широких обследований, соображаясь при этом, помимо прямого научного значения последних, и с практическими запросами народного хозяйства и культурного строительства этих молодых государственных образований.

С этой целью в начале 1926 г. был организован в составе Академии — наряду с предполагавшей регулировать экспедиции академических учреждений Комиссией по Научным Экспедициям — Особый Комитет по Исследованию Союзных и Авто-

номных Республик (ОКИСАР). Комитет этот прежде всего установил тесную связь не только с академическими учреждениями, ведущими экспедиционную деятельность, но и с целым рядом иных высших научно-исследовательских учреждений, а также с отдельными учеными специалистами, и за первые же полгода своего существования сумел наметить и отчасти развить конкретную работу по обследованию Республик — Казакской, Туркменской, Таджикской, Бурят-Монгольской и Карельской.

Характер этих научных исследований прежде всего определялся практическими запросами культурно-хозяйственного строительства молодых Республик, причем в этих своих экспедициях Академия стремилась к созданию на местах культурных и научных центров — национальных научных библиотек и музеев — с предоставлением им коллекций и материалов, собираемых экспедициями.

Только что истекший год полевых исследований принес очень крупное их расширение и углубление, и хотя сейчас результаты этих работ еще не могут быть полностью учтены, тем не менее они уже и теперь рисуют нам масштаб экспедиционных работ последнего года.

В 1926/1927 г. Академия организовала по разным академическим учреждениям 44 экспедиции, причем Комиссия по Изучению Якутской АССР, продолжая осуществление своего пятилетнего плана работ, направила в Якутию целый ряд отрядов. Сверх того, производится, совместно с Академией и под ее руководством, на средства Уралплана, комплексное исследование Северного Урала; организованы этнографические экспедиции в Олонецкий и Повенецкий районы Карельской Республики; в Чувашскую Республику направлены были две экспедиции: почвенная и геологическая; в Закавказской Федерации, в Армении, по ходатайству состоящей при Совете Труда и Обороны СССР Комиссии по обследованию хлопководческих районов Закавказья, начата была в истекшем году особая экспедиция, под общим руководством академика Ф. Ю. Левинсон-Лессинга. Академия взяла здесь на себя непосредственное ведение геологических и гидрологических работ в районе озера Гокчи и Алагеза, в целях содействия научным исследованиям по разрешению проблемы орошения годных для хлопководства засушаемых земель Армении и, в частности, для использования озера Гокчи

Схематическая карта
ЭКСПЕДИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
Академии Наук
Союза Советских Социалистических Республик
за 1917—1927 гг.

Масштаб 1:16000000

100 0 160 320 480 640 800 960 километ.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ ЭКСПЕДИЦИЙ и КОМАНДИРОВОК.

Комплексные	Биологические
Физические, химические и газовые	Этнолого-лингвистические и историко-культурные
Гидрологические и метеорологические	Антропологические, этнографические и медико-санитарные
Геологические, минералогические и палеонтологические	Статистико-экономические
Геоботанические и почвенные	

Маршруты экспедиций обозначены соответствующим пунктиром

Ленинградский Гублит № 14886. Тир. 2000 экз. ИЗДАНИЕ АКАДЕМИИ НАУК С.С.С.Р

Тип. Карт. Инст. НКП ВС-НХ СССР
Картографич. Ленинград. Кропоткин. 2.

как в целях ирригации, так и для задач энергетики и рыбного хозяйства.

Казакстанская экспедиция еще более широко развернула свою деятельность, охватив главнейшие районы нового хозяйственного строительства Республики. С одной стороны, ряд отрядов (почвенных, геоботанических и статистико-экономических) продолжал подготовку материалов для проведения широких мероприятий по землеустройству, а с другой, велись работы по изучению животноводства и минеральных богатств в районе новой столицы Республики, Алма-Аты, и, наконец, всесторонне изучались отдельные виды минерального происхождения с целью создания базы для индустриализации страны.

Пока еще не закончены, но начинают приобретать широкий размах работы сейсмического, гидрологического и, отчасти, геологического характера по линии строющейся Туркестано-Сибирской железной дороги, в связи с теми задачами большой государственной важности, которые связаны с постройкой новой сибирской магистрали и вовлечением в экономическую жизнь новых богатых районов Семиречья.

Сводка сведений об экспедициях. За истекший десятилетний период Академией Наук было предпринято свыше 280 экспедиций и отдельных более крупных научных командировок, причем в приводимой ниже таблице они и сведены, правда, в весьма несовершенной и схематической форме. Условность этой таблицы связана с тем, что в ней объединены в цифровой форме весьма разнородные элементы экспедиционной деятельности: и небольшие научные командировки, и большое количество экспедиций со многими группами работ и многими исследовательскими отрядами. Вместе с тем, весьма условным и не всегда точным является распределение экспедиций по специальностям, ибо очень часто к отдельным отрядам определенного назначения присоединялись специалисты по другим дисциплинам, что осталось неотмеченным в настоящей общей сводке.

Тем не менее сводка эта позволяет сделать ряд весьма существенных выводов. Прежде всего, из нее мы видим, что в экспедиционной деятельности Академии последних лет можно наметить три периода. Первый, с 1918 по 1923 г. — когда материальные условия академической работы и общее состояние страны

НАУЧНЫЕ ЭКСПЕДИЦИИ и КОМАНДИРОВКИ по АКАДЕМИИ НАУК СССР с 1919 по 1927 г.

Задачи	1919 г.	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.	Всего
Геологические, минералогические, геофизические, палеонтологические . .	2	3	4	5	7	13	21	16	14	85
Гидрологические; соляные озера . .	—	2	2	1	—	—	7	5	7	24
Почвенные (и сапропелевые)	—	—	—	—	—	6	11	5	7	29
Ботанические	—	—	—	—	1	9	6	5	5	26
Зоологические	—	1	1	—	7	8	7	7	6	37
Этнологические и археологические .	4	—	—	—	—	5	4	10	13	36
Лингвистические	—	—	—	—	—	5	7	2	4	18
Антропологические, статистические, экономические	—	—	—	—	—	—	2	5	3	10
Комплексные и общие	1	—	1	—	1	—	1	5	6	15
Общее число экспедиций . . .	7	6	8	6	16	46	66	60*	65*	280

* Фактическое количество исследовательских партий значительно больше, так как принималось во внимание лишь число основных общих отрядов и групп.

Области	1919 г.	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.	Всего
Полярные районы, Карелия	1	2	4	2	4	4	6	5	3	31
Европейская часть СССР (включая Крым)	4	4	2	1	5	22	22	13	16	89
Кавказ (Закавказье и Северный Кавказ)*	—	–	—	—	—	4	8	4	10	26
Урал	—	—	—	—	1	3	6	2	3	15
Казакская АССР, Туркестан	2	—	1	1	2	5	8	10	10	39
Сибирь	—	—	1	1	3	5	11	17	18	56
Монголия и Танну-Тува	—	—	—	1	1	3	5	9	5	24
Общее число экспедиций . . .	7	6	8	6	16	46	66	60	65	280

1919 г. Начало изучения Курской Магнитной Аномалии. Экспедиция на Карабугаз. — *1920 г.* Начало Хибинских экспедиций на Кольском полуострове. Начало участия в Олонецких экспедициях. — *1921 г.* Начало Метеоритной экспедиции. Продолжение изучения Курской Магнитной Аномалии. — *1922 г.* Начало Монгольских экспедиций Геологического Музея. Продолжение Метеоритной экспедиции. — *1923 г.* Экспедиция на реку Пур (совместно с Русским Географическим Обществом). Продолжение северо-двинских раскопок. — *1924 г.* Начало Монгольских экспедиций (комплексных). Тургайская Палеонтологическая экспедиция. Батогольская Минералогическая экспедиция. Экспедиция на Маточкин Шар. Начало систематических почвенных работ. — *1925 г.* Начало Якутской экспедиции. Первая Каракумская экспедиция. Начало Северо-Уральских экспедиций. Начало изучения соляных озер Крыма. — *1926 г.* Начало Гыданской экспедиции. Начало Казакстанской экспедиции (комплексной). Вторая Каракумская экспедиция. — *1927 г.* Продолжение Гыданской экспедиции. Развитие комплексных экспедиций. Начало обследования ССР Армении, Чувашской АССР, Семиречья.

* Целый ряд поездок и экспедиций, вошедших в настоящий расчет, были предприняты Кавказским Историко-Археологическим Институтом.

не позволяли развивать экспедиционной деятельности. Второй, переходный период 1924 и 1925 гг.—когда внешние объективные условия Союза давали уже полную возможность развития экспедиционных работ, но условия финансирования еще не позволяли этого; поэтому заметно повысившиеся в этот период цифры экспедиционных исследований в значительной степени относятся к единоличным командировкам, которые имели, однако, очень важное значение, восстановив связи академических деятелей со страной и дав возможность наметить пути и задачи последующих экспедиций. Наконец, третий период охватывает начало крупных экспедиционных работ Академии, расширившихся в сторону возможно полного научно-комплексного исследования отдельных территорий Союза.

Из этой же таблицы мы можем сделать и ряд других очень интересных выводов: постепенное усиление к концу истекшего десятилетия этнографических, лингвистических и экономико-технических экспедиций; начиная с 1924 г., постепенное расширение почвенных полевых работ и укрепление целого ряда работ гидрологического и гидрогеохимического характера. Столь же интересно некоторое изменение и районов работ. Если в годы трудных условий сообщений, главное внимание при командировках и экспедициях было направлено в наиболее доступные для Ленинграда районы, то в последние годы стало увеличиваться число экспедиций на Кавказ, в Туркестан и, особенно, в Сибирь. Вместе с тем, полярные работы приняли более систематический характер, развиваясь из небольших случайных исследований в большие правильно организованные многолетние экспедиции.

Типы экспедиционной работы. За истекшие десять лет экспедиционной работы наметился ряд ее типов, связанных с особенностями поставленных задач.

1. Наиболее распространенной формой полевой научной деятельности являются научные командировки определенных лиц в определенные пункты для определенных научных задач, научно-технической экспертизы, сбора материала и пр. При отсутствии достаточных материальных средств в 1924 и 1925 гг., такие командировки, с весьма скромным их финансированием, заменяли экспедиции или часто являлись как бы рекогносцировочными.

2. Второй тип работы сводится к отдельным экспедициям с определенными научными целями для разрешения отдельных научных вопросов, сборов научного и музейного материала. Эти экспедиции были тесно связаны с научной деятельностью самих учреждений, являясь нередко продолжением и развитием тех работ теоретического характера, которые в них велись.

3. Третью группу работ представляют экспедиции в отдельные районы Союза, носившие систематический характер и в организованном порядке повторявшиеся в течение ряда лет. Таковы: а) Олонецкие экспедиции Зоологического Музея, которые, совместно с Гидрологическим Институтом, начиная с 1920 г., в течение ряда лет изучали Онежский край в гидрологическом, гидробиологическом и географическом отношениях; б) Хибинские экспедиции Минералогического Музея, которые, входя в состав Северного Научно-Исследовательского Института при Научно-Техническом Управлении ВСНХ, начиная с 1920 по 1927 г. (9 экспедиций), ежегодно работали по географическому, геологическому и геохимическому обследованиям центральных частей Кольского полуострова; в) полевые работы по изучению в гравитационном и, частично, магнитном отношениях района Курской Магнитной Аномалии (начиная с 1919 г.); г) Монгольские экспедиции Геологического Музея, производившие с 1922 по 1927 г. систематическое изучение геологии Западной Монголии, и *д*) Крымские Соляные экспедиции Института Физико-Химического Анализа при Комиссии по Изучению Естественных Производительных Сил СССР и др.

4. Большие многолетние экспедиции сравнительно редко имели место в экспедиционной практике Академии; такой была, например, двухлетняя Гыданская экспедиция Ботанического Музея.

5. Развитие комплексных экспедиций по изучению определенных территорий началось сначала с чисто географических экспедиций преимущественно в полярные районы и перешло затем в систематическое изучение отдельных Республик, причем имелось в виду, главным образом, исследование естественных производительных сил, как базы для хозяйственного строительства. К первому типу комплексных экспедиций можно отнести: Северо-Уральскую, организованную Ботаническим Музеем совместно с Уралпланом, и Пурскую и Гыданскую в полярной Сибири;

ко второму: Якутскую, Казакстанскую, Чувашскую, отчасти Карельскую и Туркменскую, а за пределами нашего Союза — Монгольскую и Танну-Тувинскую.

Нужно сказать, что в понятие комплексных экспедиций вкладывалось нередко представление об обследовании одним общим отрядом, составленным из разных специалистов, идущих по одним и тем же маршрутам. Такое представление, однако, неправильно, и опыт работы академических экспедиций последних пяти лет показал, что комплексность их заключается не в совместной работе, а в координированной, взаимно согласованной, совместной программе.

6. Наконец, очень интересный тип экспедиционных работ был выдвинут работами последнего времени. Длительные экспедиционные работы в определенных районах неизбежно в результате своей деятельности переходят к организации своих местных исследовательских станций, как баз для более систематического и углубленного научного исследования. Такова Байкальская Станция, организованная в связи с Байкальскими экспедициями; Каракумская Метеорологическая Станция, организуемая ОКИСАР в Каракумах после двух лет экспедиций в этой пустыне; намечающаяся Хибинская Станция в Хибинских Тундрах и т. д.

Труды экспедиций. Опубликование результатов научных работ экспедиций составляет одно из больных мест нашей научной литературы, и мы сейчас могли бы привести список крупнейших по заданиям научных экспедиций, которые не опубликовали своих отчетов и этим свели результаты своих работ к нулю.

Академия Наук, ввиду этого, поставила своей особой задачей весьма внимательное изучение этого вопроса и, одновременно с расширением экспедиционной деятельности, перешла к весьма быстрому и систематическому печатанию хотя бы кратких предварительных отчетов. В 1925 г. эти отчеты были включены в общий годовой отчет Академии в виде отдельной главы; в 1926 и 1927 гг. они уже составляют отдельные томы годовых отчетов, которые на 20 печатных листах сводят основные результаты экспедиционной работы. Однако, и эта форма не всегда могла оказаться достаточно быстро и планомерно разрешающей поставленную задачу, почему Академия Наук, начиная с 1926 г.,

приступила к изданию, два раза в месяц, специального Осведомительного Бюллетеня, предназначенного преимущественно для более широкого читателя и дающего последние сведения о ходе отдельных экспедиций и об обработке их материала.

Что касается опубликования основных материалов экспедиционной работы, то они печатаются в различных изданиях и в различных сериях. Результаты чисто научных работ входят в соответствующие издания академических учреждений (например, по минералогии — в Труды Минералогического Музея, по ботанике — в Труды Ботанического Музея и т. д.). Крупные комплексные экспедиции имеют свои отдельные издания. Так, Монгольская экспедиция издала отдельную брошюру-сводку и два первые тома своих работ; Якутская издала 20 выпусков Материалов и 12 томов Трудов, а также закончила печатание большого тома „Якутия" с описанием современного состояния страны. Столь же разносторонне развернулась за последний год издательская деятельность ОКИСАР, опубликовавшего: по Туркменской серии 1 выпуск, по Казакстанской — 11 выпусков, по Бурят-Монгольской — 1 выпуск и печатающего: по Туркменской серии — 1 выпуск, по Казакстанской — 4 выпуска, по Закавказской — 1 выпуск и вне серий — 1 выпуск.

Эти систематические серии больших комплексных экспедиций не только, однако, имеют целью печатание результатов самих экспедиционных работ, но опубликовывают и ранее существовавшие и ненапечатанные рукописи по тем или иным изучаемым ныне областям.

Очень большая работа экспедиционного издательства связана с изданием картографического материала. С одной стороны, издаются бланковые карты отдельных территорий (например, Туркестана, Казакстана), а с другой — карты гипсометрические (Казакстан, в масштабе 40 *кл* в 1 *см*), геологические, почвенные и пр. (Туркестан, 100 верст в дюйме и т. д.). Наряду с этим, идет подготовка картографического материала по Якутии и, особенно, по Туркменистану, с целью составления новой гипсометрической карты Каракумской пустыни.

Нарисованная выше картина научно-экспедиционной деятельности Академии показывает насколько необходимо в настоящее время расширение полевых исследовательских работ, и

насколько экспедиционная деятельность отвечает потребностям страны и современной науки. Последние пять лет интенсивной работы в этом направлении выяснили, что организация экспедиционного дела необычайно сложна, и что оно может развиваться лишь в определенной постепенности. Опыт прошлого показал, что в большой исследовательской работе не может быть и не должно быть трафаретов. Так, на трех примерах, Якутии, Казакстана и Туркмении, можно видеть, как различно складывается научное обследование каждой из этих стран. Особенности природы и быта, различия в постановке проблемы, степень исследованности данной области, все это заставляет различно строить исследовательскую работу: кабинетная сводка полувекового исследования в Туркмении, маршрутное изучение редкими узкими линиями в Якутии, работы по площадям в Казакстане. Для каждого района вырабатывается свой план, и было бы гибельным для дела попытаться приложить один общий трафарет для всей страны. И если невозможен такой трафарет при организации экспедиций, более или менее одинаково построенных по своим целям, то еще менее возможна единая общая схема для построения вообще научных экспедиций, преследующих свои собственные научные задачи.

Второй вопрос, который выдвинут академической работой последних лет, это — необходимость подготовить для экспедиционного метода научной работы самого исследователя, ибо сейчас совершенно ясно, что полевым работником может быть не всякий, и что для успеха экспедиций выработка сильных исследователей составляет задачу первостепенной важности. Эта задача одинаково важна и сложна как в деле чисто научных экспедиций, так и в тех научно-хозяйственных работах, которые ведет Академия в отдельных Республиках. Здесь особенно важно подготовить не отвлеченного, чуждого жизни теоретика, а исследователя, научившегося чутко прислушиваться к построению хозяйственной и политической жизни страны, увлекшегося широтой и красотой задачи — дать материалы для широкого государственного строительства наших Республик. Вокруг привезенных экспедициями материалов в институтах Академии начинается научная работа, и молодые люди втягиваются в вопросы, связанные с Якутией, Казакстаном; намечаются новые задачи, новые интересы, и на материале экспедиций растут новые силы.

Эти же силы растут и на местах. Втягиваясь в общую работу, молодые узбеки, туркмены, якуты постепенно вырастают в молодых ученых, исследователей родного края; создаются местные музеи и библиотеки. Задачей экспедиций является, прежде всего, будить мысль и создавать культурные силы и культурные центры на местах. Якутия уже может гордиться теми 30.000 томов научной литературы, которые были собраны академической Комиссией; по тому же пути идет работа и в Казакстане, и в Туркмении.

Третья особенность академических экспедиций последних лет заключается в увязке научной работы исследователей с местным краем и в выработке форм тесной совместной деятельности. Вместо временных и случайных командировок из центра, опыт этих лет выработал совершенно новые формы взаимоотношений, и экспедиции сейчас являются органическим развитием тех работ и тех задач, которые ставит сама местная жизнь и местное население.

Развитие академической экспедиционной деятельности отвечает назревшим потребностям и отвлеченной научной мысли, и практического строительства страны. Не без ошибок и не без увлечений строилось за последние годы это большое государственное дело Союза. Намечаются формы организации, прорабатывается экспедиционная методика, подготовляются кадры новых работников, ставятся новые задачи и цели.

На этом пути перед Академией Наук стоит ряд еще очень важных проблем. Объединение всей значительной экспедиционной деятельности Академии в одном органе — Особом Комитете по Исследованию Союзных и Автономных Республик — позволит планомерно и в строгой увязке с другими государственными учреждениями развивать научную деятельность; усиление издания бюллетеней и трудов экспедиций облегчит претворение в жизнь их результатов. И в том, и в другом направлении стоит еще одна важная задача — более тесная увязка научных достижений с потребностями промышленности и хозяйства и умение возможно полно и скоро использовать научные результаты экспедиций для хозяйственного и культурного развития Союза.

А. Ферсман.

МУЗЕЙНОЕ, ВЫСТАВОЧНОЕ И ЛЕКЦИОННОЕ ДЕЛО

АКАДЕМИЯ Наук СССР является не только чисто научным учреждением, которое прорабатывает основные проблемы науки и научно-прикладного знания в своих лабораториях, институтах и комиссиях: она — общественная организация, связанная со всей страной, с делом просвещения рабоче-крестьянских масс и со всей ученой средой Союза. Эта связь научного учреждения с государственными, общественными и учеными кругами осуществляется Академией в трех основных направлениях: во-первых, в издательской деятельности, дающей ежегодно около одного миллиона листов-оттисков изданий, по большей части, чисто научного и, лишь отчасти, научно-популярного характера; во-вторых, в полевой экспедиционной работе, охватывающей почти всю территорию Союза, и, наконец, в третьих, в музейной, выставочной и лекционной деятельности, представляющей большое дело Академии, развивающееся за последние годы в широком масштабе и по новым линиям.

Именно этой последней стороне деятельности Академии Наук и посвящается настоящая статья.

Музеи. Музеи Академии Наук, еще согласно старым академическим традициям, не являются просто местом хранения и накопления научного материала, а представляют такие научно-исследовательские институты, в которых сочетается научная работа с просветительными и научными выставками, и где само выставочно-музейное дело служит одним из методов научной работы. Ввиду этого, деятельность академических музеев оказывается весьма многосторонней, охватывая и полевые экспедиции, и лабораторные работы, и мастерские. Сами выставочные

помещения являются своего рода научными лабораториями, в которых вырабатываются приемы научного сопоставления, где сравнительный метод анализа явлений природы выявляет новые их стороны в освещении этого метода. Изменение научных подходов и новые идейные начала постоянно изменяют выставки музеев; их задачи растут и ширятся по мере роста самой науки, и, потому, в академическом музее не могут быть и не должны быть застывшими выставочные формы. Кружки, лекции, временные выставки и демонстрации являются с этой точки зрения основными элементами музейного строительства в Академии.

Музеями в полном смысле этого слова, в которых музейное дело стоит в центре научной работы, в Академии являются семь учреждений: Геологический Музей, Почвенный Музей при Почвенном Институте имени В. В. Докучаева, Минералогический Музей, Зоологический Музей, Музей Антропологии и Этнографии, Пушкинский Дом и Музей Палеографии.

Отдельные музейные отделы и временные или постоянные выставки имеются также в Библиотеке (постоянная выставка редких изданий, выставка новых изданий), в Физико-Математическом Институте имени В. А. Стеклова (выставка старых приборов), в Азиатском Музее (выставка восточных рукописей и миниатюр), в Севастопольской Биологической Станции (Аквариум и Музей Черного Моря), в Постоянной Комиссии по Изучению Естественных Производительных Сил СССР (Лесной и Сапропелевый Отделы), в Комиссии по Истории Знаний (Музей по Истории Науки) и др. Уже этот список показывает разнообразие музеев Академии Наук и сложность и важность тех вопросов, которые ими освещаются. В помещаемой на стр. 180 таблице мы даем основные общие выводы, которые рисуют рост наших главнейших музеев за последние десять лет.

Перечисленные в таблице музеи, а также Музей Палеографии, за последние годы совершенно стихийно развивались, причем рост поступлений за некоторые годы достигал рекордных цифр. Как на пример, можно указать, что среднее поступление в Минералогический Музей достигало ежегодно 200—300 пудовых ящиков; число объектов, поступающих ежегодно в Зоологический Музей, превышает 100.000; собрания Геологического Музея за последние десять лет удесятерились; около ста ежегодных

Музеи	Годовая посещаемость	Число выставленных предметов	Общее число музейных объектов	Число сотрудников		Площадь в квадратных метрах		Увеличение площади
				1918 г.	1927 г.	1918 г.	1927 г.	
Геологический	5.000	200.000	1.000.000	17	65	850	11.000	в 12 раз
Минералогический	1.000	10.000	100.000	13	24	370	1.800	„ 5 „
Зоологический	90.000	30.000	свыше 1.000.000	48	83	13.200	17.500	„ 1,3 „
Антропологии и Этнографии	50.000	65.000	190.000	26	49	2.300	4.400	„ 1,9 „
Пушкинский Дом	4.000	4.000	свыше 1.000.000	10	29	370	2.200	„ 5,5 „

экспедиций приносят во все музеи Академии громадный, совершенно новый научный материал. Вследствие этого, научный персонал, хотя и увеличившийся в среднем на 50% за истекшее десятилетие, оказывается не в силах справляться с каталогизацией поступающих собраний, и столь же серьезным начинает становиться вопрос о шкафах и витринах в одних музеях и о свободной площади — в других. Один лишь Геологический Музей, увеличив за последние годы в 12 раз свою площадь, имеет в настоящее время некоторый запас свободных помещений для расширения и развития своих выставок; в остальных же музеях, особенно в Музее Антропологии и Этнографии и в Минералогическом, несмотря на то, что они лишь в 1925 г. получили новые помещения, вопрос о выставочной и рабочей площади становится весьма острым и требует срочных мероприятий. При этом особенно настоятельно ставится вопрос о помещениях для все растущих дублетных фондов и обменных коллекций, так как сама выставочная часть Музея оказывается, в его новом построении, лишь небольшой частью большого исследовательского научного учреждения.

Необычайно интересным является рост посещаемости музеев, причем здесь необходимо отметить несколько сторон этого явления. Особенно растет посещаемость выставочных помещений преимущественно организованными экскурсиями, с правильно поставленными объяснениями, что можно видеть хотя бы на примере Зоологического Музея. Вообще мы можем различать, с одной стороны, чисто образовательные и просветительные экскурсии, проводимые в тесной организационной связи с Политпросветом, а с другой — все увеличивающиеся специальные экскурсии для ознакомления с отдельными вопросами, особо интересующими данную группу посетителей-специалистов; таковы, например, посещения группами рабочих и техников печатного дела — Музея Палеографии, военными организациями — Минералогического Музея и пр. Наконец, очень значительными являются посещения учащихся трудовой школы и высших учебных заведений, причем в некоторых музеях, например, в Минералогическом и Зоологическом, наблюдаются посещения студентов высших учебных заведений при подготовке к экзаменам и т. д. Особого значения достигла эта педагогическая роль в Пушкинском Доме, где студенты некоторых ленинградских высших

учебных заведений проводят летнюю производственную практику под руководством ученых хранителей Пушкинского Дома.

Другую сторону посещения академических музеев представляет осмотр и изучение их коллекций учеными специалистами, как союзными, так и иностранными. Исключительные научные богатства этих музеев вызывали приезд многих сотен исследователей, и было бы невозможно даже перечислить имена тех крупных научных деятелей, которые работали в академических музеях.

Как для просветительных целей, так и для специалистов, музеями выпускаются специальные каталоги и памятки, которые периодически переиздаются и охватывают или, в краткой форме, общее построение музея, или, в строго научном изложении, его наиболее выдающиеся отделы.

Важное значение имеет в академических музеях правильно поставленное руководство обзором музеев, которое осуществляется частью непосредственно работниками музеев, а частью — по соглашению с Центральной Экскурсионной Базой Политпросвета и Ленинградского Военного Округа и со Школьной Станцией Гуманитарных Экскурсий при Губсоцвосе.

Исключительно большое значение академических музеев является общепризнанным, и отдельные их собрания уже сейчас привлекают внимание ученых кругов всего мира. Достаточно в этом направлении указать на единственные в своем роде коллекции пермских пресмыкающихся и коллекции по геологии Центральной Азии Геологического Музея; коллекции, касающиеся Монголии, Минералогического и Азиатского Музеев; палеарктические коллекции Зоологического Музея; коллекции Кука по Америке и северной Сибири Музея Антропологии и Этнографии. В частности, совершенно исключителен и несравним ни с одним музеем в мире Музей при Почвенном Институте имени В. В Докучаева. Однако, значение академических музеев определяется не только значительностью научных материалов, накопленных за более чем двухсотлетнее существование этих музеев. Развившись из Кунсткамеры Петра Великого, они, начиная с 1714 г., накопили в себе самые замечательные объекты — памятники русской научной работы — являясь нередко как бы живой иллюстрацией всей истории русской науки и сохраняя нам мировую ценность оригинала и объектов изучения не только русских, но и ряда

крупнейших иностранных ученых. Но, вместе с тем, значение академических музеев заключается и в ряде особых научных подходов к их построению, подходов, отличных от исторически сложившихся, но уже устаревших форм некоторых старых музеев, сохраняющих до настоящего времени прежнюю, частью научно несовершенную, структуру и, при громадных богатствах, накапливающих новые собрания и пожертвования в бессистемном, хронологическом порядке (например, Британский Музей). В этом отношении в академических музеях мы сталкиваемся с новизной постановки. Так, в Музее Антропологии и Этнографии мы впервые встречаемся с необычайно интересно задуманным покойным Л. Я. Штернбергом Отделом Эволюции и Типологии; весь Минералогический Музей построен по совершенно новому геохимическому принципу; очень своеобразен почти не имеющий аналогий заграницей Музей Палеографии. Все эти особенности академических музеев заставят их и в будущем развиваться по тем же особым путям, всемерно расширяя свою научную и научно-просветительную деятельность, постепенно перерабатывая свои собрания на новых научных началах, выделяя все новые и новые дублеты и отдельные фонды для музеев высших учебных заведений, средних школ и техникумов и расширяя свои мастерские и подсобные предприятия.

Академические музеи начинают превращаться в национальные музеи Союза, и на этом пути они имеют все основания сыграть большую роль в истории как русской науки, так и вообще мировой научной работы, с которой они связаны постоянными сношениями и обменом коллекций. В связи с этим стоит и развитие издательской деятельности музеев, которая осуществляется в форме многочисленных специальных серий, а также рост самостоятельной экспедиционной работы, имеющей целью не столько непосредственно научные задачи, сколько пополнение музеев научным материалом. Вместе с тем, постоянно растущая посещаемость, для некоторых музеев превысившая в 1927 г. цифру в 100.000 человек, многочисленные специальные комиссии, кружки, лекции, временные выставки и пр. показывают, что укрепляется основная черта академических музеев—их просветительная и культурная работа, особенно в среде учащейся молодежи, рабочих и красноармейцев.

Выставки. Как мы уже отмечали, музейное дело в новых его основах не мыслится без временных и специальных выставок. Громадные накопленные материалы не могут быть предметом одновременной экспозиции, и потому в наших крупных музеях все более и более прививается устройство специальных выставок по отдельным вопросам. В еще большей степени это относится к другим учреждениям Академии, не чисто музейного типа, в которых за последние годы неоднократно устраивались выставки, иногда весьма обширные. Часть из них была связана с самим учреждением и являлась как бы продолжением или развитием его работ.

Уже одна цифра выставок, устроенных в академических учреждениях за последние годы, говорит нам о том, какое значение в научной жизни Академии приобрел этот метод научно-просветительной работы: всего за последние десять лет состоялось около 75 выставок, причем один Пушкинский Дом устроил и принял участие больше чем в 20 выставках. Часть выставок носила отчетный характер и устраивалась систематически ежегодно (например, в Минералогическом Музее); другие были связаны с международными конгрессами и съездами (например, выставка по случаю Всетихоокеанского Конгресса); третьи находились в связи с теми или иными юбилейными датами (например, выставки в память академика К. М. фон Бэра, писателей Н. А. Некрасова, Н. М. Карамзина, А. Н. Островского и др.). Наконец, ряд выставок был связан с окончанием тех или иных крупных экспедиций и сопровождался отчетными докладами. Таковы: выставка Хибинских экспедиций, выставка Казакстанской экспедиции, выставка „Театр народов Востока“ и т. д. Особенно широкий характер приобрели выставки в год двухсотлетнего юбилея Академии Наук, когда не только Музеи, но и другие учреждения Академии организовали выставку своих достижений, и когда была устроена специальная выставка по истории Академии и ее издательства за двести лет. Некоторые из выставок Академии посещались несколькими тысячами посетителей и привлекали к себе значительное количество экскурсий. Помимо устройства указанных выставок, Академия Наук и ее учреждения принимали участие в целом ряде выставок, устраивавшихся другими учреждениями (буддийская выставка, выставки Политпросвета и т. д.).

МУЗЕЙНОЕ, ВЫСТАВОЧНОЕ И ЛЕКЦИОННОЕ ДЕЛО

Последние годы показали исключительное значение временных выставок, и их периодическая организация явится и в будущем одной из весьма важных задач научной деятельности Академии. Опыт, накопленный в этом направлении, показывает, что необходимы организация в самой Академии постоянного аппарата и устройство постоянных выставочных помещений с соответственным, раз навсегда заведенным, оборудованием, что сделает возможным легкое и дешевое устройство выставок по различным вопросам.

Доклады и лекции. Дать здесь исчерпывающую картину лекций и публичных выступлений Академии за последние десять лет совершенно невозможно. Только несколько цифр могут вкратце характеризовать эту общественно-научную работу, которая лишь в небольшой части протекает в стенах самой Академии и в значительной степени связана с широким участием академиков и научного персонала в работе общественно-научных и просветительных учреждений всей страны. В стенах самой Академии за истекшие годы состоялось 20 торжественных заседаний; развивали деятельность 10 научных обществ и кружков, в которых отмечено около 500 заседаний с 1.000 докладов; прочитано было около 30 публичных лекций и проведено 4 систематических научных цикла лекций. Если мы к этому прибавим ряд внутренних кружков в научных институтах и ряд коллоквиумов, связанных с работой 30 практикантов, то вкратце отметим чисто цифровую сторону дела. Эта научно-общественная деятельность Академии, объединившая в ее среде широкие научные круги страны, выражалась также и в созыве академическими учреждениями научных съездов и конференций. Таковы два Всесоюзных Съезда Ботаников (в Ленинграде и Москве) и I Всесоюзный Минералогический Съезд (в Ленинграде); непосредственное участие принимала Академия и в созыве Почвенного Съезда и ряда совещаний по вопросам производительных сил.

Помимо отдельных научных кружков при Минералогическом и Геологическом Музеях и специальных научных собраний при Зоологическом Музее, Платиновом Институте, Институте Физико-Химического Анализа и Постоянной Историко-Археографической Комиссии, при Академии состоят три более крупные научные объединения: 1) Коллегия Востоковедов,

организованная в 1921 г. и заменившая с 1924 г. Восточное Отделение Русского Археологического Общества, 2) Радловский Кружок при Музее Антропологии и Этнографии, работающий преимущественно по филологии, этнографии и истории турецких народностей, и 3) Государственное Русское Ботаническое Общество, научно связанное с Академией и объединяющее всех ботаников Союза. Для некоторой характеристики интенсивности работ отдельных обществ и кружков за последние десять лет, приведем следующие цифры:

	Число заседаний	Число докладов
Радловский Кружок	62	108
Государственное Русское Ботаническое Общество	71	152
Зоологический Музей	65	123
Минералогический Кружок	56	219
Институт Физико-Химического Анализа	70	130
Платиновый Институт	30	70
Пушкинский Дом	105	185
Постоянная Историко-Археографическая Комиссия (а также учреждения, из которых она преобразована — Археографическая Комиссия и Постоянная Историческая Комиссия)	122	17

Другую сторону научной и научно-просветительной деятельности Академии представляют публичные лекции и доклады, носившие или более специальный характер (например, доклад академика А. Е. Ферсмана об экспедициях в Хибинские Тундры), или же чисто просветительный. В последнем направлении необходимо отметить серию публичных лекций о производительных силах, организованную Комиссией по Изучению Естественных Производительных Сил России в 1919 г., и серию публичных лекций об экспедициях и научных командировках по Академии Наук, организованную Комиссией по Научным Экспедициям в 1925 и 1926 гг. (всего 14 докладов).

Такой же характер имели и серии докладов, прочитанных в Академии Наук в виде систематических курсов. Одни из них были более общего характера, как, например, курс М. А. Блоха по истории химических идей и курс академика А. Е. Ферсмана по драгоценным камням, прочитанные в 1919 г. Другие же являлись строго специальными, намечавшими пути в совершенно

новых областях знания; таковы курс академика В. И. Вернадского по геохимии и химии моря (1921 г.) и курс А. В. Шубникова по теории строения кристаллов.

Наконец, ежегодно Академия Наук организовывала в связи с теми или иными юбилейными датами 5—6 заседаний, посвященных отдельным вопросам. Эти торжественные собрания, созываемые обычно в большом конференц-зале Академии, тесно связывали широкие научные круги с работами самой Академии, и потому Академия все шире и шире развивала свою деятельность в этом направлении. Достаточно упомянуть о собраниях в память В. А. Стеклова, Ньютона, Кельвина, Гельмгольца, Бэра, Кастрена; собрания, посвященные научной деятельности академиков А. А. Шахматова, И. В. Ягича, В. В. Радлова и др.; заседания, связанные с историческими датами жизни и литературной деятельности Пушкина, Грибоедова, Достоевского и пр. В этих собраниях принимают участие своими докладами также и крупнейшие специалисты, стоящие вне Академии, чем достигается объединение научных сил вокруг общей академической работы.

Изложенные краткие сведения намечают лишь общую схему деятельности Академии в области научно-общественной и по распространению научных знаний в широких народных массах. Было бы, однако, неправильно думать, что только этими способами устанавливается широкая связь Академии Наук с жизнью. Проникновение научной мысли и ее достижений в строительство новой жизни идет многообразными и сложными путями, и часто их влияние нельзя выразить в совершенно конкретных формах и подвести к определенным цифровым данным. Эти тесные взаимоотношения с каждым годом развиваются и углубляются, и в постоянном росте взаимодействия науки и жизни Академия черпает уверенность в правильности тех путей, по которым за последние годы столь энергично шло ее развитие.

А. Ферсман.

БИБЛИОТЕЧНОЕ ДЕЛО

Ко времени мировой войны Библиотека Академии Наук, выросшая за двести лет своего существования в одно из крупнейших книгохранилищ мира, находилась в ожидании коренного изменения всех условий своего дальнейшего развития, как первого вспомогательного учреждения Академии Наук.

В первую очередь выдвигался вопрос о новом здании для Библиотеки. Переполнение старого исторического здания, давно переставшего удовлетворять элементарным требованиям библиотечной техники и опасного в пожарном отношении, делало совершенно невозможным приведение в порядок и обработку прогрессивно возраставших книжных и рукописных фондов. В 1912 г. было отпущено из казны свыше 1.000.000 руб. на постройку нового здания Библиотеки на Васильевском Острове, на месте старого Гостиного Двора. Новое здание являлось первым у нас опытом библиотечного сооружения по новейшей системе, представляющего соединение двух корпусов, административно-рабочего и магазинного, и рассчитанного на хранение миллионных книжных фондов. Обстоятельства мировой войны задержали достройку и оборудование здания, и первоначально оно было отдано под военный лазарет. Только в 1923 г. началась переноска Библиотеки в новое здание, закончилась же она в октябре 1924 г. Следует особо отметить, что при перемещении Иностранного Отделения был применен способ переноски книг специально организованными группами носильщиков, образовавшими равномерный поток передачи книг без промежуточных инстанций, подобно бесконечному ремню, от отправного к приемному пункту; при этом ни на один час не прекратилась библиотечная работа.

Какие выгоды получила Библиотека по переезде в новое здание, показывают следующие цифры. В новом здании Библиотека располагает площадью в 12.550 *кв. м*, против 4.050 *кв. м* в старом, и оборудованием стеллажами в магазинах в 39.459 *м* полок. Общая длина полочных помещений, считая шкафы и стеллажи административного корпуса, равняется 46.695 *м*, из коих занято было к середине 1927 г. 36.331 *м*. Если вытянуть все полки Библиотеки в одну прямую линию, то получится расстояние от Библиотеки до Ладожского озера. Новое здание обеспечивает Библиотеке размещение новых поступлений приблизительно на десять лет. Для дальнейшего расширения Библиотеки Президиумом Академии Наук уже теперь намечается смежный участок со зданием Пушкинского Дома, переводимого в новое, более обширное здание бывшего Таможенного Ведомства.

Первоначальное устройство и оборудование нового здания было закончено к торжествам двухсотлетнего юбилея Академии Наук СССР, и 9 сентября 1925 г. состоялось официальное открытие Библиотеки в новом здании в присутствии собравшихся со всего мира ученых—гостей Академии. В последующие годы, в зависимости от отпускаемых средств, должны были производиться внешняя и внутренняя достройка и дооборудование здания: облицовка фасада, замена временных полов паркетными, постановка перегородок, установка вентиляции, лифтов, внутренних телефонов, приобретение специальной меблировки рабочих комнат и кабинетов и т. п. К настоящему времени существенная часть капитального оборудования Библиотеки выполнена: во всем административном корпусе настланы паркетные полы, без которых нельзя было приступить к плановой расстановке тяжелых шкафов и стеллажей; поставлен ряд внутренних перегородок, требуемых окончательным планом размещения Отделений Библиотеки; приобретено значительное количество шкафов, стеллажей и другой мебели; закончено оборудование общего Читального Зала специальными столами и стульями; расширена до надлежащих норм сеть освещения.

С перемещением Библиотеки в новое здание было тесно связано благоприятное разрешение и другого коренного вопроса—о расширении личного состава служащих Библиотеки, без чего она не могла приступить к выполнению ее широких заданий. В 1917 г. в штате ее состояли 2 директора-академика, 4 библис-

текаря, 9 помощников, 1 прикомандированный и 18 нештатных сотрудников; в 1924 г. штат был увеличен до 119 человек, а в 1925 г. — до 170, что ставило работу Библиотеки в данном отношении в нормальное положение. При этом в штат Библиотеки вошел ряд специалистов по разным наукам и высоко квалифицированных библиотечных работников. Соответственно широкому развертыванию библиотечной работы в новом здании и при новом штате, росли и денежные ассигнования.

В новых условиях, с 1925 г., Библиотека занялась коренным пересмотром своей организации и оснований своей научно-исследовательской работы.

Прежде всего, получил более целостный характер административный строй Библиотеки: во главе ее стоит один директор-академик; учреждена должность помощника директора; образованы совещательные органы при директоре — собрание заведывающих Отделениями и хозяйственный комитет. По делам, касающимся библиотек всех академических учреждений, особенно по планомерной выписке заграничной литературы и ее распределению, с 1926 г. начала работать в расширенном составе учрежденная еще в 1915 г. с несколько иными задачами Постоянная Библиотечная Комиссия, под председательством директора Библиотеки.

В новом здании и с новым служебным составом, в течение 1925—1926 гг., Библиотека смогла развернуть и законченную схему своих Отделений.

I Отделение (Русское) с отделами: книжным, журнальным, библиографическим, книг XVIII века, при общем количестве 2.267.000 библиотечных единиц.

II Отделение (Иностранное) с отделами: книжным, журнальным, библиографическим, систематизационным и самостоятельным в научном отношении Кабинетом инкунабулов, иностранных рукописей и гравюр, при общем количестве 775.000 библ. единиц.

III Отделение (Славянское) с отделами: обще-славянским, украинским, белорусским, болгарским, сербским, чешско-словацким, сербо-лужицким, польским, литовско-латышским, при общем количестве 149.300 библ. единиц.

IV Отделение (Рукописное) с отделами рукописей, старопечатных книг и специальной подручной библиотекой, при общем

количестве 76.000 библ. единиц (из них рукописей около 39.000). С Рукописным Отделением соединен в административном отношении Толстовский Музей, помещающийся в другом здании.

V Отделение (Картографическое), собирающее кроме всякого рода карт, также издания технических чертежей, нот и графику, с общим количеством 170.000 библ. единиц.

VI Отделение (Читальный Зал), со справочным фондом в 4.200 библ. единиц.

Тяжелым наследием прошлого оказались для Библиотеки громадные залежи неразобранных и незашифрованных книг, образовавшиеся в старом тесном здании при крайнем недостатке рабочих рук и достигшие свыше 900.000 библ. единиц. Ликвидация этого нешифрованного фонда вменена была Библиотеке, в новом ее положении, в первую и неотложную задачу.

По плану Русского Отделения, залежи которого особенно велики, работа должна пройти три стадии: 1) разборку и установку всего нешифрованного фонда в общий алфавит, что уже даст возможность справок о книгах, 2) сверку с каталогами для выявления дублетов и новых книг, наконец, 3) занесение новых книг в инвентари, написание на них карточек, зашифровку и размещение по магазинам. Начав интенсивную работу с ноября 1926 г., Русское Отделение успело к 1 июня 1927 г. поставить уже весь свой книжный нешифрованный фонд в строгий алфавит. В Иностранном Отделении, по местным условиям и по характеру отдельных фондов, работа ведется по другому плану: каждый фонд сразу проходит все стадии обработки.

Один из результатов работы по ликвидации залежей — образование большого дублетного фонда — имеет особое значение. Из запасов этого фонда должно итти пополнение утраченных книг, замена обветшавших экземпляров, образование особого справочного фонда Читального Зала, пополнение подсобных библиотек академических учреждений. Наконец, запасный фонд может служить для обмена дублетами с другими библиотеками. Все чаще за последние годы идут в Библиотеку Академии Наук предложения о таком обмене, особенно со стороны провинциальных ученых деятелей и научных учреждений. Из провинции идут просьбы преимущественно о книгах общего научного содержания в обмен на специальные коллекции, например, старинных книг, которые на местах остаются неиспользованными,

в Библиотеке же Академии Наук могут существенно восполнить ее специальные фонды.

Нарушенный в годы войны и разрухи процесс пополнения Библиотеки новыми поступлениями в последние годы стал входить в свое нормальное русло. За последнее десятилетие фонды Библиотеки увеличились приблизительно на 800.000 библ. единиц. Точные цифры за последние три-четыре года показывают все крепнущую тенденцию повышения прироста поступлений. Так, поступило:

за 1924 г.	75.000	единиц
„ 1925 „	107.005	„
„ 1926 „	141.349	„
„ первые пять месяцев 1927 г. .	88.705	„

Всего за последний год должно поступить не менее 180.000 единиц.

Для Русского Отделения основным источником пополнения остается получение обязательного экземпляра через Центральную Государственную Книжную Палату РСФСР. В настоящее время Библиотека озабочена уточнением и укреплением связей с книжными палатами и аналогичными учреждениями в других Республиках Союза. Кроме того, в особых случаях обнаружения того или другого пробела Библиотека обращается также к тем издательствам и учреждениям, от которых представляется возможным получить недостающие книги. Наконец, с 1926/1927 г. Библиотеке открывается особый сметный кредит в 3.600 руб. для приобретения отдельных книг и рукописей. В экстренных случаях для приобретения больших и ценных книжных и рукописных собраний и коллекций, по ходатайству Библиотеки, ей отпускаются Президиумом Академии Наук суммы из общеакадемического кредита.

Особенно много внимания приходится уделять в последние годы восстановлению нарушенных войной способов приобретения иностранной научной литературы: 1) обмена с учеными учреждениями всего мира, число которых превышает 1.000 (при 1.326 обменных изданиях) и 2) закупки. Библиотекой, совместно с Бюро по Международному Книгообмену, к лету 1927 г. произведена большая работа выявления пробелов в обменных иностранных изданиях, по поводу которых Академия имеет вступить в сношения с соответствующими заграничными учреждениями.

Дело покупки иностранных книг, серий и журналов, стало на твердую почву с 1925/1926 бюджетного года, когда на этот предмет было отпущено 35.000 руб. золотом. 10 мая 1926 г. Президиумом Академии были утверждены временные правила о порядке выписки иностранной литературы по заявкам академиков и академических учреждений. На следующий, 1927/1928 бюджетный год поставлена на очередь и закупка научной литературы, издаваемой заграницей на русском языке. Обязанность планомерного объединения этих заявок и распределения поступающей заграничной литературы между академическими учреждениями возложена на Постоянную Библиотечную Комиссию. Ввиду сравнительной ограниченности отпускаемых сумм, они идут, в первую очередь, на ликвидацию больших пробелов в журнальной литературе за годы войны и перерыва нормальных сношений с заграницей, затем на выписку текущих журналов и серий и, наконец, монографий. Всего в 1927 г. выписывается свыше 1.000 названий periodica.

В обработке своих книжных фондов, старых и новых, Библиотека поставила своей целью достичь планомерности, возможного единообразия методов инвентаризации, каталогизации и шифровки во всех Отделениях. В I Отделении составлены и опубликованы в 1925 г. подробные инструкции по приемке и учету печатных изданий, как доставляемых в порядке обязательного экземпляра, так и получаемых путем дара, обмена и покупки. В связи с вопросом о сводном каталоге всех академических библиотек, Библиотекой разрабатывается новая инструкция для единообразного во всех академических библиотеках библиографического описания и шифровки книг и periodica.

С 1925 г. перед Библиотекой вновь встал столь важный для крупных научных библиотек вопрос о систематическом каталоге. По этому вопросу положение основных Отделений Библиотеки, I и II, весьма различно. В то время, как II Отделение еще в 1841 г. получило выработанную академиком К. М. Бэром оригинальную систему библиотечной классификации, в I Отделении были сделаны лишь частичные попытки систематизации его фондов.

Представляя для своего времени замечательное явление в библиотечном деле, система Бэра, естественно, должна была во многих отношениях устареть за истекшие восемьдесят лет. Как

только Библиотека расположилась в новом здании и получила необходимый персонал специалистов, пересмотр системы Бэра стал в очередь дня. Общее мнение сотрудников Библиотеки, выявившееся в общих научных собраниях, происходивших в зимние сезоны 1925—1927 гг., склонилось к тому, что еще нет оснований заменить систему Бэра какой-либо другой; что ее необходимо только тщательно пересмотреть и привести в соответствие с требованиями современной науки и библиотечной техники. Заканчиваемая в настоящее время в деталях эта работа, выполняемая Систематизационным Отделом II Отделения, привела к следующим результатам. Остались неизменными общая схема системы и число основных ее отделов — 21. Выяснилась возможность сохранить и прежние четыре ступени деления системы вглубь, на подъотделы и более мелкие подразделения; далее должны следовать уже предметные слова. Сохраняя четырехстепенное деление, новый проект увеличивает емкость системы, вводя новые подразделения в ширину. По требованиям современной научной классификации некоторые подразделения перенесены в другие отделы и подъотделы. В отделе исторических наук пришлось ввести новые подразделения для новейшей истории Европы, в зависимости от произведенных мировой войной изменений государственных границ. Наконец, везде пересмотрена и освежена научная терминология.

В I Отделении начатые еще в директорство академика А. А. Куника попытки систематизации русских фондов парализовались теснотой помещений и недостатком служащих, что не позволяло справляться и с внешним упорядочением прогрессивно возраставших поступлений. Без точного же учета всего книжного наличия попытка создать какую-либо систему являлась бы чисто теоретическим опытом. После перехода в новое здание, I Отделение занялось подготовкой материала для систематического каталога, исходя из предположения, что составление этого каталога начинается с новейшей литературы и постепенно будет углубляться в старые фонды. Вопрос о том, не может ли обновленная система Бэра лечь в основу и русского систематического каталога, остается пока открытым; предполагается, что для русских фондов потребуется увеличение емкости системы, путем увеличения числа основных отделов и их подразделений.

Вокруг двух первоочередных задач — ликвидации залежей и составления систематических каталогов — расположился ряд других заданий, также требующих напряженной научной работы. Накопленный за два столетия ценнейший материал рукописей и редких изданий требует непрерывного описания. Несмотря на многие затруднения, эта существенная часть работы в академической Библиотеке неуклонно продолжает подвигаться вперед. Печатные описания своих сокровищ имело доселе одно только Рукописное Отделение. В 1927 г. приступлено к печатанию III тома „Описания" Рукописного Отделения, посвященного наиболее интересному материалу — историческому. Славянское Отделение приготовило описания ряда коллекций на польском и чешском языках и указатель периодических изданий, сборников и альманахов на украинском языке. Журнальным Отделом I Отделения приготовлен к печати указатель периодической литературы на русском языке. II Отделением печатается список иностранных журналов и серий, получаемых Библиотекою и всеми академическими учреждениями в 1927 г. Наконец, вновь образованный при II Отделении Кабинет Инкунабулов и Картографическое Отделение также ведут работу по описанию своих редкостей.

В ближайшую программу научной работы Библиотеки с 1925 г. входят еще два предприятия: путеводитель по Библиотеке и очерк ее истории за двести лет. Составление путеводителя, естественно, стало возможным лишь после окончательного, планового размещения фондов и коллекций Библиотеки в новом здании. Составлением очерка истории Библиотеки занята особая Комиссия. По составленному ею плану, этот очерк, выполненный коллективным трудом специалистов, должен иметь практическую цель — содействовать более глубокому освещению научных богатств Библиотеки.

С работою по описанию и систематике рукописных и книжных фондов связана исследовательская работа сотрудников Библиотеки, вытекающая из их личных интересов и производимая по материалам Библиотеки. В настоящее время из таких исследований, выполненных как самими сотрудниками Библиотеки, так и работающими в ней посторонними учеными, мог бы уже составиться большой сборник. Частично эти исследования печатаются в органах Академии и в других научных изданиях.

В новой обстановке Библиотека должна была шире и полнее развернуть средства удовлетворения ученых интересов членов Академии, многочисленного персонала ее учреждений, равно как и посторонних ученых. Впредь до общего пересмотра положения о Библиотеке, в связи с новым уставом Академии, остается в силе принцип, выраженный в старом положении, что Библиотека — вспомогательное учреждение при Академии Наук, имеющее целью „доставление членам Академии литературных пособий для ученых их занятий". Этот принцип положен в основу временно утвержденных Президиумом в 1926 г. правил о выдаче книг из Библиотеки на дом. Посторонние ученые получают книги на дом по особым разрешениям директора. Общее число книг, выдаваемых на дом из Отделений Русского, Иностранного и Славянского, за последний 1926/1927 г. колеблется от 2.000 до 3.000 томов в месяц. Ввиду чрезвычайного роста заявлений о выдаче книг на дом и невозможности выводить большое количество книг из оборота собственно академического ученого круга, приходится разрешать выдачу на дом только высоко квалифицированным посторонним ученым, преимущественно профессорам и преподавателям высших учебных заведений.

В старом здании Библиотека не могла ни принимать сколько-нибудь широкого круга посетителей для занятий на месте, ни предоставить им необходимых удобств: читатели не находили мест у столов, пристраивались у окон, в проходах, стесняя работу служебного персонала. В новом здании Библиотека располагает прекрасным, хотя и не очень обширным залом, рассчитанным на 100 человек. Открытый для посетителей с начала 1926 г., Читальный Зал к осени 1927 г. получил свое более или менее полное специальное оборудование. Не беря на себя обязанности публичной библиотеки, академическая Библиотека, соответственно своему основному назначению, допускает в свой общий Читальный Зал посетителей только для научных занятий, главным образом, профессоров и преподавателей высших учебных заведений и средних школ, и, наконец, студентов, ведущих специальные научные работы. Число выданных в общем Читальном Зале книг с 9.000 слишком, в октябре 1926 г., поднялось до 17.000, в мае 1927 г. Особый читальный зал имеется в Рукописном Отделении. Наконец, для занятий над некоторыми специальными и редкими изданиями читатели допускаются в рабочие

комнаты других Отделений. Для облегчения доставки тяжелых газетных конволютов устроена особая комната для занятий газетным материалом, непосредственно примыкающая к газетному магазину. Число книг, выдаваемых для занятий в Отделениях, достигает 2.000 в месяц.

В ряду способов привлечения общественного внимания к научным ценностям за последнее время получают значение специальные библиотечные выставки. Сколько-нибудь широко использовать этот способ академическая Библиотека может только теперь, в новом здании. Собрания Рукописного Отделения, Кабинета Инкунабулов, Отдела Книг XVIII века, Толстовского Музея, расположены теперь в виде постоянных выставочных коллекций. В Читальном Зале выставляются все вновь выходящие издания Академии Наук; в Славянском Отделении—новейшая литература по славяноведению; в Журнальном Отделе I Отделения — новые русские журналы. Приступлено в I и II Отделениях к устройству постоянных выставок вновь поступающей монографической литературы, а во II Отделении — и журнальной. Осенью 1927 г. отпущены суммы на первоначальное устройство необходимых витрин и стеллажей. Сверх того, в Библиотеке были устроены временные выставки: юбилейная выставка изданий Академии Наук за двести лет, выставка старопечатных чешских и польских книг в Славянском Отделении, выставка в память академика К. М. Бэра, устроенная Библиотекою совместно с Комиссией по Истории Знаний и весьма ярко осветившая, по отзывам специалистов, целую эпоху в истории русского естествознания.

По мере восстановления нормальных ученых связей Академии Наук как внутри СССР, так и заграницей, академической Библиотеке часто приходится выполнять просьбы ученых учреждений, союзных и заграничных, и отдельных научных работников о разного рода книжных экспертизах и особых библиографических справках. В таких справках, имеющих строго научный характер, Библиотека не считает возможным никому отказывать, хотя бы они и выходили из рамок ее общей плановой работы.

За последние годы библиотечное дело в Академии широко развилось и за пределами центральной Библиотеки, в многочисленных ученых институтах, музеях, лабораториях, исследовательских комиссиях. В одних из этих учреждений, наиболее ста-

рых, уже давно образовались большие библиотеки, как, например, в Зоологическом Музее, Постоянной Историко-Археографической Комиссии и др. В новейших исследовательских учреждениях Академии обычно также образуются потребные для текущей работы подсобные библиотеки, вырастающие иногда в крупные библиотечные собрания. В 1926/1927 г. библиотеки Геологического и Минералогического Музеев и Почвенного Института объединились в одну обширную Библиотеку Геологических Наук.

Летом 1926 г. центральной Библиотекой было произведено подробное систематическое обследование Библиотек всех академических учреждений со стороны их состава, организации, технического оборудования, новых потребностей. Выяснилось, что 24 академических учреждения имеют библиотеки различного состава и типа, от небольших подсобных библиотечек в несколько сот томов до крупных библиотек в десятки тысяч единиц по специальным циклам наук. Наиболее крупными библиотеками в естественно-научных учреждениях являются (в приблизительных цифрах) библиотеки: Зоологического Музея — 50.000 томов, Геологических Наук — 50.000 томов, Ботанического Музея — 20.000 томов и т. д.; в гуманитарных учреждениях: библиотека Пушкинского Дома — около 120.000 томов. Как показало обследование всех этих библиотек, организация и практика их работы весьма различны и зависят от специальных заданий учреждения, величины библиотек, специальной подготовленности обслуживающего персонала и отпускаемых средств. В библиотеках больших порядок более или менее приближается к обычным нормам библиотечной работы и без труда может быть согласован с порядками центральной Библиотеки. В библиотеках малых, еще не развившихся, работа ведется более пестро и случайно местными учеными исследователями, ощущающими потребность в технической помощи библиотекарей-специалистов.

В совместных совещаниях сотрудников центральной Библиотеки и библиотек академических ученых учреждений о результатах обследования единодушно высказывалось мнение, что, при сохранении административной и научной автономности всех академических библиотек, весьма желательно установление постоянной и живой связи между ними и центральной Библиотекой и согласование в методах технической работы. Временными

правилами 10 мая 1926 г. подсобные библиотеки всех специальных учреждений признаны филиалами центральной Библиотеки, и, как было упомянуто выше, установлен в руководство Постоянной Библиотечной Комиссии порядок плановой выписки и распределения заграничной литературы. Последующими соглашениями было признано, что журналы, серии и монографии узкоспециального характера, необходимые для постоянной работы учреждений, передаются им центральной Библиотекой в постоянное пользование, издания же более общего характера сосредоточиваются в центральной Библиотеке. С разрешения Президиума Академии Наук центральная Библиотека командирует своих сотрудников в библиотеки других академических учреждений для технического инструктирования.

Самым важным предприятием в библиотечном деле Академии в настоящее время является задача провести планомерный учет всех книжных фондов всех академических библиотек, в форме общего сводного каталога. Потребность в этом предприятии становится ощутительной по мере роста и разветвления академических специальных институтов и вследствие невозможности равномерного обеспечения их всей необходимой литературой. Чем дальше, тем все осязательнее будет для ученых специалистов трудность разыскивать необходимую литературу по отдельным библиотекам. Наконец, сводный каталог явился бы средством выявления всех библиотечных фондов, планомерное использование которых также принесло бы большую пользу и учреждениям, и лицам.

Таковы первые соображения, из которых исходила образованная в центральной Библиотеке в 1926 г. специальная комиссия по составлению плана сводного каталога. Комиссия пришла к следующим заключениям.

Принципиально признаны желательными два параллельных типа сводного каталога: алфавитный, дающий возможность быстрых справок о разыскиваемых книгах, и систематический, ориентирующий в специальных отделах науки. Ввиду невозможности ввести в какой-либо определенный срок в сводный каталог всю массу книжных фондов Академии, исполнение сводного каталога должно быть начато с новейших, с определенного момента, поступлений; старые фонды будут вноситься в каталог постепенно, по мере возможности. Комиссией разработан затем

план алфавитного каталога, главные пункты которого таковы: 1) каталог распадается на два отдела — а) содержащий русский алфавит, со включением всех примыкающих к нему славянских алфавитов, б) содержащий латинский алфавит, включая и все транскрибируемые им алфавиты; 2) в каждом из этих двух отделов карточки располагаются по двум категориям — а) алфавитов авторов, б) алфавитов коллективных изданий (труды, протоколы, отчеты, журналы и т. п.).

Осуществление изложенного в главных чертах плана сводного каталога потребует установления однообразного порядка написания карточек, их формата и материала, как во всех Отделениях центральной Библиотеки, так и в библиотеках других учреждений. Разработка всех этих технических подробностей также стоит в ближайшей очереди организационных работ центральной Библиотеки.

В ожидании составления сводного каталога — работы длительной, требующей известной согласованности между всеми академическими библиотеками — центральная Библиотека подготовила материал еще для одного способа скорейшего ознакомления членов Академии и научного персонала академических учреждений со вновь поступающей как в центральную Библиотеку, так и в ее филиалы иностранной литературой — издание периодического осведомительного бюллетеня о новых книгах. Изыскиваются возможности издания такого бюллетеня по кварталам года, с систематическим указателем за целый год.

Так выросло за последние годы количественно и организационно библиотечное дело в Академии Наук СССР. В его будущем росте и совершенствовании ясно намечаются две линии: дальнейшее разветвление специальных библиотечных фондов, соответственно развитию академических учреждений, и, с другой стороны, организационное их объединение в целостный академический библиотечный фонд, как один из элементов органической цельности самой Академии.

С. Платонов.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СНОШЕНИЯ АКАДЕМИИ

НЕОБХОДИМОСТЬ при всякой серьезной научной работе постоянных и тесных сношений с иностранными научными учреждениями и отдельными учеными всегда сознавалась нашей Академией Наук. За все ее свыше чем двухсотлетнее существование этим сношениям придавалось особое значение, и они все время поддерживались, крепли и развивались. Все это было надолго нарушено мировой войной 1914—1918 гг. и последовавшей за нею нашей Великой Революцией и связанными с нею событиями. Поэтому, одной из важнейших и наиболее срочных задач, которую поставила себе Академия в рассматриваемый период, было возобновление нарушенных научных сношений с заграницей.

Формы, в которые эти сношения вылились за последние десять лет, сводятся в общих чертах к следующему: 1) участие Академии в постоянных научных объединениях и ассоциациях как обще-научного характера, так и по отдельным научным дисциплинам; 2) совместные с заграничными научными учреждениями и обществами научные предприятия, как-то: издания, экспедиции и т. п.; 3) участие Академии в международных и иных заграничных съездах, конгрессах и конференциях, а также юбилеях как ученых учреждений и обществ, так и отдельных лиц; 4) командировки ученых СССР заграницу с научной целью, в том числе и длительные лабораторно-стационарные работы наших ученых в отдельных заграничных лабораториях; 5) постоянный и правильно поставленный обмен научными изданиями; 6) обмен научными коллекциями и посылка, на основах взаимности, таких коллекций, а также рукописей и редких изданий, заграницу;

7) присвоение отдельным ученым разных почетных званий, премий, а также взаимные приглашения для прочтения научных курсов в высших учебных заведениях и отдельных докладов по специальности или в связи с особыми случаями и 8) обеспечение правильного и своевременного получения из заграницы всех необходимых Академии и ее отдельным учреждениям книг, изданий, инструментов, приборов и всякого другого научного оборудования.

К большому удовлетворению нельзя не констатировать, что за последние десять лет Академии Наук удалось во всех указанных областях международных сношений достичь весьма серьезных результатов, и если еще и существуют заметные пробелы и недочеты, то, с другой стороны, в некоторых отношениях Академия в своих заграничных сношениях ушла далеко вперед по сравнению с довоенным временем.

Старые международные научные объединения — Международный Союз Академий, основанный по постановлению Висбаденской Конференции Академий в 1899 г., и ряд связанных с ним объединений по специальным дисциплинам — были разрушены мировой войной; вновь образованный в октябре 1918 г. Международный Совет Исследований (Research Council) пока еще не налажен, так как до последнего времени он строился на политической основе — принадлежности к одной из воевавших в 1914—1918 гг. с центральными державами, или нейтральных стран.

Это условие, вводившее в чисто-научное дело принцип политический, вызвало самое категорическое возражение со стороны нашей Академии, и путем длительной переписки и личных переговоров представителей нашей Академии с разными заграничными научными центрами, удалось наконец добиться пересмотра этого дела Общим Собранием Международного Совета Исследований, которое, в своем июньском заседании 1926 г., вынесло постановление пригласить Германию, Австрию, Венгрию и Болгарию войти в Международный Совет Исследований.

Хотя дальнейшего оформления этот вопрос еще и не получил, и вхождение нашей Академии в Международный Совет Исследований пока не осуществилось, тем не менее, приведенное постановление Совета, вынесенное в большей части по ини-

циативе нашей Академии, является серьезным успехом в настоящем деле, и им устранено одно из главных препятствий к его благополучному завершению.

Параллельно с выяснением вопроса о возможности восстановления международных научных связей при содействии Международного Совета Исследований, нашей Академией сделаны и непосредственные шаги в этом отношении. Летом 1926 г. Непременный Секретарь академик С. Ф. Ольденбург вел, по поручению Академии Наук, переговоры по вопросу о международных научных сношениях в Германии — через Notgemeinschaft der Deutschen Wissenschaft и ее председателя д-ра Шмидт-Отта, при участии представителей пяти германских Академий, и во Франции — через Comité Français des Relations Scientifiques avec la Russie, возглавляемое известным физиком Ланжевеном, причем при переговорах намечен ряд мер к научному сближению, совместной научной работе и обмену научными силами.

Жизнь выдвигает ряд предприятий общего международного значения, в осуществлении которых наша Академия уже и приняла участие, совместно с некоторыми заграничными учреждениями. Первым по времени, после перерыва сношений, было возобновление участия нашей Академии в Международной Комиссии по изданию сочинений знаменитого математика Леонарда Эйлера, бывшего с 1727 по 1783 г. членом нашей Академии. Комиссия эта выпускает в настоящее время новый, 21-ый, том сочинений Эйлера.

По вопросам других международных изданий, Академии за последнее время удалось осуществить следующее.

1) Подготовлено совместно с норвежскими, американскими и германскими учеными издание международного научного журнала по геохимии, на нескольких языках, причем с академиком В. И. Вернадским ведутся уже переговоры о ближайшем его участии в этом журнале.

2) Возобновлено участие иностранных ученых в издаваемой нашей Академией Bibliotheca Buddhica, являющейся изданием памятников литературы на главнейших языках буддийской культуры, т.-е. санскритском, тибетском, монгольском и др., и имеющей весьма широкое распространение в заграничных научных кругах, на Западе и на Востоке. За последние годы

выпущено 6 выпусков и находится в печати 4 выпуска, которые должны выйти в ближайшее время.

3) Возобновлено участие Академии в международном издании Энциклопедия Ислама, являющемся историческим, биографическим, этнографическим и географическим словарем, долженствующим охватить всю жизнь мусульманских народов в их прошлом и настоящем. В этом издании, выходящем на трех европейских языках, ученые СССР, в том числе и члены нашей Академии, принимают участие с самого его возникновения в начале XX века. За последние десять лет выпущено 20 выпусков (буквы I — K и S).

4) Приступлено к переизданию на новых началах, с участием союзных и заграничных ученых, „Словаря турецких языков и наречий" академика В. В. Радлова. Этот словарь является главным словарем для всех турецких языков и имеет громадное значение для культуры ряда тюркских народов, как входящих в состав СССР, так и соседних с нашим Союзом.

Нельзя кроме того, не упомянуть, что академик П. П. Сушкин приглашен постоянным членом редакционного комитета международного палеонтологического журнала.

Кроме участия в международных научных изданиях, Академии удалось за 1926 и 1927 гг. подготовить 4 экспедиции с участием иностранных ученых: 1) в Кизыл-Кумы и Кара-Кумы для изучения морфологии и орографии русских пустынь (вместе с вопросами их гидрологии и химизма); 2) в Южную Фергану (так называемая Алайская) для изучения ледников Алайского хребта; 3) в Бурят-Монгольскую АССР для бытового и антропологического изучения населения этой Республики и исследования местных форм некоторых заразных болезней и 4) на север европейской части нашего Союза для изучения финских народностей в лингвистическом и этнографическом отношениях.

Особо необходимо остановиться на работе Академии по всестороннему исследованию Монгольской и Танну-Тувинской Народных Республик. До 1927 г. Академия принимала лишь деятельное участие в состоявшей при Совете Народных Комиссаров СССР Монгольской Комиссии, а также в экспедициях, работавших в Монголии и Танну-Тува. В настоящее же время Монгольская Комиссия передана всецело в ведение Академии, и Академия предполагает сильно развить ее научно-исследо-

вательскую работу. В связи с работами Монгольской Комиссии, Геологическим Музеем Академии Наук была изготовлена, по совершенно новым данным, большая рельефная карта Кобдосского округа Монголии, точная копия которой была принесена Академией в дар Монгольскому Ученому Комитету.

Нельзя не отметить, что в 1927 г. решен в положительном смысле вопрос об образовании при Академии Постоянного Тихоокеанского Комитета (с Океанографической Секцией в его составе) и о вхождении представителей Академии Наук в Научный Совет Международной Тихоокеанской Ассоциации. Названный Комитет имеет задачей обсуждение и разработку научных и научно-практических вопросов, связанных с изучением Тихого океана, и, в частности, подготовку нашего участия в последующих Тихоокеанских Конгрессах.

Следует также упомянуть о ведшихся Академией переговорах с турецкими научными кругами о возобновлении деятельности на турецкой территории научного института, с более широкой программой, чем б. Русский Константинопольский Археологический Институт, и с участием в нем большого числа русских ученых разных специальностей.

Наконец, в научном отношении представляет большое значение образованное в Берлине Международное Научное Общество по исследованию Арктики с помощью воздушного корабля. В состав этого Общества входит представитель Академии Наук, академик А. Е. Ферсман, причем участие в работах Общества осуществляется тесно связанным с Академией Ленинградским Институтом по Изучению Севера.

Весьма интенсивным за последние годы было участие Академии Наук в международных научных конгрессах и конференциях. Начиная с 1923 г., Академия через своих делегатов приняла участие почти во всех важнейших научных конгрессах Европы и даже Америки и Азии, и результаты этого участия оказались весьма значительными. Останавливаясь лишь на крупнейших из этих конгрессов, укажем, что в 1923 г. Академия делегировала на Международный Конгресс Исторических Наук в Брюсселе академика В. В. Бартольда, выступившего на нем с научным докладом. В 1924 г. Академия приняла участие в Международном Математическом Конгрессе в Торонто (Канада) в лице своего, ныне покойного, Вице-Президента ака-

демика В. А. Стеклова и академика Я. В. Успенского, также выступавших с докладами. В том же году академик Е. Ф. Карский был представителем Академии на I Конгрессе Славянских Географов и Этнографов в Праге. В 1926 г. академик И. П. Павлов был представителем Академии на Международной Физиологической Конференции в Стокгольме; академик П. П. Сушкин представлял Академию на Международном Орнитологическом Конгрессе в Копенгагене, а член-корреспондент Академии профессор Ю. М. Шокальский — на Съезде Геометров в Париже.

Особенно важным явилось участие Академии: 1) в состоявшемся летом 1926 г. Международном Геологическом Конгрессе в Мадриде, на котором Академия была представлена старейшим геологом Союза, своим Президентом А. П. Карпинским и академиками А. П. Павловым и Ф. Ю. Левинсон-Лессингом, причем академик А. П. Карпинский был избран одним из почетных председателей Конгресса, и 2) на созванном в том же 1926 г. в Токио III Международном Всетихоокеанском Конгрессе, на котором наш Союз был представлен особой делегацией с академиком В. Л. Комаровым во главе, и научные результаты которого оказались весьма серьезными. К этому Конгрессу Академией был издан, на русском и английском языках, сборник „Тихий океан. Русские научные исследования", содержащий ряд статей по научной работе в разных областях знания, произведенной за последние триста лет русскими исследователями и учеными по Тихому океану.

Большой интерес для науки вообще и для русской этнографии в частности представляют работы по американизму. Прерванные войной работы эти возобновились на Международном Конгрессе Американистов 1924 г. в Гааге и Гётеборге, где делегатами Академии Наук были профессора Л. Я. Штернберг и В. Г. Богораз, и на Конгрессе в Риме в 1926 г., где представителем Академии был профессор В. Г. Богораз.

1927 г. в отношении участия нашего Союза и в частности Академии Наук в международных конгрессах также явился весьма знаменательным. В этом году Академии было поручено Правительством организовать наше научное представительство на I Международном Почвенном Конгрессе в Вашингтоне. Наша делегация, во главе с академиком К. Д. Глинкой, состояла из

ряда виднейших почвоведов Союза, организовала на Конгрессе выставку почв нашего Союза, демонстрировала единственную в своем роде почвенную карту СССР, составленную Почвенным Институтом Академии Наук. К названному Конгрессу также был выпущен сборник на русском и английском языках, освещающий достижения нашего почвоведения. Затем, в текущем же году Академия принимала участие: во II Конгрессе Славянских Географов и Этнографов в Варшаве, причем во главе нашей научной делегации стояли член-корреспондент Академии профессор Ю. М. Шокальский и академик А. П. Павлов; в X Международном Зоологическом Конгрессе в Будапеште, причем Академию представляли академики П. П. Сушкин, А. Н. Северцов и научный сотрудник Д. М. Федотов; в IV Лимнологическом Конгрессе в Риме; в юбилейном Конгрессе по Телеграфии и Телефонии в память столетия со дня смерти Вольта в Комо, где представителем Академии был академик П. П. Лазарев и член-корреспондент В. Ф. Миткевич.

Весьма важным было участие в устроенной летом 1927 г. в Берлине „Неделе Ученых", явившейся как бы ответом на торжества двухсотлетнего юбилея нашей Академии в 1925 г. В этом научном собрании от Академии участвовали академики В. И. Вернадский, В. Н. Ипатьев, А. Е. Ферсман и А. Ф. Иоффе член-корреспондент А. А. Борисяк и профессор П. М. Никифоров.

Наконец, осенью 1927 г. Академией Наук было организовано участие ученых нашего Союза на устроенных в Париже торжествах по случаю столетия со дня рождения М. Бертело, где Академия была представлена академиками Н. С. Курнаковым, В. Н. Ипатьевым, Д. П. Коноваловым, А. Н. Крыловым и П. П. Лазаревым.

Кроме международных конгрессов и конференций, Академия Наук принимала за последние годы то или иное участие в большинстве крупных научных юбилеев заграницей. Так, Академия посылала приветствия по случаю юбилеев: Королевского Азиатского Общества в Лондоне, Бельгийской Академии Наук, Высшей Технической Школы в Карлсруэ, Общества Германских Естествоиспытателей и Врачей, Азиатского Общества в Париже, Линнеанского Ботанического Общества в Нормандии, Геологического Общества в Бельгии и др. Академией посылались также

приветствия многим выдающимся заграничным ученым: немецкому востоковеду Т. Нельдеке (девяностолетний юбилей), датскому ученому зоологу Сарса (девяностолетие), шведскому ученому математику Миттаг-Леффлеру (восьмидесятилетие), голландскому ученому исламоведу Снук-Хюргронье (семидесятилетие), немецкому ученому минералогу В. Гольдшмидту (семидесятилетие) и многим другим.

Должно быть также упомянуто чествование нашей Академией некоторых памятных дат в истории мировой науки, имевшее место за последние годы. Двухсотлетие со дня смерти Исаака Ньютона было отмечено торжественным собранием Академии и изданием особого научного сборника; также чествовала Академия память знаменитого физика лорда Кельвина (Томсона). Наконец, к числу таких же памятных чествований международного характера должно быть отнесено и чествование памяти знаменитого финнолога М. А. Кастрена по случаю семидесятипятилетия со дня его смерти.

Совершенно особой, блестящей страницей в научной жизни всего нашего Союза за последние десять лет является празднование двухсотлетнего юбилея Академии, происходившее в сентябре 1925 г.

На этом юбилее, на котором присутствовало свыше 1.000 ученых нашего Союза, с особой яркостью выявилось значение Академии, как одного из крупнейших мировых центров науки, и признание этого значения всем миром. Чтобы охарактеризовать отношение к этому юбилею научных кругов заграницы, достаточно указать, что иностранные делегаты, принимавшие участие в юбилее нашей Академии, в числе 130 человек, являлись представителями почти всех государств мира, а именно: Германии, Англии, Франции, Италии, Австрии, Испании, Венгрии, Швеции, Дании, Норвегии, Бельгии, Голландии, Турции, Японии, Китая, Тибета, Индии и С.-А. Соединенных Штатов, а государства, не имевшие возможности делегировать специальных представителей, прислали телеграфные приветствия или особые адреса. Если к сказанному добавить, что в числе иностранных делегатов были представители всех научных дисциплин, и что многие из них были деятелями с мировыми именами, то отношение заграничных научных кругов к юбилею нашей Академии должно быть признано исключительно сочувственным.

Результаты пребывания у нас такого огромного числа крупнейших ученых оказались весьма значительными. Всем нашим гостям была предоставлена возможность детально ознакомиться с учеными учреждениями Академии и последними научными их достижениями. Происходивший при таких осмотрах обмен мнений между иностранными и нашими учеными был, разумеется, весьма полезен для обеих сторон. Кроме осмотра академических учреждений, иностранные гости Академии посетили, отдельными группами, большинство ленинградских (свыше 40), а затем и московских, научных и историко-художественных учреждений и получили ясное представление о производимой в них научной работе.

В многочисленных приветственных речах наших иностранных гостей, произнесенных по случаю юбилея Академии, были затронуты наиболее важные вопросы международных научных отношений, и выражались пожелания скорейшего тесного единения научных работников всего мира, как преследующих общие высшие цели.

В связи с академическим юбилеем завязался ряд личных знакомств между нашими и иностранными учеными, вызвавших затем многочисленные приглашения отдельных наших ученых заграницу как для прочтения лекций и докладов, так и для научной работы.

Таким образом, нельзя не признать, что в деле укрепления научных связей с заграницей, юбилей сыграл выдающуюся роль.

Едва ли не самым действительным средством для укрепления заграничных научных связей всегда являлось личное общение ученых разных государств между собой, что осуществляется заграничными командировками этих ученых, во время которых они не только знакомятся на месте с научными достижениями иностранных специалистов, но и сами работают в заграничных научных институтах, лабораториях, библиотеках и музеях. Кроме того, при таких поездках учеными читаются целые курсы и особые доклады по специальности, выявляются научные достижения своей страны, и делаются закупки научной литературы и оборудования.

Разумеется, мировые события 1914—1918 гг. нарушили и этот род научных сношений, но уже с 1918 г. они понемногу

начинают восстанавливаться. Так, число командированных заграницу по Академии Наук было:

в 1918 г.	11	из них	1	академик
„ 1919 „	11	„ „	2	„
„ 1920 „	10	„ „	3	„
„ 1921 „	17	„ „	5	„
„ 1922 „	17	„ „	8	„
„ 1923 „	12	„ „	3	„
„ 1924 „	25	„ „	12	„
„ 1925 „	23	„ „	8	„
„ 1926 „	44	„ „	15	„
и в Монголию .	11			
„ 1927 „	37	„ „	15	„
и в Монголию .	29			

Командированные лица посетили, кроме всех государств Европы, также Китай, Японию, Корею, Персию, Индию, С.-А. Соединенные Штаты, Канаду и Монголию и везде работали по специальности, читали лекции, доклады, принимали участие в научных съездах (конгрессах, конференциях, юбилейных торжествах и пр.) и заседаниях, производили закупки необходимых Академии приборов и инструментов. По возвращении в Ленинград, многие из этих лиц делали публичные доклады о своих заграничных командировках и научных работах.

О большинстве заграничных командировок действительных членов нашей Академии говорилось уже при упоминании об участии нашей Академии в международных конгрессах и съездах, но и сверх того многие из наших академиков побывали за последние десять лет в заграничных командировках для работы по специальности в заграничных научных учреждениях. К таким лицам принадлежат академики: А. П. Карпинский, С. Ф. Ольденбург, А. А. Белопольский, И. П. Бородин, П. К. Коковцов, В. И. Вернадский, Н. Я. Марр, А. Н. Крылов, В. Н. Перетц, Ф. И. Щербатской, С. Ф. Платонов, А. Н. Северцов, В. Л. Омелянский, С. П. Костычев, Е. В. Тарле, И. П. Павлов, В. Н. Ипатьев, П. П. Лазарев, А. Е. Ферсман, А. Ф. Иоффе, Я. В. Успенский, П. П. Сушкин, Д. П. Коновалов, Ф. Ю. Левинсон-Лессинг, Е. Ф. Карский, В. В. Бартольд, М. М. Богословский, В. Л. Комаров.

Одним из важнейших вопросов для Академии и для ученых нашего Союза вообще является правильная постановка обмена

научными изданиями с заграницей. Получаемые в обмен на академические издания книги поступают в центральную Библиотеку Академии и доступны для научной работы всех наших ученых. К сожалению, в этом важнейшем деле в первые годы после войны наступил значительный перерыв, с печальными результатами которого приходится бороться и по настоящее время.

В 1918 г. Академией послано было заграницу всего 286 экземпляров академических изданий. В 1919 г. и 1920 г. Академией не могло быть послано ни одного экземпляра изданий. В 1921 г. было послано 2.222 экземпляра, большими партиями через иностранные и наши представительства. Так, в Финляндию послано 1.675 экземпляров через Финляндскую Миссию и профессора Миккола; в Чехо-Словакию через профессора Горака — 49; в Швейцарию—129; в Латвию—58. В 1922 г. из Академии ушло заграницу 3.453 экземпляра; из них через профессора Гольдера в С.-А. Соединенные Штаты—2.165 экземпляров, и в Канаду через Народный Комиссариат по Иностранным Делам—1.100.

В сентябре 1922 г., в связи с необходимостью развития дела обмена, Академией было учреждено особое Бюро по Международному Книгообмену, для восстановления книжного обмена с заграничными учеными учреждениями и ликвидации задолженности Академии по обмену изданиями за прежние годы. В этом и следующем годах в Бюро поступили большие партии книг из С.-А. Соединенных Штатов, через American Relief Administration, от Smithsonian Institution, собравшего издания американских ученых учреждений, и от Notgemeinschaft der Deutschen Wissenschaft из Германии.

Начиная с 1923 г., книжный обмен, как видно из нижеприведенной таблицы, все увеличивается.

	Поступило из заграницы.	Отправлено заграницу.
1923 г.	11.500 экз.	9.000 экз.
1924 „	23.613 „	27.977 „
1925 „	15.625 „	38.077 „
1926 „	18.000 „	64.639 „
1927 „	28.000 „	55.000 „

В настоящее время Академия состоит в научном обмене с 511 научными учреждениями всех частей света, являющимися

культурными центрами: 24 государств в Европе, 7 — в Азии, 4—в Африке, 10—в Америке и Австралии. В число этих учреждений входят все академии наук, важнейшие университеты и высшие школы, научные общества, библиотеки, музеи и т. п.

Для многих академических учреждений, в особенности для Музеев Зоологического, Геологического и Ботанического, весьма важными представляются правильно поставленный постоянный обмен научными экспонатами и взаимная посылка коллекций для обработки и изучения заграничными научными учреждениями и отдельными учеными. Такие обмены и посылки для обработки все последние годы широко производились большинством академических учреждений, более других вышеназванными Музеями, с Германией, Францией, Англией, Швецией и, в особенности, с С.-А. Соединенными Штатами, а также и некоторыми другими странами, причем Геологическим Музеем от некоторых научных учреждений Северной Америки были получены, независимо от обмена, весьма ценные экспонаты в дар. В частности, для палеонтологических собраний Музея от знаменитого американского палеонтолога Осборна в 1924 г. был получен в дар гипсовый слепок черепа *Baluchitherium Grangeri* Osb., только что научно описанного.

Обмен Зоологического Музея с учреждениями С.-А. Соединенных Штатов обогатил наш Музей совершенно исключительным собранием, в особенности, по Отделу Млекопитающих и Птиц.

Затем должен быть отмечен оживленный обмен коллекциями, производимый Музеем Антропологии и Этнографии с соответствующими учреждениями Южной Америки, Швеции и некоторых других стран.

Другие гуманитарные учреждения Академии, как-то: Библиотека и Азиатский Музей, а также и Постоянная Историко-Археографическая Комиссия, нередко посылали заграничным учреждениям, по их просьбам, для научной работы или подлинные свои рукописи и книги (Европа), или же фотографии с них (Бейрут, Каир), обыкновенно на основе взаимности. Указанный вид научных сношений, чрезвычайно полезный вообще, в отдельных случаях являлся решающим условием для научных работ, и потому можно только пожелать дальнейшего развития этих сношений.

С чувством большого удовлетворения можно отметить, что в самые трудные годы, переживавшиеся всей Европой при ликвидации мировой войны, научные сношения нашей Академии с главнейшими центрами западной культуры все же не были полностью нарушены. Доказательством этому может служить весьма знаменательное присуждение в 1922 г. Президенту нашей Академии академику А. П. Карпинскому Парижской Академией Наук премии Кювье, а академику А. А. Белопольскому—премии Лаланда.

В 1927 г. ученый хранитель Пушкинского Дома Академии В. Д. Комарова (В. Каренин) получила денежную премию от Французской Академии за сочинение о Жорж Санд.

В последующие годы целый ряд членов нашей Академии получил почетные звания многих заграничных научных учреждений, как например: академик А. П. Карпинский был избран почетным членом Геологического Общества в Вене; академик С. Ф. Ольденбург — почетным членом Королевского Азиатского Общества в Лондоне; академики С. Ф. Ольденбург, Н. С. Курнаков, В. Н. Ипатьев, Д. П. Коновалов и А. Ф. Иоффе получили звание членов-корреспондентов Геттингенского Научного Общества (Академии); ныне покойные академики В. А. Стеклов и П. Г. Виноградов были избраны почетными докторами Университета в Торонто; то же звание от Калифорнийского Университета получил академик А. Ф. Иоффе; академик И. Ю. Крачковский был избран членом-корреспондентом Арабской Академии Наук в Дамаске; академик П. П. Сушкин был избран членом ряда иностранных орнитологических обществ и т. д.

Наша Академия, со своей стороны, избрала за последние десять лет в почетные члены 27 наиболее выдающихся и заслуженных заграничных ученых, в 10 странах, и большое число членов-корреспондентов по разным научным дисциплинам, среди которых большинство — ученые с мировыми научными именами.

Большую роль в укреплении наших заграничных научных связей сыграли образовавшиеся два специальных учреждения — Notgemeinschaft der Deutschen Wissenschaft в Берлине, во главе которой стоит бывш. министр просвещения Пруссии д-р Шмидт-Отт, и Comité Français des Relations Scientifiques avec la Russie в Париже, руководимый профессорами Ланжевеном и Мазоном. Названным учреждениям и лицам мы обязаны значительным

развитием научных сношений нашего Союза с Германией и Францией и, в частности, целым рядом взаимных приглашений известных ученых для прочтения курсов и лекций по специальности, а также и взаимным командированием молодых ученых для научного усовершенствования.

При посредстве этих же учреждений и лиц нашей Академией ведутся переговоры об установлении правильного реферирования в заграничных журналах научных статей, печатаемых в наших научных изданиях.

Одной из главных забот Академии являлось правильное получение ею и ее научными учреждениями из заграницы новых научных изданий — книг, журналов, карт и т. п., а также инструментов и приборов.

После возобновления связей с заграницей, Академией в 1924 г. были начаты переговоры с издательской фирмой Voss' Sortiment в Лейпциге, и в 1926 г. заключен с нею договор о снабжении заграничными книгами и журналами как центральной Библиотеки Академии, так и библиотек отдельных академических учреждений, а также о распространении академических изданий заграницей. Наряду с фирмой Voss' Sortiment Академия Наук вошла в соглашение с Обществом „Книга" в Берлине о получении через него необходимой академическим учреждениям литературы, выписываемой этими учреждениями непосредственно через названное Общество.

Снабжение Академии заграничными приборами и инструментами централизировано в нашем Берлинском Торговом Представительстве, где особо уполномоченное Академией лицо специально ведает всеми подобными заказами, следит за их выполнением и ведет от имени Академии все денежные расчеты по этим операциям.

С другой стороны, в Физико-Математический Институт Академии Наук поступил ряд заказов от германских и французских научных учреждений (Иена, Страсбург и др.) на изготовление отдельных частей сейсмических приборов системы академика Голицына, которые и выполняются в мастерских при названном Институте.

Независимо от изложенного, научные сношения нашей Академии с заграницей выражались еще и в ряде поступивших из заграницы (Германия, Франция, Швеция и др.) просьб о сотруд-

ничестве членов нашей Академии в некоторых заграничных журналах, о сообщении сведений для биографий заграничных ученых, работавших в России, и пр., а также в переписке наших ученых по поводу их научных трудов, печатаемых заграницей.

Совсем особое место в этих сношениях занимает вопрос о полученном Академией от г-жи Круазе ван дер Коп наследстве. Капитализированное наследство поручено управлению коллегии голландских ученых с тем, чтобы ими, по соглашению с Академией Наук СССР, из получаемых с капитала доходов выдавались субсидии молодым ученым, посвятившим себя изучению русского языка и словесности.

Нельзя не отметить также и получения Академией в 1927 г. из Парижа так называемого Онегинского Пушкинского Музея, который, благодаря доброжелательному отношению французской администрации и научных кругов, был сохранен для Академии в полной неприкосновенности и явился совершенно исключительным по своему значению вкладом в собрания Пушкинского Дома Академии Наук.

Б. Молас.

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ деятельность Академии Наук за истекшее десятилетие с большой выпуклостью отразила все те изменения, которые пережила Академия вместе со всей страной за это время.

В последние годы накануне мировой войны работа Академии Наук в области издательства находилась в цветущем состоянии. Наша Академия выдвигалась в ряды крупнейших научных издательств мира, и такие ее издания, как Известия Академии Наук заслужили репутацию одного из наиболее совершенно поставленных научных журналов, с безукоризненной периодичностью.

Война очень скоро сказалась на издательском деле Академии. Первый удар пришелся по личному составу Академической Типографии. В одном только 1914 г. Типография потеряла вследствие призыва 34 квалифицированных работника. Убыль обученного персонала продолжалась и в следующие годы. Такие потери живой силы, а также ряд других разрушительных факторов того времени, быстро привели академическое издательство к упадку. Еще 1 марта и 1 ноября 1917 г. Известия Академии вышли в назначенный срок. Однако, это были последние попытки удержать стремительно падавшее производство.

Приводимая таблица дает представление об этом процессе.

	Отпечатано	Выпущено		Отпечатано	Выпущено
1913 г.	1.730 печ. л.	1.434 печ. л.	1920 г.	261 печ. л.	376 печ. л.
1914 „	1.626 „ „	1.357 „ „	1921 „	297 „ „	575 „ „
1915 „	1.430 „ „	1.452 „ „	1922 „	456 „ „	738 „ „
1916 „	961 „ „	1.066 „ „	1923 „	452 „ „	636 „ „
1917 „	609 „ „	686 „ „	1924 „	420 „ „	510 „ „
1918 „	494 „ „	697 „ „	1925 „	618 „ „	749 „ „
1919 „	234 „ „	554 „ „	1926 „	1.139 „ „	940 „ „

Нет необходимости истолковывать каждую из приведенных цифр. Ряд этот настолько типичен для условий истекшего десятилетия, что в нем без труда узнается общая кривая, по которой шла вся наша жизнь за эти годы.

Из числа крупных издательских мероприятий, совпавших с началом рассматриваемого периода, особо должно быть отмечено появление в 1915/1916 г. первых изданий Комиссии по Изучению Естественных Производительных Сил России (КЕПС).

Призванная к жизни требованиями военного времени, эта академическая Комиссия развила интенсивную издательскую деятельность, и одновременно с тем, как работы Комиссии перерастали узко военные задания и приобретали более широкий народно-хозяйственный интерес, расширялся и ее издательский план. Любопытно при этом отметить, что первых крупных результатов издательская работа Комиссии достигла в наиболее трудные 1919—1920 гг., когда Академией было выпущено соответственно 166 и 137 печатных листов всевозможных сводок и исследований по естественным производительным силам страны. В общей продукции Академии издания КЕПС занимали в это время доминирующее положение, и это объясняется не только острой потребностью в изданиях именно этого рода, но также и тем, что книги КЕПС, более простые в техническом отношении, было легче печатать в годы развала полиграфического производства. Что же касается основных академических изданий, то положение их было крайне тяжелым.

Характерной особенностью отчетных данных этого времени является неизменное превышение числа выпущенных печатных листов над числом отпечатанных и числа этих последних над числом листов нового набора. Издательское дело Академии замирало. Внимание устремлялось не столько на производство новых книг, сколько на окончание старых изданий, начатых в нормальные годы. В конце 1914 г. остаток отпечатанных листов, принадлежавших к неоконченным изданиям, достигал 2.135 печатных листов; к 1920 г. этот остаток понизился до 1.562 листов, а к концу 1925 г. — до 954 листов. В 1926 г. наступило связанное с бурным ростом продукции повышение, и к концу года остаток достиг 1.212 отпечатанных листов.

Этот процесс ликвидации старых залежей, не требовавший больших новых затрат, характерен для упадочного периода. Он

оказал даже некоторое благотворное влияние на издательское хозяйство Академии. Удалось закончить многое из того, что в условиях нормальной работы отодвигалось, уступая дорогу более спешному. Правда, и сейчас еще на складах Типографии лежит ряд неоконченных изданий, начатых в довоенное время, но число их невелико и продолжает уменьшаться.

В 1921 г., в полном согласии с темпом всей хозяйственной жизни страны, наметился некоторый перелом и в издательском деле Академии. Однако, восстановительный процесс шел медленно,— медленнее, чем в ряде других сторон академической жизни. С этого же времени начинается нажим на издательский аппарат со стороны широких кругов научных работников Академии, требующих выхода своей возрожденной творческой энергии. В 1922—1924 гг. этот все увеличивающийся напор приобрел угрожающие размеры. Множество ученых трудов и статей, не находивших себе места в наших изданиях, уходило заграницу и печаталось в научных журналах Германии, Франции, Англии и Америки, в значительной мере теряясь для русских научных работников, а в особенности для молодых, меньше знакомых с иностранными языками и имеющих ограниченные возможности для получения заграничной литературы.

Между тем издательское дело Академии переживало кризис. В условиях падающей валюты, реальная ценность отпускавшихся в ограниченных количествах средств была низведена до минимума. Крупные запасы бумаги, остававшиеся у Академии от закупок прежних лет, иссякли к середине 1922 г., и в течение нескольких месяцев машины Типографии стояли без движения. Лишь осенью того же года отпущенный в сверхсметном порядке кредит позволил отчасти пополнить бумажные кладовые. Неравномерное поступление средств исключало возможность какого бы то ни было плана. Но когда, в конце 1923 г., произошел переход на твердую смету в червонном исчислении, это сразу же благотворно сказалось на ходе работ.

Наступавший 1924 г. сулил дальнейшие улучшения. Однако, этим расчетам не суждено было сбыться вследствие наводнения, происшедшего в Ленинграде 23 сентября. Издательскому делу Академии это бедствие нанесло чувствительный удар. В подвалах Типографии были подмочены, за малыми исключениями, весь наличный запас бумаги и отпечатанные листы неоконченных

изданий. Переборка и просушка почти миллиона листов мокрой бумаги потребовали громадного напряжения сил работников Типографии и Издательства. Окончательно погибло 10—20% всех листов, большая же часть спасенного получила крайне непривлекательный вид (листы покоробились, покрылись пятнами), и, вследствие этого, целый ряд изданий на протяжении около двух лет пришлось выпускать со штампом: „Повреждено наводнением 1924 года".

Находившиеся в полуподвальном помещении Типографии брошюровочная, словолитня и кладовая шрифтов были надолго выведены из строя. Наиболее значительные убытки понесла словолитня, где вода разбила шкафы с пунсонами и матрицами. Часть этого ценнейшего и, в некоторых частях, единственного в своем роде фонда совершенно утрачена. Многие матрицы от действия воды оксидировались и для отливки более непригодны. Потери словолитни остро ощущаются до настоящего времени, так как восстановление погибшего материала очень затруднительно, дорого и происходит медленным темпом.

Склады готовых академических изданий также не были пощажены водой. Как раз в день наводнения была закончена переноска изданий в новое помещение Книгохранилища, расположенное в первом этаже. Водой был затоплен ряд кладовых, в главном же помещении Книгохранилища вода достигла уровня первых полок и смыла все находившиеся на них книги, разбросав их по всему полу. Для просушки подмоченных изданий было мобилизовано большое число сотрудников Академии, и, благодаря их настойчивым усилиям, несмотря на очень тяжелые условия работы, значительная часть изданий была спасена. Совершенно погибло не более 2% попавших в воду книг, остальные были покороблены, измяты и растрепаны в большей или меньшей степени. Сильнее других пострадали старинные издания XVIII века на русском языке и отчасти новейшие издания 1923 и 1924 гг. Нормальная работа Книгохранилища была прервана на долгий срок. В связи с происшедшим, издательская продукция в последнем квартале 1924 г. оказалась ничтожной, а вследствие этого и годовой результат был ниже, чем в предыдущие два года.

Перспективы дальнейшего развертывания издательской деятельности Академии не укладывались в узкие пределы явно

недостаточной сметы. Академия вынуждена была обратиться к Правительству с ходатайством об отпуске дополнительных средств на издательство. Это ходатайство было удовлетворено, и добавочно отпущенные суммы почти удвоили первоначальную смету 1925 г. Именно этот момент следует считать поворотным пунктом к решительному подъему издательской деятельности Академии. К этому времени закончилась также организация аппарата Издательства Академии, официально возникшего в качестве отдельного учреждения лишь в 1924 г.

Окончательное сформирование Издательства совпало с подготовкой к двухсотлетнему юбилею Академии Наук, потребовавшему от издательского аппарата исключительного напряжения. В особо спешном порядке печатались многочисленные справочники и памятки по отдельным академическим учреждениям как на русском, так и на французском языках, а также всевозможные акцидентные работы, связанные с юбилеем. Наряду с этим не прекращалась основная работа по печатанию чисто научных трудов, причем некоторые из них (как, например, капитальные труды академиков А. М. Ляпунова, А. А. Шахматова, В. Ф. Миллера) специально были приурочены к юбилею. И можно с уверенностью утверждать, что в дни, когда перед всей страной и перед всем ученым миром демонстрировались достижения двухсотлетней нашей Академии, ее издательские успехи стояли не на последнем месте.

Два года, прошедшие после юбилея, были свидетелями дальнейшего развертывания издательской работы. Достижение довоенного уровня производства становится теперь ощутимой реальностью. Однако, этот уровень ни в какой мере не может служить масштабом для оценки современного состояния издательского дела в Академии. Слишком изменились за это время условия работы Академии, умножились ее учреждения и работники, выросли и расширились задачи, чтобы можно было довольствоваться довоенными нормами. С другой стороны, условия современной действительности с ее творческими порывами и одновременным требованием строжайшей экономии, определяют лицо научной книги нашего времени. Отходит на задний план крупная книга-монография, плод многолетних работ одного ученого; для такой книги нет теперь времени у ученого, средств у издательства. Место толстой монографии занимает коллективная работа —

сборник статей, подобранных по известному плану. Не следует эту схему понимать упрощенно в том смысле, что крупные монографии вовсе не могут теперь издаваться, что нужно удовлетворяться одними сборниками. Нет сомнения, что упадок монографии — явление временное. Однако, наличие такой общей тенденции в настоящий момент лучше всего характеризуется издательскими планами Академии, дореволюционными и современными. Если прежде в старейшей академической серии Записок (специально предназначенной для монографий) выпускалось в год 200—250 печатных листов, то теперь эта серия и подобные ей издания занимают в плане Академии гораздо более скромное место. Так, например, в 1926 г. по серии Записок не издано ни одного выпуска; других же изданий монографического типа издано всего 75 листов, при общей продукции в 940 листов. С другой стороны, число возникших с 1917 г. серий и периодических изданий типа сборников достигло 37 названий.

Простой перечень этих изданий лучше всяких описаний охарактеризует направление издательской работы Академии.

1. Доклады Академии Наук. Серия А—по физико-математическим наукам (основана в 1922 г.).

2. То же. Серия В — по историко-филологическим наукам (1924).

3. Годовой Отчет Академии Наук (1923).[1]

4. То же. Часть II. Отчет о Командировках и Экспедициях (1926).

5. Известия Комиссии по Изучению Племенного Состава Населения СССР (1917).

6. Труды той же Комиссии (1917).

7. Труды Комиссии по Истории Знаний (1927).

8. Очерки по Истории Знаний (1927).

9. Известия Физико-Математического Института имени В. А. Стеклова (1922).

10. Ежемесячные Бюллетени Сейсмических Станций: Пулково, Ленинград, Кучино, Макеевка, Пятигорск, Баку, Свердловск, Ташкент, Иркутск; на французском языке (1923—1926).

---

[1] Вместо отдельных отчетов: а) по Отделению Физико-Математических Наук и Отделению Исторических Наук и Филологии и б) по Отделению Русского Языка и Словесности.

11. Труды Геологического Музея (1926).[1]

12. Труды Минералогического Музея (1926).[1]

13. Труды по Изучению Радия и Радиоактивных Руд (1924).

14. Наставления для Определения Геохимических Постоянных (1926).

15. Труды Комиссии по Изучению Озера Байкала (1918).

16. Труды постоянной Комиссии по Диалектологии Русского Языка (1927).[2]

17. Русский Исторический Журнал (1917).

18. Русская Историческая Библиотека (1924).[3]

19. Летопись Занятий Постоянной Историко-Археографической Комиссии (1923).[3]

20. Записки Коллегии Востоковедов при Азиатском Музее (1925).[4]

21. Иран. Сборник (1927).

22. Известия Кавказского Историко - Археологического Института (1923).

23. Яфетический Сборник (1922).

24. Тексты и Разыскания по Кавказской Филологии (1925).[5]

25. Естественные Производительные Силы СССР. Сборник (1918).

26. Богатства России (1920). Серия ликвидирована.

27. Россия (1921). Серия ликвидирована.

28. Известия Института Физико Химического Анализа (1919).

29. Известия Института по Изучению Платины и Других Благородных Металлов (1920).

30. Известия Бюро по Генетике и Евгенике (1922).

31. Известия Сапропелевого Отдела КЕПС (1923).

32. Труды Почвенного Института имени В. В. Докучаева (1926).

---

[1] Вследствие разделения серии Труды Геологического и Минералогического Музея.

[2] Издание перешло в Издательство Академии Наук с 9-го выпуска.

[3] Издание перешло в Академию вместе со включением в ее состав Археографической Комиссии.

[4] Продолжение Записок Восточного Отделения Русского Археологического Общества.

[5] Продолжение издававшихся Петербургским Университетом Текстов и Разысканий по Армяно-Грузинской Филологии.

33. Природа. Журнал (1919).[1]

34. Материалы Комиссии по Изучению Якутской АССР (1925).

35. Труды той же Комиссии (1926).

36. Материалы Особого Комитета по Исследованию Союзных и Автономных Республик (1926).

37. Осведомительный Бюллетень, издаваемый тем же Комитетом (1926).

Приведенный выше список отражает весьма определенно стремление Академии создать для каждого академического учреждения или для известного комплекса их свои специальные издания. За последние годы окрепло убеждение в особенной жизненности и нужности тех именно серий, которые неразрывно связаны с работой определенного учреждения. С другой стороны, стало ясно, какое значение для научного учреждения имеет собственный печатный орган. Любопытно вместе с тем отметить, что в издания Академии вошел после 1917 г. целый ряд научных журналов и серий, издававшихся прежде другими учреждениями.

Заслуживает особого упоминания интенсивная издательская работа Комиссии по Изучению Якутской АССР, начавшаяся в 1925 г. вскоре после основания Комиссии и давшая до настоящего времени 8 выпусков Материалов и 3 тома Трудов, разносторонне отражающих результаты исследований Якутии. В 1926 г. появились первые издания учрежденного в том же году Особого Комитета по Исследованию Союзных и Автономных Республик, приступившего к печатанию периодического Осведомительного Бюллетеня о всех экспедиционных работах Академии и Материалов Комитета, главным образом, по Казакстанской экспедиции. В настоящее время лишь несколько более мелких учреждений Академии не имеют собственных серий. Число их еще уменьшится, если принять во внимание впервые выпускаемые в конце 1927 г. серии: Труды Музея Палеографии и Труды Славянской Комиссии.

При такой стройной конструкции издательского плана, отдельные случайные издания играют незначительную роль. Среди них следует, однако, отметить книги, издаваемые Академией по случаю тех или иных крупных событий научной жизни вроде

[1] Журнал основан в 1912 г. В издания Академии перешел в 1919 г.

юбилеев, съездов и конгрессов. Таковы изданные в 1926 г. к III Международному Всетихоокеанскому Конгрессу сборники на русском и английском языках или собрание отдельно изданных на английском языке статей к Международному Почвенному Конгрессу 1927 г.: „Russian Pedological Investigations".

Особого упоминания заслуживают также многочисленные издания словарного типа, выпускаемые Академией. На первом месте стоит известный „Словарь русского языка", печатание которого в последние годы идет усиленным темпом. Упомянем также заканчивающийся в ближайшее время якутский словарь Э. К. Пекарского; осетинско-русско-немецкий словарь В. Ф. Миллера — А. А. Фреймана; уйгурский словарь покойного академика В. В. Радлова, заканчиваемый лишь теперь; турецкий словарь того же В. В. Радлова; персидские словари технических терминов; подготовляемый к печати средне-персидский словарь и др. Громадность этих работ и их значение для мировой науки трудно переоценить.

Из старых академических изданий, сохранившихся и успешно развивающихся в настоящее время, на первом месте стоят Известия Академии Наук, почти достигшие дореволюционного размера (свыше 1.800 страниц в 1926 г.), но с неналаженной еще периодичностью; Ежегодник Зоологического Музея; Труды Ботанического Музея; Известия бывш. Отделения Русского Языка и Словесности; Сборник Музея Антропологии и Этнографии; Bibliotheca Buddhica и ряд других.

Истекшее десятилетие было ознаменовано интенсивной картографической работой. Число изданных за это время крупных карт достигает полусотни листов. Заслуживают упоминания почвенная карта Сибири (на 8 листах), карта населения Сибири (на 8 листах), карта Шпицбергена (на 3 листах), гипсометрическая карта Казакстана, карта водных ресурсов СССР и мн. др. Картографические работы исполнялись для Академии, главным образом, в Государственной Картографии.

Техническая база, на которой сейчас происходит работа Издательства Академии, достаточно устойчива. Главную долю издательской продукции выпускает Академическая Типография, недавно возвращенная в ведение Академии Наук. За время двухсотлетнего существования Академическая Типография накопила в своих стенах громадные запасы разнообразнейших шрифтов

(в том числе многочисленные восточные шрифты) и выработала технические навыки и приемы, без которых удовлетворительное печатание сложнейших научных изданий было бы невозможно. Несмотря на тесное помещение, недостаточность и изношенность оборудования, Академическая Типография своей тщательной работой во многом содействовала успеху издательского дела Академии. Значительное число академических изданий печаталось в истекшем десятилетии в ряде типографий, по большей части вошедших ныне в трест „Графическое Дело". Некоторые из этих типографий давали работу высокого качества.

Бумажный вопрос, еще недавно стоявший очень остро и заставлявший равнять издательскую работу по случайным запасам бумажного рынка, теперь можно считать разрешенным. Все издания Академии печатаются в настоящее время на вполне доброкачественной бумаге стандартных образцов, и снабжение бумагой протекает нормально.

Иллюстрационный вопрос стоит сложнее. Несмотря на значительное улучшение качества иллюстрационных работ последних лет по сравнению с первыми годами революции, этот элемент издательской работы оставляет еще желать много лучшего. Неудовлетворительна фототипия, столь нужная в научном издании; не всегда удаются автотипии, хотя это нередко объясняется плохим качеством меловой бумаги. Во всяком случае, в деле улучшения иллюстраций в изданиях Академии предстоит еще много работы.

Выше было упомянуто, что Издательство Академии, как отдельное учреждение, насчитывает официально лишь три года существования. Несмотря на такой малый срок, Издательство, однако, имеет серьезные достижения организационного и технического характера, благоприятно сказывающиеся на достоинствах академических изданий. Свою основную задачу в настоящее время Издательство видит в непрерывном улучшении технических качеств выпускаемых изданий и в ускорении процессов работы над ними. В тесном контакте с Издательством работают подсобные издательские отделы при Комиссии по Изучению Естественных Производительных Сил СССР, Комиссии по Изучению Якутской АССР и Особом Комитете по Исследованию Союзных и Автономных Республик.

Н. Андреев.

ПОДГОТОВКА НОВЫХ РАБОТНИКОВ АКАДЕМИИ

ВОПРОСОМ большой важности для всякого учреждения, в особенности для учреждения крупного по своему масштабу и по сложности своих задач, является вопрос о замене выбывающих работников, о „смене". По сведениям на июль месяц текущего года, высоко квалифицированных научных работников — считая от научного сотрудника I разряда и до действительного члена Академии — Академия Наук насчитывает в своем составе 322 человека. Средняя убыль, за последние три года, составляет 12 человек в год, почти 4% всего состава. Таким образом, совершенно оставляя вопрос о дальнейшем росте Академии и о возникающих перед нею новых задачах, для которых потребуются еще новые работники, 12 человек представляют то необходимое количество научных работников с соответствующей квалификацией и стажем, которое должно быть налицо для пополнения ежегодной убыли.

Задача пополнения осложняется характером вопросов, подлежащих компетенции Академии и входящих в состав ее научной работы. Работа Академии обнимает чрезвычайно разнообразные дисциплины. Она ведется, в значительной мере, в музеях, лабораториях, библиотеках, хранилищах рукописей. Значительная часть ее протекает в полевых исследованиях, в экспедициях. В силу этого, в области многих дисциплин она требует от научного работника обширного круга знаний, навыков и способностей практического характера. Последнее не должно смешиваться с теми более элементарными потребностями, которые обслуживаются, по установившемуся шаблону, техническим персоналом, хотя научный работник, для возможности контроля и внесения усовершенствований, должен обладать и этими знаниями. Речь идет о высшей области научной техники, которая неразрывно связана с творческой работой мысли.

ПОДГОТОВКА НОВЫХ РАБОТНИКОВ АКАДЕМИИ

Из какого же источника Академия берет пополнение убыли в своих рядах и удовлетворяет свою потребность в новых работниках?

До самого последнего времени пополнение это шло исключительно извне. Или академический работник поступал в ряды Академии уже сложившимся и сразу избирался на тот или почти тот пост, на котором и оставался в дальнейшее время своей академической службы, или же он поступал на одну из младших должностей, продвигаясь в высший ряд по мере приобретения опытности. В большинстве случаев, состав академиков пополнялся сразу же сложившимися учеными, и из академиков лишь очень немногие прошли предварительный стаж на службе в Академии. В значительной мере это относится и к старшим хранителям научных учреждений. Но и в тех случаях, когда на службу в Академию поступал молодой ученый, его приходилось брать извне; обучения в Академии он не проходил; его задатки и навыки складывались вне Академии. Таким внешним источником пополнения академических сил служили высшие учебные заведения, главным образом, университеты.

Такой порядок безусловно нельзя считать вполне удовлетворяющим потребности Академии, в особенности, в настоящее время. Это обусловливается особенностями университетского преподавания и университетских учреждений. Что касается учреждений такого рода, как химические лаборатории, лаборатории физиологии животных и физиологии растений, то нет никакой разницы по существу между названными учреждениями Академии и соответствующими учреждениями высших учебных заведений, и поэтому молодой ученый, начавший свое поприще в лаборатории высшего учебного заведения, является вполне готовым к переходу на соответствующее место в Академии. Но и в данном случае является существенное возражение против такого порядка: Академия вынуждена брать, так сказать, то, что есть на рынке, брать человека, проходившего другую школу, и этим отказываться от преемственности. Вместе с тем вопрос о переходе в другую лабораторию, с другими интересами и направлением, зачастую отпугивает молодых ученых — притом лучших, уже нашедших свою дорогу — от перехода в академические учреждения, а это еще больше суживает круг выбора. Значительно хуже положение музеев Академии и, в частности, музеев,

занятых вопросами систематики. По целому ряду причин, музейное дело в высших учебных заведениях никогда не было и не может быть на высокой ступени развития. Для высших учебных заведений всякий музей есть, прежде всего, учебно-вспомогательное учреждение и, уже во вторую очередь, может быть исследовательским учреждением, а нередко и вовсе не бывает таковым. Между тем для Академии музей — ученое учреждение, и собранные в нем предметы являются объектом научного исследования. Вместе с тем, роль музея, как мощного общеобразовательного учреждения, обслуживающего широкие массы, может развиться — как это показывает история наиболее могучих и прогрессивных музеев Западной Европы и Америки — только на почве сильного музея, являющегося исследовательским институтом. Вероятно, ни один крупный музей, с широко поставленной общедоступною частью, не развился из университетского музея.

И вот для обслуживания задач музея, в его исследовательской и общеобразовательной роли, нет учреждений, дающих подготовку, так как высшие учебные заведения — единственный источник молодых сил для Академии — всегда были в этом отношении слабы. В области систематики неблагоприятную роль, кроме того, сыграло преобладающее морфолого-эмбриологическое направление биологии, вследствие которого систематика в университете долгое время была в загоне. Сказанное относится и к довоенному времени. Европейская война 1914—1918 гг., затем годы гражданской войны и экономических бедствий еще ухудшили положение как в смысле значительной убыли подрастающего поколения ученых, так и в смысле неоднократно отмечавшегося понижения общего уровня преподавания в высших учебных заведениях, чему еще способствовало непродуманное стремление к практицизму. Поэтому в настоящее время вопрос о пополнении академических работников стоит особенно остро.

Единственный выход из такого положения состоит в том, чтобы Академия сама подготовляла кадры новых работников, соответственно потребностям своих учреждений. Другими словами, при Академии должно быть ученичество, как постоянное учреждение. Этим будет обеспечена преемственность научной мысли—то, что называется школою, та преемственность, которая

составляет крупную силу, в особенности, германской науки. Будет обеспечена смена уходящих работников новыми, подготовленными в самих учреждениях Академии, соответственно своеобразию последних. Этим отнюдь не возлагаются на Академию педагогические задачи. Академия остается исследовательским учреждением высшего ранга, а обучение должно остаться в ведении высших учебных заведений. Но, подобно тому, как при довоенных университетских уставах окончившие студенты могли быть „оставляемы при университете для приготовления к профессорскому званию", подобно тому, как теперь существует институт аспирантов, по существу восстанавливающий прежних оставленных при университете — должен быть учрежден и институт „оставленных при Академии". В высших учебных заведениях „оставленным при университете" (по прежней терминологии) или аспирантом (по новой) может быть лицо, окончившее полный курс наук данной специальности в высшем учебном заведении. Из числа лучших, заявивших свое желание и способность к научной работе, высшие учебные заведения избирают оставляемых или аспирантов, и последние проходят дополнительное обучение, которое должно превратить их из успешного ученика в самостоятельного работника по данной специальности. Институт „оставленных" обеспечивал пополнение научных сил и преемственность работы в прежних университетах. Это зарекомендовавшее себя учреждение с полным основанием восстановлено теперь в виде института аспирантов. Эта возможность готовить своих работников путем дальнейшего обучения лиц, окончивших высшие учебные заведения, должна быть дана и Академии Наук.

Мысль о подготовке самой Академией своих работников отнюдь не является новою. По сохранившимся данным, такая подготовка производилась уже в начале прошлого столетия. В 1803 г. состоялось постановление об отборе 15 гимназистов для подготовки их в воспитанники и о поручении академику С. Е. Гурьеву составления плана занятий. К сожалению, мы не в состоянии восстановить полной истории этого дела. Сохранились сведения об одиннадцати—из них двое умерло, трое уволены из Академии; из остальных один покинул Академию как кандидат университета, другой как доктор медицины, третий уехал с экспедицией в Пекин, а трое избраны адъюнктами.

Двое из последних (Э. Д. Коллинс и П. Н. Фус) стали потом академиками. Таким образом, результаты можно признать очень успешными. Однако, в 1830 г., при издании указа о новых штатах Академии, воспитанники признаны на будущее время ненужными.

В 1926 г., по инициативе Отделения Физико-Математических Наук Академии, при Академии учрежден институт „практикантов". Основанием к учреждению его послужила ясно сказавшаяся острая необходимость правильного обеспечения научной смены, необходимость воспитания новых поколений работников Академии. Ввиду того, что характер подготовки практикантов существенно иной, чем проходимой аспирантами высших учебных заведений (исключается обязательная для последних подготовка к преподавательской деятельности), решено было отметить это и терминологически, почему и избрано другое название. Музеи, как учреждения Академии, наиболее нуждавшиеся в практикантах, по указанным выше соображениям, имелись в виду в первую очередь. В настоящее время практикантами при Академии Наук состоит 30 человек, причем они распределяются между академическими учреждениями следующим образом: Физико-Математический Институт — 2, Химический Институт — 2, Лаборатория Биохимии и Физиологии Растений — 1, Особая Зоологическая Лаборатория — 1, Геологический Музей — 3, Минералогический Музей — 2, Ботанический Музей — 2, Зоологический Музей — 3, Музей Антропологии и Этнографии—4, Яфетический Институт—2, Азиатский Музей—2, Комиссия по Изучению Естественных Производительных Сил СССР — 3, Комиссия по Изучению Племенного Состава Населения СССР — 1, Комиссия по Изучению Якутской АССР — 1 и Постоянная Историко-Археографическая Комиссия — 1.

Привлечение практикантов и их подготовка регулируются „Правилами о приеме практикантов в академические учреждения и о прохождении ими практики", утвержденными Общим Собранием Академии 8 мая 1926 г. Правила эти сводятся к следующему:

„1. В практиканты при научных учреждениях Академии Наук СССР допускаются лица, прошедшие полный курс высших учебных заведений по данной специальности, с выполнением соответствующих практических занятий, хотя бы ими и не была еще представлена требуемая дипломная работа, причем для этих

лиц обязательно знание хотя бы двух главных европейских языков, понимая под таковым чтение книг по специальности.

2. Избрание кандидатов в практиканты предоставляется усмотрению учреждения, при коем будет происходить практика, причем представления о зачислении на вакансии практикантов могут исходить только от подлежащих академических учреждений. Кандидаты Народных Комиссариатов по Просвещению Республик должны представляться через соответствующие академические учреждения.

3. Намеченный учреждением кандидат обязательно подвергается коллоквиуму в данном учреждении, в порядке, какой для этого будет последним установлен, и, если после коллоквиума будет признан удовлетворяющим назначению, представляется, через Президиум Академии Наук, на утверждение соответствующего Отделения Конференции.

4. При прохождении практики на практиканта не может возлагаться никаких обязанностей по повседневной работе учреждения, не связанных с его работами по научной подготовке.

5. Ближайшим ответственным руководителем практиканта является один из ученых специалистов учреждения, при котором состоит практикант, по определению этого учреждения.

6. Практикант обязан ежегодно представлять, через своего руководителя, в учреждение, при коем он состоит, отчет о своей научной работе".

В приведенных „Правилах" заслуживают особого внимания следующие пункты: выбор кандидатов в практиканты производится весьма строго, предусматривая предварительный коллоквиум; работа идет при условии неоднократной поверки результатов; практикант вводится во все детали работы того учреждения, при котором он состоит, включая, например, в музеях, всю процедуру хранения и каталогизации, но при этом практикант не должен рассматриваться, как служащий Академии, и на него не должно возлагаться никаких работ по учреждению, которые не имеют ближайшего отношения к занятиям практиканта; отчеты о деятельности практиканта представляются им самим, а отнюдь не руководителем; ожидаемый результат пребывания практиканта при Академии — приобретение им способности работать самостоятельно в соответствующих учреждениях Академии; Академия, однако, не берет на себя обязатель-

ства предоставить постоянное место практиканту. Срок практикантства был установлен двухгодичный, с правом продления, в особых случаях, на один год.

Опыт ведется в течение слишком недолгого времени для того, чтобы иметь возможность окончательно судить о его результатах. Пока (сентябрь 1927 г.) еще ни один из практикантов не прошел полностью своего стажа. У некоторых, впрочем, можно отметить законченные, частью и напечатанные работы, о которых руководители дают хороший отзыв. Однако, и кратковременный опыт позволяет наметить некоторые желательные поправки, а затем весьма существенным является для этого длительный опыт прежнего института „оставленных при университете". Этот институт дал громадное большинство пользующихся мировым именем русских ученых, работающих и сейчас, и эта заслуга названного института заставляет обратиться с доверием к его опыту. Поучительными являются и неудачные попытки министра народного просвещения Л. А. Кассо подменить этот институт.

Прежде всего, опыт указал уже, что двухлетний срок практикантства недостаточен. Впрочем, этого и следовало ожидать. В довоенное время обычный стаж оставленного при университете длился, в среднем, три года. По сравнению с тогдашними претендентами на оставление при университете, молодые люди, из среды которых приходится в настоящее время выбирать практикантов, находятся, в общем, в невыгодном положении. Во-первых, знание иностранных языков, без которого шагу ступить нельзя в самостоятельной научной работе, теперь значительно менее распространено у оканчивающих высшие учебные заведения; во-вторых, постановка практических занятий, в особенности в провинциальных высших учебных заведениях, ниже, чем в довоенное время; в третьих, трудность приобретения учебников и вообще книг очень вредно отзывается на уровне познаний. Поэтому, помимо собственно практикантства, практиканту приходится спешно пополнять недостатки своих университетских познаний и своего знания иностранных языков. На пополнение этих дефектов уйдет около года. Поэтому трехлетний стаж надо считать нормальным.

Далее, необходимо ввести в качестве завершения практикантства заграничные командировки. Последним, со времен

Петра I, принадлежит важная роль в истории русской науки и образования русских ученых. Не может быть двух мнений относительно того, насколько важно, при все увеличивающемся интернациональном характере науки, общение ученых каждой страны с учеными других стран, и насколько важно для развития сознания молодого ученого войти в это общение возможно скорее. Для оставленных при университете командировка заграницу была обычным продолжением стажа в случае успешности его; часто она назначалась после так называемого испытания на степень магистра, которое являлось в значительной степени испытанием успешности работы оставленного. Подобный порядок можно было бы принять и теперь, давая заграничную командировку практикантам, успешно закончившим свой стаж. Для целей самой Академии безусловно важно иметь заграничные командировки, как право и, вместе с тем, как обязанность для тех из практикантов, которые поступают на службу в Академию. Что касается срока командировки, то он не должен быть слишком кратким, ввиду неизбежной трудности вхождения в условия работы заграницей при недостаточном практическом знакомстве с языками. Правильным было бы установить срок от девяти месяцев до года (для оставленных при университете обычно полагался двухлетний срок). Для каждого практитанта командировка и ее задания должны определяться соответствующим Отделением Академии, по представлению руководителя, строго индивидуально, в связи с направлением подготовки данного лица. Этими соображениями должен диктоваться и выбор страны или стран, куда направляется командируемый. Решительно нужно отбросить всякую шаблонную регламентацию, вроде непригодной попытки одного из реакционнейших министров, Л. А. Кассо, завести институт для подготовки русских ученых при одном из германских университетов.

Что касается количества практикантов, то имеющееся в настоящее время является несоответственно малым. Такое громадное учрежденне, как Зоологический Музей, с его различными Отделениями по специальностям, имеет всего 3 практикантов. Некоторые учреждения не имеют практикантов вовсе. Такой порядок нисколько не обеспечивает замены убыли. Настоящая цифра даст в среднем 10 работников в год, даже при невозможном предположении, что все окажутся успешными. Эта цифра—

меньше потребности, даже при стационарном состоянии Академии. А между тем Академия продолжает расти. С одной стороны, это — естественный рост, частью в связи с развитием науки, частью в связи с упрочением временных учреждений, заставляющим Академию время от времени выделять новые институты. Так, например, недавно создался Почвенный Институт, выделенный из состава Комиссии по Изучению Естественных Производительных Сил СССР. С другой стороны, к Академии обращаются как центральное Правительство, так и Правительства Автономных Республик с поручениями исследований, для которых Академии приходится создавать новый исследовательский аппарат и находить новых работников, так как имеющиеся силы полностью использованы. Наметить цифру практикантов, однако, трудно. Необходимо иметь в виду следующие соображения. Нельзя ожидать, чтобы все практиканты могли занять место в Академии, как и ранее не все оставленные делались учеными. Далее необходимо иметь избыток, превышающий потребности, чтобы получить возможность выбора. Отнюдь, конечно, не следует руководиться нелепыми опасениями „перепроизводства ученых", которые приходится иногда слышать и теперь. Несомненно, что при высоком значении Академии как исследовательского учреждения, лица, прошедшие при ней стаж практикантов, будут находить применение своих сил и знаний. Это уже учтено некоторыми Союзными Республиками, которые командируют в некоторых случаях за свой счет молодых людей для прохождения практикантского стажа при Академии. Достаточно вспомнить, далее, то количество сил, которое требует разрастающаяся работа в области краеведения, часто ведущаяся совсем неудачно именно из-за отсутствия на месте научно подготовленных работников; институт практикантов может и тут сыграть громадную роль. Мне кажется правильным на первое время довести число практикантов до 80. Цифра эта не должна пугать. Возможно, что иногда вакансии при какомлибо учреждении останутся незаполненными. Но они могут быть использованы другим академическим учреждением, в котором окажется своего рода урожай молодых сил. Не следует забывать, что талантливая личность представляет редкую случайность, и, в интересах государства, необходимо эту случайность сохранить и использовать.

Последний вопрос представляет содержание практикантов. Современное содержание, 80 руб., представляется недостаточным. В начинающем ученом необходимо развивать привычку приобретения книг и вообще научного антуража. Со многими дисциплинами связано экскурсирование и коллектирование, а опыт показывает, что они лучше всего способствуют развитию научной самостоятельности в том случае, если делаются на свой страх и на свои скромные сбережения. Но для всего этого необходим небольшой избыток бюджета. Сумма в 115 руб., равняющаяся вознаграждению научного сотрудника II разряда, не была бы преувеличенной и для практикантов.

Таким образом, ближайшими потребностями в области института практикантов являются: 1) установление трехлетнего стажа практикантства; 2) командировки заграницу, по окончании практикантства, для лиц, поступающих на службу в Академию; 3) доведение числа практикантов до 80 человек и 4) доведение содержания практикантов до 115 руб. в месяц.

П. Сушкин.

Библиотека Географического Общества Союза ССР

Цена 2 рубля